

ГАРЕТ ХАНРАХАН

Гвердон – город, который полон истории, ужасов и скрытых тайн, а уверенный стиль Ханрахана приятно напоминает Чайну Мьевиля.

Николас Имс

СЛОМЛЕННЫЙ БОТ

НАСЛЕДИЕ ЧЕРНОГО ЖЕЛЕЗА

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Гарет Ханрахан
Сломленный бог

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Ханрахан Г.

Сломленный бог / Г. Ханрахан — «Эксмо», 2021 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-172543-3

Божья Война пришла в Гвердон, разделив город на три оккупационные зоны. Хрупкое перемирие сдерживает богов, но и другие опасные силы плетут интриги. Шпат Иджсон, наследник воровского братства, переродился в живой камень Нового города. Но его силы иссякают, а вокруг кружат вероломные драконы Гхирданы. Тем временем далеко за морем Карильон Тай – воровка, святая, убийца богов – ищет таинственную землю Кхебеш, отчаянно пытаясь найти лекарство для Шпата. Но на что ей надеяться, когда даже боги жаждут отомстить ей? «Проза и образы Ханрахана восходят к лучшим из классических сюжетов фэнтези о мечах и магии, в которых люди борются за выживание, а божества сражаются». – Publishers Weekly «Я куплю любой роман, который когда-либо напишет Гарет Ханрахан». – Fantasy Inn «Это фэнтези, бросающее вызов жанру в самом лучшем его проявлении. Абсолютно потрясающий дебют. Безумно изобретательный и глубоко извращенный. Я в восторге! Очень рекомендую». – Майкл Р. Флетчер «Гердон – город, который полон истории, ужасов и скрытых тайн, а уверенный стиль Ханрахана приятно напоминает Чайну Мьевиля». – Николас Имс «Захватывающая история, которая прекрасно сочетается с ее пленительным, мрачным и изобретательным окружением». – Джеймс Айлингтон

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-172543-3

© Ханрахан Г., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	75
Интерлюдия 1	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Гарет Ханрахан Сломленный бог

Эта книга для Кэт

© Н. Иванов, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

И снова тот же сон.

И снова тот же день.

Во сне Артоло, уроженец Гхирданы, вальяжно прохаживался по улицам Нового города, кварталам древнего Гвердона. Весенний воздух освежал, и упругая походка Артоло бодро пружинила. Он глядел вдаль на невероятную панораму Нового города, на средоточие мостов и шпилей, походившее на пенную волну, что застыла и обратилась в мрамор. Глядел ввысь на башни, сотворенные за одно мгновение ошибкой в расчетах алхимиков – по крайней мере, так утверждала молва. Гвердон был известен всему миру в основном диковинным алхимическим промыслом. Боевые орудия из его котлов и плавильных печей утекали потоком за море – на Божью войну, а золото с серебром струилось обратно.

На взгляд Артоло, этот Новый город был ситом, подставленным под Гвердон, чтобы его семья снимала себе золотую и серебряную накипь. Город был порождением смуты и бедствий, а смута всегда предоставляет большие возможности тем, кто хладнокровно выжидает своего часа. Поэтому из всей семьи Прадедушка и выбрал надзирать за деятельностью в Гвердоне именно Артоло. Его крепкие руки никогда не дрожали.

И за месяцы пребывания здесь он подтвердил удачность этого выбора. Сломил местное преступное сообщество, Братство, которое вело дела сидя в Мойке – самом загаженном районе города. Теперь он над ними хозяин.

Конечно же, разобрался со всеми, кто пытался выступить против.

Потому как, наехав на Артоло, ты наезжал на Гхирдану, а на Гхирдану не наезжает никто.

Никто не смеет идти против дракона.

Пока это только начало. Новый город по-настоящему пока что ничей. Половина этих зачарованных высоток пусты или заняты местной голытьбой, а то и вообще беженцами, за которых некому заступиться, – их легко будет отсюда прогнать. Гвердон до сих пор залечивал раны, приходил в себя после Кризиса. Восковые големы городского дозора, сальники, сгинули с улиц. Алхимики перестраивали разрушенные фабрики; Братства больше нет; парламент пришиблен, им заправляет состряпанный наскоро комитет. Даже здешние боги в полном упадке.

Повсюду раздолье. Повсюду поспели плоды, только рви. Артоло провел здоровенной лапищей по мраморной окантовке балкона, наслаждаясь приятным чувством. Пристукнул по перилам кольцом Самары, и показалось, будто весь город задрожал, затрепетал от его касания, словно в испуге.

Словно лошадь, которую пора объездить. Женщина, которую пора взять.

Приятное чувство. Правильное. Прямо как в первый раз, когда Прадедушка взял его в полет. Новый город расстился перед ним облаком на сияющем небе, и Артоло парил навстречу своей славной судьбе.

Во сне он спускался по лестнице. Его люди склоняли головы перед ним, полушепотом произносили почтительные слова. Скоро перед ним склонится весь город. Перед боссом Артоло, Прадедушкиным фаворитом. Прадедушкиным Избранником.

Он сошел вниз. В подвале ждали двое его парней: кузен Воллио и Тиск. Верные люди, хотя Тиск всего лишь Эшдана, отмеченный пеплом, а не потомок драконьего рода. Они держали пленного.

Пленную. Молодая темноволосая женщина вырывалась из рук, как уличная кошка. И орала не хуже.

– Тихо, – прикрикнул он. Взял девушку за подбородок, повернул к себе лицом. У нее на коже темные крапинки, как точечные следы ожогов. На шее висит некрасивый кулон из какого-

то черного металла. – Мне сказали, что ты шныряешь за мной. Крадешь у меня. Зарезала троих моих людей.

– Это вы только троих нашли, – зло буркнула она.

– Знаешь, кто я? – Он сдал ей рот.

– Толо, – промычала она.

– Нет! – гаркнул он.

Он разжал руку. Достал свой кинжал. Золотая рукоятка инкрустирована самоцветами. Клинок – полученный от Прадедушки драконий зуб. Это более чем оружие – это знак доверия Прадедушки, знак власти гхирданского князя. Ему нравился вес, нравилось, как нож лежит в руке. Рукоять изготовили специально по его мерке.

Артоло саданул девушку кинжалом, эфесом в лицо. Поднес оружие к ее глазам:

– Видишь? Знаешь, что это такое? Я босс Гхирданы. Я Избранник дракона.

Он приставил кинжал к ее горлу, надавил, вминая в кожу.

Еще немного сильнее, и кожу прорвет бодрый красный ручей.

Еще чуток протянуть, пропилить хрящ, и получится разрыв, дыхательное горло уступит стали, испустив горячие брызги.

– Пойти против меня – значит пойти против Гхирданы! – Здесь, в подвале, свидетелей нет. Только Воллио с Тиском. Только мерцание камня неправдоподобного Нового города. Но Артоло все равно нравилось произносить эти слова. Он много раз проговаривал их прежде. И сейчас произнес скорее ради себя самого. Напомнить себе о суровости. Напомнить о недопустимости неудач.

Он посмотрел девушке прямо в глаза. Никакого страха. С чего-то она взяла, что босс не станет доводить дело до конца. От этого он рассердился еще сильнее.

– Обокрасть меня, – прорычал он, – значит обокрасть дракона! – И чиркнул кинжалом поперек ее горла.

Послышался скрипучий, визгливый скрежет, как будто он прочертил лезвием по твердому камню. Там, где нож обтерся о мягкое девичье горло, сыпанули искры. Кинжал – его драконозубый кинжал – не смог причинить ей вреда.

Однако каким-то образом клинок повредил подвалу, где они находились. Дюжина ран открылась в белых, светящихся стенах, глубокие влажные расселины надсекли камень, подражая росчерку ножа по ее глотке. На которой – ни единой царапины.

Чудо. Ублюдское, нахрен, чудо.

Но Прадедушка говорил ему, что в Гвердоне не осталось святых.

Каменный пол содрогнулся, отшвыривая от девушки Тиска и Воллио. Подручные грохнулись в противоположных углах подвала. Потолок растаял, длинные пальцы блестящего камня отслоились с него, как сталактиты, переплетающиеся стебли и бутоны из прочной кладки. Воллио и Тиск оказались мигом замурованы, заключены в камень. Артоло слышал их крики паники, заглушенные толщей стен.

Девушка медленно встала со зловещей ухмылкой. Раскрасневшаяся от восторга, опьяненная силой.

Подвальная дверь позади нее задрожала, а затем сплавилась с подтаявшей притолокой. Единственный выход отсюда наглухо закупорен. Помощь звать бесполезно.

Нож не берет эту бабу. Он врезал ей по носу оголовьем рукоятки. Стены комнаты – нет, нижние боги, весь Новый город принял удар на себя. А она невредима. Артоло тут же вмазал ей в рожу – как вмазал по стене. На одернутом кулаке закровоточили костяшки, а для нее это было всего лишь игрой.

Он не способен ее поранить. Не способен убить. Ни пистолета, ни чего-то более разрушительного при нем нет. Почему, проклятье, он не взял пистолет? За морем ему доводилось убивать святых, только не голыми руками. Тем более без Прадедушки.

Прадедушку подводить нельзя. Подводить Прадедушку – недопустимо.

В подвале кончался воздух, ему нечем дышать. Подкашиваются ноги, и в смятении не понять, то ли течет пол, то ли колени совсем обмякли. Девушка уже нависла над ним, мстительная и ужасная. На четвереньках он попятился, вернее – попробовал отползти, но поверхность стала зеркальной – гладкая, скользкая.

Она подобрала его драконозубый кинжал, полюбовалась на самоцветную рукоять. Со знанием дела повертела, изучая грань лезвия.

– Ты его затупил, – сказала она. – Говно твой резак. – Девушка отбросила кинжал на пол. – Ничего, у меня свой есть, – смеясь добавила она и извлекла собственный клинок откуда-то из складки плаща.

Воллио не обыскал эту суку?

– Зови меня Святой Карательницей, – сказала девушка, подступая к нему. Вдруг она остановилась, взглянула на потолок: – Чего? Нормальное имя! – Подождала, будто прислушивалась к какому-то голосу, недоступному Артоло. – Ладно, тогда у меня будет волшебный карающий нож. Или офигительный огненный меч. Но сначала... – Она опять обратилась к Артоло. Глаза у нее переливались подобно мрамору Нового города под солнцем: – Этот город – мой. Я знаю, что вы тут делаете. Знаю, зачем сюда приперлись.

Ей неоткуда об этом знать, подумал Артоло. Прадедушка доверил ему задание, столь секретное, что невозможно поручать такое никому вне семьи. Ей неоткуда было узнать о Черном Железном оружии. Да кто вообще эта девка?

– Убью, тварь. – Артоло начинает грозить, собрав остатки своей прохудившейся храбрости. Должен быть способ ее достать. Ядовитый газ. Кислота. Чары. Драконье пламя. Она человек. – Семью вырежу.

Женщина хохочет.

– Поздновато уже. Но раз мы дошли до угроз... – Она смыкает кулак, и стена, запиравшая Воллио, повторяет ее движение. Сдавленный крик, и из каменных трещин сочатся алые потеки.

– Я найду – как.

Девчонка его не слушает:

– Гхирдана здесь никому не нужна. Возвращайся и так и передай своему дракону. – Она делает жест, и сзади отворяется стена – волнообразно растекается, открывая проем. Из этого второго выхода тянет могильным смрадом упырьих туннелей.

Она переступает через него, будто через пустое место.

Не ведет и бровью, будто его нет.

Никто не обращался с ним так. Ведь он – Артоло из Гхирданы. Прадедушкин фаворит. Избранник дракона!

Кинжал, драконий зуб, уже в руке. Пружина ногами, Артоло насккивает на нее. Стерва вполтину меньше него, мелкая, слабая и, да провались эти чудеса, всего лишь девчонка. Неожиданный удар, и...

...Сон заканчивается, как и всегда. Девушка делает разворот, будто бы видит его бросок. Нож входит ему под ребра. Она отклоняется, а инерция толкает Артоло вперед, и на белых стенах теперь алое, алое, алое. И он падает, словно сорвавшись с могучей спины Прадедушки.

А дракон продолжает полет и не оглядывается.

Глава 1

В иные дни Кари приходилось напоминать себе, что не все прошлое было сном. Теперь с нею привычная корабельная качка. Запах морского ветра и трюмная вонь. Скрип канатов и древесины, плеск воды об обшивку, крики матросов – все, из чего раньше состояла жизнь, стало ею опять. Необъятная ширь – небеса, а под ними море.

Кари облокотилась о фальшборт на носу, осматривая горизонт. Пустой простор делал ее упоительно безымянной. Открытый океан не признавал имен, которыми пытались наделить его смертные или боги. Не принимал истории, существуя лишь в настоящем, всевечном сейчас. Океан дарил рождение заново с каждой набегавшей волной.

В океане ее сухопутная жизнь казалась сном.

«Но то был никакой не сон, правда?» – произнесла про себя Кари, и пальцы сжали черный амулет, вновь украсивший ее шею. На ответ не приходилось рассчитывать – Шпат за полмира отсюда. Даже будь она сейчас в Новом городе, в сердце великого поселения, которое ненароком сотворила из его мертвого тела, неизвестно, смог ли бы он отозваться.

Но Кари все равно мечтала об ответе. Из всех сил напрягала некое психическое подобие слуха.

Ничего.

Только круговерть собственных растрепанных мыслей.

Забавно, как ни крути. От страха перед зовом незримых сил она когда-то сбежала из дома, найдя покой в обезличенности океана. С расстоянием голоса в голове глохли. Каждая новая миля от Гвердона ложилась бальзамом на израненную душу.

А теперь страшит отсутствие одного конкретного голоса, и каждый день плавания – непозволительная трата времени. Если бы только был способ телепортироваться на край света, а не месяцами обходить Божью войну кругом, она давно так бы и поступила, в задницу любую цену.

«С тобой всегда все непросто», – мысленно проворчала она. И снова не получила ответа. Только воспоминание, как на задворках улицы Желаний двоюродная сестра Эладора, лежа в крови, зло шептала: «Ты вечно все портишь».

Ну, уж не в этот раз.

– Ильбарин! – долетел окрик из вороньего гнезда. – Вижу Ильбаринский Утес!

Кари уставилась на горизонт, высматривая горб далекой горы. Снизу пока мало что видно. Она справилась с желанием взобраться на такелаж и как следует осмотреться. Половина прежней жизни прошла на снастях, и раскачка мачты не внушала ей страха. Но ценный трофей нельзя бросать без присмотра. Кари похлопала по непромокаемому свертку, с которого шесть месяцев не спускала глаз, – внутри качнулась ободряюще увесистая книга. Ободряюще увесистая? Скорее, пипец, неподъемная. Книга была громадной до нелепости, а обложка окована металлом с мощным замком. Еще, поди, и с обережными чарами. Хреновина остановит пулю, причем не самую мелкую. Если Кари когда-нибудь попадет под артобстрел (в смысле снова), то прикроется этой дурацкой книжкой.

Гримуаром доктора Рамигос, если уж именовать ее более-менее подобающе. Судя по объяснениям Эладоры, это своего рода чародейский дневник. Хотела бы Кари знать, какие страницы журнала колдуньи и впрямь важны. Разбирайся она, что ценно, что нет, то просто вырезала бы нужные листы и свернула их в удобненький свиток. Так нет же – все написано непостижимыми заклинательными рунами. Никак не понять, где потрясающие мир таинства, а где волшебные рукописания навряд ли «Расстройство желудка, день восьмой. Сегодня стул зеленоватого цвета, без резкого запаха», поэтому приходилось таскать том целиком. Она перла

чертову книжку из Гвердона в Хайт, через море до Варинта, на юг в Паравос, потом за Халифаты на Огнеморье – и вот уже скоро Кхебеш.

Стоит задуматься: шесть месяцев с книгой попадают в ряд ее самых продолжительных отношений с кем бы то ни было, притом что Кари не могла прочесть ни единой строчки.

Она снова напрягла слух. Шпата веселили ее шумные тирады. А она до сих пор просеивала мысли, отбирая те, что могли бы его порадовать. Но, увы, он – прореха в душе, незримая рана. Отрубленная конечность, которой не было у прочих людей. С ней нынче лишь собственные мысли, а для Кари остаться наедине с собой всегда значило попасть в дурную компанию.

Кое-кто из моряков мог бы ее понять. Некоторым из них тоже пришлось пройти под занебесной сенью. Это не гвердонское судно; Кари села на борт в... одном из портов, занятых Халифатом, что ли? В Тервозе или то была предыдущая пересадка в ее долгом, извилистом путешествии? Судно не из Гвердона означало не гвердонскую команду, и на борту находились тронутые богами. С ними плыл Эльд – заклинатель погоды, мелкий святой Матери Облаков. Он околачивался повсюду, жаловался на опухшие колени и вздутый живот и, когда требовалось, рожал воздушных сильфов, чтобы те наполняли паруса, поддавая кораблю ходу. У другого матроса на закорках каталось могильное дитя из Уль-Таена, морок детского жертвоприношения. Кари иногда видела это дитя, если солнце било под правильным углом. И еще был наемник с наколотой на груди сгиллой Царицы Львов.

Все плавание она держалась от него подальше.

На одну жизнь с нее врагов уже хватит.

Утес Ильбарина рос. Судно пробиралось через загаженное обломками море. Доски колыхались на воде и бились о корпус.

Команда поспешила к борту делать промеры – узнать глубину под килем. Конечно, у них имелись таблицы, но в последнее время от таблиц толку мало. Боги запросто могли выдрать океанское дно и швыряться им друг в друга.

Пять лет прошло с тех пор, как она видела Утес, но город Ильбарин хорошо ей запомнился. Другие путешественники упоминали о блистательных ильбаринских фонтанах среди пышных зеленых садов или о храмах под золотой кровлей, но Кари в основном помнились заполненные народом причалы, дорожки у складов с припасами, припортовые таверны и лавочки. Здесь, как и на «Розе», проходило ее отрочество. Отсюда она наверняка сумеет двинуться дальше.

Судно сменило курс. Далекий Утес Ильбарина скрылся за бушпритом и опять возник по другому борту. Они больше не шли в город Ильбарин, направляясь вместо этого к северной оконечности острова.

Кари втиснула гримуар Рамигос в сумку и закинула за спину. Грузный ранец, кажется, перекошил ее набок, а здесь беспокойные воды. Капитан До`ска отыскался у поручней, с поднятой подозрительной трубой. Что-то надвигалось.

– Эй, – окликнула она. Он не отозвался, тогда она положила ладонь на окуляр трубы, перекрывая обзор. Хотя так добилась его внимания.

– Я заплатила вперед за рейс до Ильбарина. Еще добавила сверху, чтобы добраться туда без заходов в другие порты. – Вообще-то это был первый раз в жизни, когда Кари *оплачивала*, а не отработывала проезд, и будь она проклята, но деньги будут потрачены с толком.

Доска причмокнул сквозь гнилые зубы.

– Мы должны сменить курс, – медленно проговорил он. – В городе Ильбарине больше не безопасно. Произошло, э-э, наводнение.

– Вы пообещали доставить меня до города.

– Мы там не сможем причалить.

– У меня в порту есть друзья. – Использовать настоящее время – смелое допущение с ее стороны. У нее были друзья, в ту давнюю пору. Почитай, семья. Пять лет она провела на палубе «Розы». Хоуз или Адро наверняка ей помогут. В крайнем случае пойдет к Долу Мартайну – деньги на проезд у нее есть. Капитан Хоуз был родом с Ильбарина и всегда повторял, что здесь и осядет. Она была согласна на любой корабль, лишь бы доставил ее к заповедным хлебешским берегам, однако втайне лелеяла мысль, что приплывет туда на «Розе». – Мне необходимо попасть в сам город Ильбарин.

Доска выдержал длинную паузу, затем ответил:

– Вместо этого мы идем в Ушкет.

– Ушкет... Да ведь Ушкет на полпути к вершине их гребаной горы! – Какое же страшное у них наводнение? Вот дерьмо, насколько же устарели ее сведения? Обычный переход из Гвердона в Ильбарин занимал от четырех до пяти недель, но Кари все делает через задницу, поэтому поплыла в обход. Поневоле – ни при каких обстоятельствах она не отважилась бы приблизиться к ишмирским богам после того, что сделала с их повелительницей войн. Она пропутешествовала много месяцев и почти не получала новостей с юга, пока не добралась до Халифатов. И так рвалась в Ильбарин, что наплевала на все меры предосторожности.

– На берег мы вас высадим в Ушкете. С этим ничего не поделать. – Он опять поднял трубу.

– Что там? – спросила Кари. Она видела, как к ним направляется какое-то судно, размазывая по небу темные выхлопы. На алхимической тяге, судя по размеру – канонерка. Ильбаринские военные? Она потянулась к подозрной трубе капитана, но Доска сложил и убрал устройство, прежде чем она смогла его взять.

– Сопровождение. – Он сверху вниз посмотрел на Кари: – Вам лучше не отсвечивать. Я скажу им, что не везу пассажиров.

– Это ильбаринцы?

Доска покачал головой:

– Нет. Гхирданцы.

Гхирданцы. Сраные драконьи пираты.

Беги. Прячься. Кари припустила вниз, под палубу, соскочила с трапа, оттиснула Эльда, не обращая внимания на его ругань. Беременное ветрами пузо святого заняло почти весь проход. Кари бросилась в угол, где спала и держала остальные пожитки. В трюме воняло тухлыми яйцами, и запах удавалось терпеть, только постоянно держа люки открытыми. Снизу можно было видеть серебристую синь небес и слышать, как ходят на палубе.

Серебристую синь пересек едкий дым, повеяло испарениями двигателя. Канонерка рядом. Послышались окрики, громыханье о корпус, когда чужие люди полезли к ним на борт. Кари нашла укромное место под койкой и вжалась в затемненный угол – маленький ребенок прячется от чудовищ. Нож сжала в руке, готовая нанести удар. Сердце бухало так тяжело, что грозило сломать ей ребра.

Весь былой настрой ее покинул вместе с волшебным чутьем. Раньше, в Гвердоне, она была неудержима. Святая Карательница, не хухры-мухры. С опорой на Шпатово чудо Кари-льон была неуязвима. Шпат хранил ее, принимал на себя любую рану, способную ее покалечить. С его помощью она одной левой вышибла дурь из гхирданского синдиката. Не получив ни царапинки, вышвырнула их пинками из Гвердона. Еще несколько месяцев назад ей не пришлось бы прятаться. Она знала бы заранее, где находится каждая гхирданская сволочь, чужаки шагали через каменный пол. Перед ней открылись бы стены, а Новый город пересобрал себя по ее желанию. Мраморная кожа святой стянула бы пули, и дюжина противников разом огребла б ее неласковой благодати.

Прося у нее пощады.

Моля о помиловании.

Иногда она их щадила. Иногда – нет.

«Как думаешь, им известно, кто я?» – полетела к Шпату шальная мысль. Черт, может, и нет. Может, она перестраховывается. Гхирдана – крупное сообщество, объединение криминальных семейств, во главе каждого стоит здоровенный огнедышащий змей – их людям на Ильбарине вовсе не обязательно знать, что произошло дома. Покамест трижды – два раза в Варинте и один в Паравосе – ей мерещилась слежка, но каждый раз преследователи терялись. И не понять, Гхирдана то была или нет – столько врагов она себе наплодила.

Глядишь, получится пустить пыль в глаза. Держа нож в кармане, вразвалку подняться на палубу с обыденным видом. «Кто, я? Да я тут на корме вкалываю».

Но тогда они могут заметить эту чертову книжку.

Поэтому Кари продолжала прятаться и ждать. Плечи и ноги затекли от скрюченной позы под койкой. Металлический угол книги впивался в копчик. По рукам, по ключицам ползали тараканы. Она не шевелилась. Забилась в угол, как напуганная малышка.

Откинулся люк, и в трюм полезли двое мужчин. Оба носили военное облачение, но из частей и кусков разных мундиров, с содранными знаками различия. Оба вооружены. А у нее зажат в ладони лишь ножичек. Столько бойцов никак не осилить – их на целых два больше. Два – а ведь было дело, когда она над дюжиной таких скотов лишь посмеялась бы. Мужчины обошли трюм, пинком распахнули боцманский рундук, бегло осмотрели и отбыли. Скрип ступенек под сапогами просигналил, что они ушли наверх.

Она выдохнула. «Лопухи зеленые. Мое время еще на них тратить. Вот бы Шпат поржал».

Кари немного расслабилась, но по-прежнему вслушивалась, как бурчит мотор канонерки.

Светло-серебристая синь покрылась позолотой, солнце начало садиться. Наверху Доска выкрикивал команды. Был различим шелест убираемых парусов, лязг цепей и характерный рывок, когда что-то потянуло корабль вперед. Их буксируют в порт, наверно, с помощью гхирданской канонерки. По-видимому, в Ушкет. Двигатель канонерки натужно понизил обороты, и корабль закачался.

План такой: ждать, пока их не пришвартуют к причалу. Ждать до темноты. Улизнуть на берег; двинуть на юг, в обход Утеса к городу Ильбарину, последнему отрезку пути до Кхебеша. Даже без Шпатовых путеводных чудес, даже под тяжестью гадской книженции у нее достанет сноровки незаметно выбраться на берег. А если засекут, что ж, она давно наловчилась насаживать гхирданцев на резак. «Но ты утратила неуязвимость, поэтому не давай им по тебе попадать», – указала она себе голосом Шпата.

Позолоченное серебро небес стало оранжевым, потом посерело. Тут, на дальнем юге, темнеет быстро.

Снаружи оборвался шум двигателя, уступив скрипу канатов. Корабль с приглушенным стуком ткнулся о какую-то пристань. Кричат портовые грузчики. Путешествие завершено. Капитан Хоуз учил Кари всегда благодарить местных морских божеств за благополучное прибытие, но она не смела даже шептать.

Ждать осталось уже недолго.

Вдруг трап вновь заскрипел, застонал под тяжестью. Раздалось шипение дыхательного аппарата. Дневной свет почти угас, поэтому Кари видела лишь силуэт. Шлем из металла. Прорезиненный костюм, покрытый трубками и металлическими пластинами, на них поблескивали колдовские знаки. Доспешная фигура валко протопала на середину и остановилась, изучая трюм. Кари вторично вжалась в обшивку, сердце опять забабахало, во рту пересохло.

Она и раньше встречала таких вот бронированных персонажей. Подобные костюмы изначально предназначались для защиты от алхимических выбросов, токсинов, инфекций, дымолезвий и прочей солянки, но она видала также их переделки, припоспособленные под изоляцию неизлечимой заразы. В Гвердоне есть торговец вторичным алхимическим веществом по имени Дредгер,

он носит такой постоянно. Еще был Холерный Рыцарь, громила, который работал на старого главаря гвердонской преступности, Хейнрейла.

Шпат убил Холерного Рыцаря, при этом едва не погиб, хоть и обладал тогда силой каменного человека. Хейнрейла Кари низвергла сама, одной силой мысли, но это было еще тогда, когда она умела творить чудеса. Сейчас у нее ничего нет, кроме ножа, нечего уповать на чудо или необычайную силу.

В своем доспехе Холерный Рыцарь походил на котел с ногами, морской броненосец, втиснутый в переулок, в латах и клепках. Этот костюм изящней, вычурней – может, и хрупче? Шлем напоминал морду вепря, и распахнутая звериная пасть открывала внутри бесстрастное металлическое лицо. Женское, холодное и жестокое. В глазницах – зеленые линзы.

«Цель в дыхательную трубку, цель в сочленения, саму броню не пробьешь, – подумала она. Рукоять ножа проскальзывала в кулаке. Она обтерла кисть о рубашку, снова стиснула свое оружие. – Цель в трубку».

Доспешная фигура подняла руку, что-то прохлопотала – и трюм внезапно затопил свет. Дюжина маленьких шариков, пронырливых светляков, заплесали в воздухе. Это чародейские огоньки – бронированная тварь еще и колдует. Блин горелый. Теперь к страху внутри Кари подмешалась холодная струйка неуверенности, чего она терпеть не могла. Чародеев трудно оценить верно, с ними тяжело драться. Не предскажешь, насколько они умелы, пока не начнут швырять заклинания. Не предскажешь, насколько сильны, ибо это прямо зависит от степени их взбешенности. Волшебство выжигает их изнутри.

Накатило воспоминание, все то же самое, когда бы она ни закрыла глаза: Шпат опрокидывается, падает, валится из-под купола громадного Морского Привоза навстречу гибели на твердом полу. Лицо стянуто ужасом, взгляд устремлен на нее. Он падает, а она стоит застывшая, парализованная заклинанием.

Гадство, чем же встречать чародейку? Будь Кари по-прежнему святой, божественный покров отчасти уберег бы ее. И святые, и чары волшебников существуют в эфире. Святые могут грубой силой пробиваться сквозь чары, сметать заговоры и ломать обереги, как физические препятствия. Пребывай Кари по-прежнему осиянной Шпатом, будь прежней Святой Карательницей, наверное, сумела бы прорвать заклинания чародейки, как кирпич паутину. Нынче же она бессильна. Безобидна, как говенная муха.

Линзы завжикали, защелкали, шлем медленно проворачивался, обозревая пространство. Кари подобралась, готовая вышмыгнуть из укрытия и напасть, если ее обнаружат.

Колдовство занимает время. Если хватит скорости, то, возможно, она успеет выскочить из-под койки и добраться до противницы прежде, чем чародейка бросит заклинание. Возможно.

Призрачные светляки, послушные чародейскому взгляду, неумолимо двигались к ней.

«Цель в дыхательную трубку, – подумала она, – и положиись на удачу».

– Ведьма? – позвал сверху кто-то из гхирданцев. – Поднимись, ты нам тут нужна.

Чародейка в панцире резко сомкнула ладонь. Огоньки погасли. И снова милостиво, блаженно, самым приятным звучанием на свете заскрипела лестница.

Кари вылезла из укрытия, таща за собой тяжелую поклажу. Наверху разгоралась потасовка – гхирданцы хотели, чтобы Эльд, святой Матери Облаков, пошел с ними, а он не спешил пошевеливаться. Из того, что Кари разобрала среди шума, Эльд попытался выжать из себя воздушного сильфа, чтобы натравить его на гхирданцев. Отвратительное решение в драке. И великолепный отвод внимания, особенно когда Эльд начал реветь от боли.

Она прокралась через трюм к кормовому люку. Взгромоздилась на ящики, повесила сумку на удобно торчащий гвоздь, затем через полуоткрытый люк протиснулась на палубу. Бросила взгляд на нос. Эльд в корчах катался по доскам. Призрачные очертания духа ветра высунулись из пореза на животе, но над Эльдом встала доспешная чародейка. Простертая

железная длань замерцала колдовской силой. С помощью волшебства чародейка пришила духа на месте – наполовину внутри, наполовину снаружи тела. Из раздутого пуза Эльда с шипением рвался ветер, береда края родильного сечения. Почти все гхирданцы собралась вокруг этой дерготни, кроме пары стрелков, присматривавших за капитаном Доской и прочей командой.

В ее сторону никто не глядел.

Кари сунулась обратно в люк и отцепила сумку. Вес поклажи едва не утянул ее назад в трюм, но она смогла вытащить ранец и пристроить его за спиной. Были сброшены дощатые сходни, но Эльд корчился как раз возле них, поэтому она подобралась к одному из корабельных отхожих мест – площадке, выдававшейся за борт ближе к рулю.

Отсюда она проворно скользнула на причал.

Сам морской причал возвели недавно, бетон гладок и не изъеден стихией. Вокруг творилось что-то странное – они будто бы пришвартовались посреди рыночной площади. Кари укрылась за стопкой ящиков возле ограды из проволоочной сетки. Стояла мертвая тишь, и дороги за оградой были пустыни. При тусклом свете не видно наверняка, но, кажется, эту гавань вырубili посреди затопленной части Ушкета. Она заметила узкую протоку, должно быть, бывшую улицу, – канонерка, видать, отбуксировала корабль Доски этим маршрутом. Это единственный путь назад к морю. По обеим сторонам протоки – выжженные обломки развалин. Наверно, драконий огонь. А может, и чудо.

В этом порту стояли привязанными еще четыре корабля, как узники на цепи. До Кари дошло, что здесь такое – тюрьма для кораблей. Отсюда не уйти, кроме как на буксирной привязи, со знающим лоцманом. Можно представить, какие опасности и препятствия таятся в этих водах: разрушенные дома пропорят корпус точно рифы. Корабельная тюрьма – а кто тут в долбанных надзирателях, она догадывалась. Гхирданцы.

Держась в тени, она юрко припустила по краю причала, груз за плечами пригибал спину. Когда пропали последние лучи солнца, Карильон скрылась в ночи.

Улицы сплошь незнакомы, вокруг странные здания. По бокам крутых спусков плотно набились дома, но слышались птичьи трели и пахло зеленью, значит, где-то рядом сады. Сумерки длились недолго, и ночь выдалась безлунной. Кари хлопала по лужам, огибая расщелины и вездесущие кучи мусора. Это напоминало районы Гвердона после атаки Ишмиры – флота Кракена. Должно быть, здесь произошло то же самое – боги схватили океан и размахнулись им, как дубиной, обрушив море на эту страну.

Пора убираться с улиц, пока не заметили. Нижние этажи домов выглядят затопленными и заброшенными. Она присмотрела открытый проем – выломанная, сорванная с петель половина двери опиралась на вторую половину, как пьяная на собутыльницу. Через эту щель Кари проскользнула в прежде пышную приемную. Руки испачкала краска, облезавшая с гнилых досок. Лестница посередине уходила вверх, но там, в отдалении, было слышно похрапывание: похоже, на верхних этажах до сих пор жили люди.

Этот, первый, этаж был облеплен наносами ила и плавучего мусора, но свежих следов в обход лестницы не наблюдалось. Кари хватило сил отворить дверь в какое-то бесхозное помещение, давно обобранное от всего мало-мальски ценного.

Вот и прекрасно. Ей нужно одно – место, где сегодня переночевать. Утром она заберет свою ношу, выберется из городка, двинет пешком вдоль хребта к городу Ильбарину и там отыщет корабль на юг. Она села в сухом углу, измотанная до ломоты.

Кари открыла рюкзак и в тысячный раз проверила – гримуар на месте. Это единственное, что она может предложить колдунам Кхебеша. В уме опять всплыли слова Эладоры:

«Привезешь книгу им. Обменяешь на все, что понадобится. Я не знаю, способны ли они помочь господину Иджсону, но, надеюсь, что это возможно».

«Уже недолго, Шпат», – проговорила она сама себе. Может, вопреки всему, услышит и он.

Плеск воды на улице убаюкивал, и Карильон уснула.

Глава 2

Дракон Тэрас кружил над Гвердоном.

Громадное туловище Прадедушки рассекало поднебесье. Небо золотило кожистые крылья, до того широкие, что они отбрасывали тень на весь мир. Великаны мускулы прекатывались под древней шкурой, посеченной тысячью шрамов. Иным отметинам века – их оставляли стрелы и арбалетные болты, дротики и пики святых. Другие, свежие, – пулевые раны, кислотные ожоги, налет сукровицы после дымолезвий либо когтей и щупалец божественных тварей. На Божьей войне все получают раны, подумал Раск, даже сам Прадедушка Тэрас.

Но дракон неуживим.

Он стал кружить ниже. Забрало Раска во время бомбардировки повредило шальным выстрелом – обзор покрывала паутина мелких трещин. Приходилось мотать головой, чтобы разглядеть разные части Гвердона, расстилавшиеся под ним. С седла казалось, что Прадедушка заполнил весь мир: в какую бы сторону Раск ни смотрел, дракон присутствовал повсюду – кончик крыла, коготь или хвост.

– Ну разве он не прекрасен? – прогрохотал Прадедушка. Раск скорее прочувствовал слова, а не услышал – сотрясение от рыка пробежало по ляжкам, по позвоночнику и гулом отозвалось внутри шлема.

Он ни за что бы не возразил Прадедушке, но город внизу поражал своим однообразным уродством. На высоте приходило ощущение, что можно потянуться и поднять его целиком одной рукой. Заводы алхимиков походили на сложные механизмы, запачканные маслянистыми дымными тучами. Их понавтыкали посреди скоплений улиц и застроек, что, разбухая, жались к стежке полусасыпанной реки. Прадедушка снизился, закатное солнце отразилось то ли от видимого речного отрезка, то ли от какого-то канала, и город зажегся, как сигнальный маяк. Некоторые участки Гвердона потрепали недавние битвы. Крепость на мысу Королевы лежала в руинах; от старинной тюрьмы в заливе на Чутком ничего не осталось, кроме опаленного, почерневшего камня.

Были здесь и свои самоцветы. Дворцы и соборы на Священном холме. Угрюмая глыба Парламента на Замковом холме – безобразная с виду, зато драгоценная по сути. И прямо под ними цель полета – великая жемчужина, сияющий Новый город. Невероятной красоты район мраморных шпилей и куполов, мерцавших на солнце бульваров и улочек, что напоминали прожилки листа, покрытые инеем.

Вознесен колдовством, по словам Дантиста, в результате несчастного случая, приключившегося у алхимиков. Целый город вырос за одну ночь.

А рядом другой район нового времени, равно противоестественный. Крыши ишмирских храмов, как акулы плавники, торчали из лиловой мглы, что нависла над участком, прозванным Храмовой Четвертью, но на официальном наречии Перемирия именованным Ишмирской Оккупационной Зоной. Подобно тому, как Новый город обозначили Лириксианской Оккупационной Зоной, а протяженность от подножия Священного холма до северо-восточных пригородов – Хайитянской. ИОЗ, ЛОЗ, ХОЗ.

Сокращения позволяли отместить чувство чужеродности и стыда, разложить немислимое по отведенным полочкам. Город избежал покорения и разрухи, лишь пригласив всех претендентов на завоевание к дележке трофеев. Как женщина, предлагающая себя победителям, – возьмите меня, делайте со мной что хотите, только не троньте детей.

То есть, в случае с Гвердоном, не троньте мои жизненно важные алхимические фабрики, не троньте дворцы и особняки. Пощадите мои рынки и свободное право торговать оружием, не губите мою прибыль. Город обрел безопасность, поставив себя на острую кромку клинка.

Был ли этот город прекрасен? Раск задумался над вопросом. С воздуха он повидал множество городов, и многие из них были блистательны. Высокие храмы – как распутившиеся хрустальные цветы; ступенчатые пирамиды из обсидиана; чертоги с золоченой кровлей для пиршеств героев. Да, попадались места и попрекраснее – но когда дракон заканчивал с ними, все они превращались в золу и уголь. С воздуха Гвердон – противное место. Безобразный, нескладный каменный зверь, истерзанный множеством ран, выполз на берег моря, чтобы там сдохнуть, но даже с высоты различимо, как многолюдны здесь улицы, как суетливы доки.

Раск чуял запах денег. Ощущал пульс власти.

Город не был прекрасным, но дракон желал его не красоты ради.

Раздраженный рокот всколыхнул исполинскую тушу Прадедушки, когда они пересекали Храмовую четверть, и в ответ судорожно скрутились низко парящие облака. Там укрывался чудовищный отпрыск Матери Облаков. Раск костями чувствовал неудовольствие дракона.

– Надо было лететь через ХОЗ, – сказал Раск, – перепугать их, пускай бы драпали.

Его голос доносился до ушной раковины Прадедушки через трубку. Иначе пришлось бы орать на пределе глотки, чтобы дракон услышал его со спины.

– Не сегодня, – громыхнул Прадедушка. – Не надо провокаций. Хватит с нас воевать. Время вести дела.

Хватит воевать. Раск потерял непривычную бляху на своем летном доспехе – эмблему лириксианских войск. Еще двадцать лет назад они первые обстреливали бы Прадедушку.

Они спускались над скоплением куполов Нового города. Еще один дракон – драконица Тайрус, патрулируя пространство над Новым городом, заложила вираж навстречу подлетающему Прадедушке. Лицо гхирданской всадницы на спине Тайрус скрывала маска, но Раск представил ее кислую рожу и ехидно ухмыльнулся.

Знамя Лирикса, трепетавшее на морском ветру, вытянулось в противоположную сторону, уступив урагану от могучих крыл, когда Прадедушка садился на плац. Границу их военного анклава охраняли лириксианские солдаты. Прадедушка вполз под купол через пробитую взрывом дыру. На земле он разом стал грузен и неповоротлив.

Драконы рождены парить в высях.

Раск спешил. После длинного полета у него тоже затекли ноги. Уже и седок стал существом, принадлежащим огню и ветру, а не земной грязи. Он потянулся, преодолевая ломоту в теле. Раск молод и силен, но всего лишь смертный. Многие поколения предков восседали на Прадедушкиной спине, только их больше нет – а Прадедушка непреходящ.

Под куполом и дракон, и всадник стряхнули с себя боевую сбрую. Лириксиане помогли Раску избавиться от тяжелой дыхательной маски, отстегнуть воинский нагрудник. Поснимали, сегмент за сегментом, пластинчатую броню, что предохраняла брюхо Прадедушки от зенитной стрельбы. Отцепили пустую разгрузку, к которой еще недавно крепились алхимические бомбы. Рядом с драконом солдатам было не по себе. Прадедушка сперва мирился с тем, как они нерешительно возились со снаряжением, но все же нетерпение победило. Дракон оторвал последнюю пластину и, сотрясая пол, двинулся к выходу.

К ним подскочил офицер – майор Эставо, припомнил Раск, – и заикнулся насчет отчета о бомбардировке. Он сжимал папку с документами – рапортами об ущербе или наметками целей для следующего вылета. Начал было отдавать честь, тут же спохватился. С государственной точки зрения Раск с драконом по-прежнему преступники – вот только мало кто из обычных бандитов мог разорвать надвое боевой корабль или сжечь с неба армию, что и делало драконов незаменимыми для военных нужд. Во время войны властям и гхирданским семьям приходилось сотрудничать.

– Великий Тэрас... – начал Эставо, обращаясь к Прадедушке по имени.

– Мой внук все уладит, – не останавливаясь, ухнул Прадедушка, и Эставохватило ума не заступать дорогу дракону. Он беспомощно повернулся к Раску.

– Доложу вам позже, сэр, – ответил Раск с мерзкой ухмылкой на «сэре».

Они с майором понимали, что все это глупости, волк притворялся, будто прилежно исполняет овечьи правила.

– Может, завтра. Или днем позже. – Он сгрузил поврежденный шлем на руки Эставо и проследовал за Прадедушкой наружу.

Есть дело, которым нужно заняться в первую очередь.

Как сказывали жрецы, в давние годы народ Лирикса погрязал во грехе и злобе. Люди поголовно становились скупцами и обжорами, прелюбодеями и смутьянами. Они мошенничали и лгали, отнимали жизни и хулили богов. Боги осерчали на них и приняли людские грехи на себя, и из этих грехов народились драконы – сотворенные, чтобы стать бичами божьими, обратить грех в искупительное страдание. Но вместо этого драконы пошли к худшим из худших, разбойникам и пиратам Гхирданских островов и сказали:

– Разве мы не похожи? Мы с вами ненавистны всем прочим. Давайте быть заодно – и покажем, что почем, этим ублюдкам.

И на свой лад драконы стали бичом народа Лирикса, и припомнили людям грехи, и загнали их в любящие объятия богов. И за этим занятием неплохо обогатились.

Прадедушке было непросто передвигаться по тесным городским улицам. Острые кончики крыльев глубоко бороздили стены с обеих сторон. За драконом припустила детвора, подбирая наудачу осколки выдранной кладки. Дракон с удовольствием хрюкнул и нарочно привалился к стене, низвергая для сборщиков обвал отделочного камня.

Поднырнув под переднюю лапу, Раск потрусил возле драконьей башки, чтобы можно было поговорить.

– Не пройдет недели – и Эставо захочет, чтобы мы опять слетали на юг. Сколько времени продлятся дела?

– Это, племянник, зависит от тебя. Есть работа, которой необходимо заняться – здесь, в городе. Но обожди, пока мы не уединимся среди своих. – Прадедушка объявил своей временной гвердонской резиденцией часть Нового города; на эту территорию допускались лишь гхирданцы или люди Эшданы, присягнувшие служить драконьим семьям. Сейчас в Гвердоне еще три дракона – нет, два, Виридаза уже на юге, – но никто из них не был ни столь прославлен, ни столь могуч, как Прадедушка.

– Мы должны развивать преимущество, пока ишмирцы в разладе. – После гибели богини войны прежде могучее Праведное Царство пошатнулось. По большому счету Раску было плевать на успехи лириксианских войск – да, он предпочел бы, чтобы Лирикс разбил соперников, чтобы боги отчизны низвергли храмы Ишмиры и всех остальных, но это предпочтение сродни выбору привычной кухни или знакомого зла. А так – катился бы этот Лирикс в преисподнюю вместе со всеми. По-настоящему важно одно – благополучие Гхирданы. Главное в том, что победа должна пополнить драконьи богатства.

А еще как же славно сидеть наверху, на драконьих закорках, и иметь в своем распоряжении неимоверную силу и неодолимое пламя. Указывать на храм или укрепленную сторожевую башню, на сплоченный пехотный строй и знать, что ты способен уничтожить все это по щелчку пальцев. Какая разница, кто твой враг, если ты орудуешь такой сокрушительной мощью?

Славно быть Избранником дракона.

– Но по моему раскладу, внук, – проговорил Прадедушка. – И в выбранный мною момент. А сейчас я должен побеседовать с доктором Ворцом.

Ворц. Как некоторые его зовут – Дантист. В качестве лекаря Прадедушки ответственный за удаление зубов из драконьей пасти – всякий раз, когда новый член семьи входит в возраст и достаивается кинжала. Суть, однако, в другом – теперь он Прадедушкин советник, единственный из приближенного круга, не входивший в семью. Ворц – Эшдана, повязанный клятвой взамен кровных уз. Избранником дракона ему не стать никогда. Может, именно это позволяло

ему честнее высказываться перед Прадедушкой – а может, осознание того, что он достиг пика стремлений и выше уже не подняться.

Такой советник, шепчущий Прадедушке на ухо, имелся всегда. Когда Раск был мальцом, им была бывшая королева пиратов с побережья Хордингера, дикарка в наколках. Она ела тюленью ворвань, и при беседах с драконом с ее губ капал жир. Семья ее ненавидела, и, когда Раску было пять лет, она сорвалась со скалы и разбилась. После хордингерки появился Марко – нет, после хордингерки была старуха-священница, которая вязала погребальные облачения, а уже после нее пришел Марко, всеобщий приятель. С неизменной улыбкой он проводил сделки, дружелюбно хлопал по плечу и утирал лоб под островным летним зноем. Прадедушка постоянно держал при себе кого-то полезного, с умениями или связями, которых не могла предоставить семья.

Затем в один прекрасный день Марко пропал, и на его место заступил Ворц. Дантист с инструментами в кожаном портфеле, набором микстур и зелий. Отщепенец-алхимик, изгнанный из гвердонской гильдии за невыразимо жуткие эксперименты. С личиночно-бледной кожей и рожей гробовщика, он никогда не повышал голоса, только шипел. Одевался во все черное, как святоша, и ходил так, словно от быстрого шага переломилось бы его тщедушное тело. Раск сталкивался с подобной игрой на публику. Голодранцы и жулики предьявляли подложные божественные стигматы или колдовские увечья, намекая на ужасную цену, уплаченную ими за небывалую мощь. Как правило, это было простое притворство, способ произвести впечатление своими якобы сверхъестественными способностями и в то же время ничего не делать по-настоящему.

Как правило. Но то, как Прадедушка обращался с Ворцем, предполагало, что этот человек обладает подлинной силой.

И даже если Ворц всего лишь человек, Прадедушка требовал уединения.

Раск похлопал дракона по чешуйчатому плечу и отвернулся в сторону. Разговоры с Ворцем так и так нагоняли усталость – будто болтаешь со счетной книгой. У этого сухаря в душе нет никакого огня.

Прохожие, увы, перед Раском не расступались.

Дома на его пути не посмел бы стоять никто. Перед Избранником дракона посторонится всякий. Дома мужчины подходили бы сами, здоровались, жали руку, искали его благосклонности. Женщины засматривались бы на него, шептались о молодом гхирданском князе. Дома все знали, что он в особой чести у дракона.

Здесь же, при выходе из тени Прадедушки, он сразу оказывался потерянным. Ну да, кое-кто его знал, но лишь как парня из Гхирданы. Они не подозревали о высоком положении Раска, не придавали значения драконьему зубу у него на бедре. Среди этой толпы он был обезличен.

Приземленный, уже не парил в поднебесье.

Он выбрался из людского скопления и побрел по изогнутым улицам гхирданского поселения в Новом городе. Он желал снова почувствовать касание ветра на лице. Шпили и башни вздымались во множестве, подобно застывшим водопадам или перевернутым к тучам сосулькам. Выше желтые испарения алхимических мастерских, естественная слюдяная серость гвердонского неба, жутковатый туман над ИОЗ – живые отродья небесной богини, словно медузы, струили щупальца поверх крыш. Клубы воскурений над храмами, зыбкие колоннады и бастиионы, что таяли в воздухе. Где-то должен быть путь наверх, но Новый город несуразно запутан, лабиринт мостов и переходов, лестниц и галерей.

Раск отыскал лестницу, что, казалось, вела на уровень выше, но она пресеклась, не дойдя до конца. Новый город был весь недоделан; сотворившее его чудо истощилось, не окончив стройку. Ругаясь, Раск поспешил спуститься обратно.

– Братишка. Никак заблудился?

От подножия лестницы его окликнул Вир. Глядеть на Вира – все равно что рассматривать призрак, сотворенный гадалкой для зримого предостережения о нехорошей судьбе. Вир и Раск – двоюродные братья. Примерно одного возраста, одного роста и телосложения. Та же оливковая кожа, те же темные волосы. Даже лица схожи – правда, Вир слишком много времени провел под здешним унылым небом и нездорово подурнел. Постоянно казалось, будто он вот-вот блеванет, отсюда осторожен в движениях – чтобы не расстраивать нежный желудок. И, разумеется, у Вира нет ни драконозубого кинжала, ни зачарованного кольца Самары, что красовалось у Раска на пальце.

Вир мельком взглянул на кольцо не в силах скрыть зависть.

«А еще мой отец никогда не навлекал позор на семью, как дядя Артоло».

– Естественно, я-то привык летать. Сверху все выглядит по-другому.

– Как проходит война? – спросил Вир.

– Так, словно боги – коты, а весь мир – мешок, – ответил Раск. – Как поживаешь? Все зубы на месте или Дантист оттачивал на тебе свое мастерство?

– По правде говоря, с ним мы видимся редко. Я больше уделяю внимание нашему делу. Знать не знаю, чем он занят, кроме как подсчетом монет да перегонкой снадобий, – пробурчал Вир. – Новый город полностью наш, каждый публичный дом и игорный притон – но только Новый город. Мы загнаны за черту Перемирия. Когда город нарезали на части, нам достался худший кусок, и много золота здесь не добыть. Надо было требовать Серран и Брин Аван, а не эту ерунду. – Вир продолжил нудеть о проблемах, спорах о границах и разрешениях, правовых затруднениях; сыпал именами и группировками, которыми Раск не забивал себе голову.

Он зевнул. Дела – такая скучища. Призвание для скучных людей, таких как Вир и Дантист. Дракон почивает на золотом ложе, набирается сил и видит сны месяцами за раз, пока не придет время действовать. Время летать.

– Братишка, мне нужна ванна, чаша с вином и постель. Поживее. – Вир посеял к расположению Гхирданы. Надвигалась ночь, и здания Нового города слегка поблескивали, свечение исходило изнутри стен. Как если бы глубоко в белый камень замуровали огонь, и Раску это нравилось.

Раск пошел выбранной Виром дорогой, но город запутал его. В каком-то месте он повернул не туда и опять оказался у подножия той же лестницы. Нет – эта была почти той же самой, похожа на первую, как Раск на Вира. Однако данная лестница была завершена и избегала к входу в манящую башню. Ну и сумасброд же этот Новый город! Можно подумать, будто лестница отрастила добавочные ступени, специально подстраиваясь под Раска.

Он начал восходить, выше и выше, пока лицо не овеяло ветром. Если глядеть с этой точки в глубь суши, то, в отличие от вида с драконьей спины, различные городские районы сливались друг с другом и нельзя было четко разграничить оккупационные зоны, не ясно, где кончалась ИОЗ и начиналась площадь Мужества. Все это одна городская чащоба, джунгли с колючками труб и шипами церквей. Тоже своеобразный лабиринт – пусть прочий Гвердон не настолько чудак и изменчив, как Новый город, но все равно он был странным и не вызывал желания получше его узнать.

Куда лучше здесь, пребывать наверху, посторонним и непричастным к этому городу. Привольно парить.

Но это завтра. Прямо сейчас хотелось бокала аракса и на боковую, поэтому надо спускаться.

Порой казалось, что сзади звучат чужие шаги, но, когда он оборачивался, на ступенях никого не было.

На следующее утро Раска вызвал Прадедущка.

Дома, на острове, под семейной виллой есть пещера. Раск помнил, как в детстве играл у входа, а кузены подначивали спуститься в темноту на пару ступенек, а потом еще, пока глаза не разглядят багряно-золотое свечение дремлющего дракона. Никто из них не смел без разрешения войти в Прадедушкин чертог; даже глава семьи ждал на пороге, пока дракон не допустит его.

Ходили слухи о равновеликих пещерах и склепах под землей в Новом городе, но все они были недоступны громоздкому дракону. Сегодня Прадедушка грелся на солнышке на расчищенной просторной площадке. Одной стороной площадка отвесно обрывалась в море; прочие подступы охраняла вооруженная эшданская стража. Дракон развалился поверх остатков разрушенных домов, то и дело почесывая спину о мраморные обломки. Дантист Ворц обработал алхимическим бальзамом раны, полученные Прадедушкой в недавнем рейде, их черная корка пятнала золотисто-рдяное великолепие дракона. Рядом красоту первозданного камня площадки портила козлиная тушка. Прадедушкин завтрак.

Люди выстроились в очередь к Прадедушке и один за другим шепотом обращались к драконьему уху. Отчитывались перед ним, упрасивали об услугах. А то и подносили дань – горка монет и банкнот росла на расстеленной перед драконом черной ткани, микроскопическая доля его домашней сокровищницы.

Раск с гордым видом пересек площадку. Не спеша, вразвалочку; драконий зуб на поясе сиял на солнце костяной белизной. Народ пялился, пока он шел по открытому пространству, но мало кто осмеливался встретиться взглядом. Люди склоняли головы, подчеркивая свое уважение. Он заметил братца Вира. В отличие от большинства гхирданцев, Вир взгляда не отводил, но выражение неприкрытой ревности на его лице было для Раска вполне удовлетворительной уступкой.

Он приблизился к голове дракона и плавно преклонил колени, не прерывая движения, вынул нож, показывая Прадедушке его изогнутый зуб, символ уз между ними.

– Любимый Прадедушка.

– Раск. Подойди, сядь. – Дракон мордой подвинул блок кладки, усаживая Раска совсем рядом со своей пастью – чувствовался огненный жар Прадедушкиного дыхания. – Ворц, – прогудел дракон. Доктор Ворц выскользнул из тени, неся черный портфель. Он вручил Раску сложенный лист бумаги, потом полез в портфель и достал стеклянный сосуд. Дантист сомкнул пальцы Раска на склянке, словно это некая драгоценность. Пальцы самого Ворца были мягкими и очень, очень холодными.

– Есть дело иного рода, – проговорил дракон. Прадедушка протянул над Раском свое нетопыриное крыло, образуя над головой правнука кожаный навес. Длинная драконья шея, скользя, вывернулась и подоткнулась под крыло. Затрещал, закрошился камень, это Прадедушкин хвост обвился вокруг них, плотно замыкая кольцо. Раск оказался полностью окружен драконом, запечатан в жаркой камерке из кожистой перепонки и чешуйчатой плоти. Наедине с головой ящера.

Прадедушка всхрипнул, и духоту наполнил сернистый запах. Раск с усилием сглотнул, стараясь не хватать воздух ртом. По спине побежали капли пота, в драконьих объятиях горячо, как в печи. Но такая личная беседа – большая честь.

– У меня для тебя задание, – сказал Прадедушка. – Посмотри, что дал Ворц.

Раск раскрыл ладонь. Стеклянный сосуд неярко мерцал серебряным светом. Его наполнила жидкость с белесо-серыми крупинками, наподобие соли.

– Илиастр, – проговорил дракон, – духовный рассол. Используется алхимиками в огромных количествах. Это вещество жизненно важно для их промышленности. – Прадедушка облизнул губы, в замкнутом пространстве его язык оглушительно проскоблil чешуйки, словно меч обдирался о камень. – А мы обеспечили контроль над крупным месторождением илиастра.

И скоро начнем его завозить. Гильдия гвердонских алхимиков зависима от горстки поставщиков. Им нужен непрерывный подвоз. Перекрой илиастр, и фабрики со скрежетом встанут.

– Откуда пойдут наши поставки? – спросил Раск.

– Из Ильбарина, – сказал Прадедушка.

До Огнеморья долгий полет. Прямой маршрут чреват опасностью, но пускаться в путь через Лирикс, по безопасной территории, прибавит к путешествию дни.

– Пойду за летным снаряжением, – сказал Раск.

– Нет. Вместо тебя полетит доктор Ворц, – сказал Прадедушка.

– Сам? – Раск не поверил словам дракона. Дракон мог – изредка – брать пассажира, навьюченного, как груз, но чтобы кто-то не из семьи и даже не из Гхирданы садился в седло – было немыслимым. – Он же не один из нас!

– Твое место, – молвил дракон, – здесь. Работу необходимо выполнить, и, может статься, ты подойдешь для нее лучше всего. Закупщики илиастра... обязаны сотрудничать с нами. – Увесистый язык Прадедушки опять проскоблil по чешуйчатым губам. – Предоставь им выбор, который предлагают драконы.

Прими пепел и служи Гхирдане. Или погибни.

Прадедушка убрал голову. Крыло приопало, закрывая щель, оставляя Раска одного в жаркой тьме драконьих объятий. Снаружи захрустели кости, чвакнуло мясо – Прадедушка оторвал зубами еще кусок.

Новость застала Раска врасплох, ошеломила. Почему он? Наверняка это проверка, сказал он себе. Артоло высоко вознесся под покровительством Прадедушки, но оступился и пал, когда ему поручили выполнить миссию в Гвердоне. Раску хотелось отдышаться, но здесь нет воздуха. Купцы, которые в данный момент поставляют алхимическое сырье, этот илиастр, – их придется склонить к служению Гхирдане. Даже принять пепел, если понадобится. Все они за пределами Лириксианской Оккупационной Зоны, стало быть, напрямую силой Гхирданы давить будет нельзя. Это дело могло обернуться провалом из-за сотни причин.

Ему никак нельзя терять благосклонность Прадедушки. И он ее не утратит любой ценой.

Раск расправил плечи, гордо поднял голову, как подобает гхирданцу. Он – Избранник дракона. У него не бывает провалов.

Голова Прадедушки возвратилась, теперь челюсти покрывала кровь с козлиными кишками. Раск обернул бумагой склянку с илиастром, засунул в куртку.

– Будет исполнено, Прадедушка.

– Молодец, – ответил дракон. Он поднял крыло, и Раск неожиданно вновь очутился на солнечной площадке.

Ворц уже закутался в дорогую меховую шубу, на голове был застегнут шлем для полета. С глазами, спрятанными за выпуклыми стеклами, с дыхательной трубкой, змеившейся в бак за плечами, он был похож на человека не более и не менее, чем раньше. В руках ученый цепко держал черный портфель.

Ворц положил ладонь в перчатке Раску на руку:

– Здесь далеко от дома, и в Гвердоне есть силы, о которых вам неизвестно. Ваш дядя Артоло пренебрегал осмотрительностью, и это дорого ему обошлось. – Паучьи пальцы Ворца пробежали по предплечью Раска, слегка задержавшись на суставах. – Однако записано: бывают моменты, когда силы уравновешены и один человек, находясь в нужном месте, способен изменить целый мир. Будьте храбрым, Раск.

– Большое спасибо вам за совет, – насмешливо ответил Раск. На мистические шарады Ворца у него нет времени.

– Я протоптал тебе начало тропинки. Поговори с Виrom, – прорычал Прадедушка, предвкушая отбытие.

Ворз вскарабкался в седло на драконьей шее. Вместо длинноствольного ружья, копья, скребков, подвесных крючьев и другого оснащения, которое обычно крепится возле всадника, там были торбы, шкатулки с алхимпорошками и гравированный металлический ящик, незнакомый Раску.

– Будь готов, Раск, – велел дракон, – к моему возвращению. – Дракон раскинул крылья и шагнул с края мористой стены. Поймал восходящий поток и взмыл, кругами набирая высоту над Новым городом.

Не оглядываясь, он возносился к небесам.

Без дракона город показался другим – хрупким, невесомым, словно из сахарной ваты, и скоро собирается дождь. Раск попытался храбриться и обнаружил, что, как талисман, стискивает кинжал из зуба. Сунул его обратно за пояс, перевел дух. Да яйца седого боженьки, он же сражался на Божьей войне! Бывал пиратом, солдатом, драконьим наездником. Он – Избранник дракона и не встречал врага, которого нельзя превозмочь. Не проигрывал ни разу в жизни. Убедить старых торгашей принять щепоть пепла всяко должно быть несложно.

Он поманил к себе родственника:

– Вир, мне понадобится надежное местечко для моей ставки.

К его чести, Вир крайне деловито отнесся к своей новой роли. Не прошло и дня, как он нашел для Раска просторный дом на улице Фонарной, в северной части Нового города, поближе к краю. Дом был уже занят, но размещавшиеся там семьи Вир переселил наверх, в башни.

Как и весь Новый город, этот дом вырос сам собой из чудесного камня. Никто не строил его. Тем не менее, пока Раск бродил по чисто выдраенным комнатам, пропитанным каким-то алхимсоставом, форма дома показалась ему странно знакомой, будто помнилась с детства.

У дверей Вир разместил охрану. На чердак посадил снайпера. Пообещал нанять чародея и начертать на входе волшебные обереги.

– А в подвале я разложу яд. – Вир острием шпаги постучал по полу, и послышалось слабое эхо. – Город напигован туннелями. Не предполагалось, что проклятые упыри вздумают связываться с ЛОЗ, но они все равно к нам лезут. Эти твари стучат городскому дозору, поэтому не сболтни внизу ничего, что не хочешь разнести дальше.

Был составлен список купцов. В Новом городе никто из них дел не ведет, но некоторые расположились совсем рядом, на нейтральной припортовой полосе. Другие работают за оккупационными зонами – на дальнем конце Гвердона, в округе под названием Маревые Подворья. Просто смешно. В воздухе Новый город отделяет от Маревых Подворий одно биение сердца, взмах могучих крыл Прадедушки. А здесь, на земле, такое расстояние – существенная преграда.

– Вир, нам понадобится набирать местных бандитов. Разбойников, контрабандистов, гро-мил. – Раск заставил себя улыбнуться своему хилому отражению. – Значит, я буду боссом, а ты – моим советником.

– Как прикажет Избранник.

Глава 3

Что-то постучало в окно.

Кари тотчас очнулась, кинжал уже в руке. «Шпат, покажи», – мысленно попросила она, прежде чем вспомнила, что Новый город и ее друг сейчас далеко. Она одна, вдали от дома, и что-то непонятное там за окном, «поэтому, Карильон, соберись».

Снова стук. Скорее влажные хлопки, словно кто-то снаружи шлепает дохлой рыбиной. На окне ставни, в щели сочится голубоватый свет.

«Беги», – подсказывал инстинкт. Раньше бегство всегда срабатывало. Вместо этого она подошла ближе, беззвучно ступая по грязному полу брошенной комнаты. Выставила клинок, встав сбоку от окна, чтобы толстая стена и дальше отделяла ее от того, что снаружи. Оно большое, судя по тяжелому дыханию и увесистым шлепкам по ставням. Но, пожалуй, настроено не враждебно – не настолько уж ставни прочные. Захоти оно войти, смогло бы.

Кари заглянула в щель – и увидала перед собой рыбий глаз размером с обеденную тарелку. Его немигающий взор был полон страха и вместе с тем смирения, будто в жизни не видал ничего, кроме бед. Глаз непонимающе вытаращился в ответ, затем нечто опять стукнуло в ставни, на этот раз достаточно сильно, чтобы выбить защелку. Ставня покачнулась и откинулась, открывая ей существо целиком.

Оно было либо огромной рыбой, закусившей головой утопленника, либо утопленником, надевшим гигантскую рыбу как капюшон на голову, – две ипостаси соединялись там, где безголовая шея человеческой части переходила в рыбье подбрюшье. Если существо откроет рот, то не покажется ли там человечье лицо? Под весом рыбины на плечах тело сгибалось, колени и руки были вывалены в грязи. Людской торс раздулся, плоть изукрасили укусы рыбьей мелюзги, старые ранки истекали водой. Оно стояло полностью обнаженным, но гениталии были отъедены рыбами. Ладони обваляны в соли или в чем-то похожем, к коже пристали кристаллики. Такие же кристаллики прилипли к окну.

Рыбья часть, судя по всему, еще жила, бурозеленые бока были в капельках влаги, жабры подрагивали на предрассветном воздухе. Плавник сокращался, обтираясь об оконную раму.

Оно чуть-чуть постояло, затем утопленник отвратительно забулькал, словно пытался заговорить, несмотря на то что застрял головой в рыбе – или, может быть, сросся с ней, поскольку непонятно, то ли голова человека у рыбы во рту, то ли сам рот накинута сверху вроде монашеского клобука. Стонущий клетот не прекращался, и она, наверно, могла бы вычленишь в нем отдельные слова.

Разбилось стекло – с той стороны улицы швырнули бутылку. По рыбьей спине побежала синяя кровь. Тут же на создание посыпался град камней. Насколько могла судить Кари, метатели нисколько не боялись, им просто докучало, что существо не дает спать. Словно городской пропойца орет во все жабры посреди ночи. Существо покорно стояло, принимая наказание.

Оно снова захлопало в окно, словно именно за ней и явилось.

«Хрен с вами. Нет смысла отсиживаться». Кари сграбастала и закинула за спину ранец. Чуть не поскользнулась в илистой грязи под весом чертовой книги. Потихоньку выбралась на улицу. Кто-то сверху выкрикнул проклятие и кинул бутылкой в нее. Бутылка разбилась о стену, обдавая стекляшками. Кари подобрала камень и бросила в то окно. Ее бросок удался получше – через секунду раздалось значительно более громкое проклятие, и окно с треском закрылось.

Рыбоголовое существо – морской монах, так она решила его называть, – тронулось с места. Было что-то нелепо торжественное, даже возвышенное в его ходьбе враскачку по занесенной илом улице, с волоком на себе рыбьей туши. Невиданное создание брело под горку, Кари за ним, держась в темноте, поодаль от мерцания существа. Насколько она могла разглядеть, в этот час на улицах Ушкета, кроме нее, людей не было. Солнце едва перевалило

за плечо Утеса, и на запад простирались длинные тени. Рассвет обрисовал городок. Дома со сводами больших окон, красной черепицей крыш, выбеленными стенами. Зеленые тенистые дворы, предлагавшие отдых от летнего зноя.

Она была права насчет преобразившейся земной поверхности. Ушкет восседал на склоне, в прошлом высоко над морем. Теперь же море плескалось посреди города. Падая сквозь промежутки меж зданий, рассветные лучи сверкали на воде ослепительно ярко. Уровень океана поднялся на сотни футов – или же сам остров оказался притоплен, погружен вглубь занебесным гневом ишмирского Кракена. Когда боги идут воевать, первой жертвой становится привычное мироустройство.

Морской монах вел ее через город. Вчера вечером она поднималась на холм по другому маршруту. Улицы были так же зловеще пусты, однако уже было слышно, как просыпаются верхние этажи. Посматривая вверх, она видела веревочные мосты и канатные дорожки, что перекрещивались над головой, соединяя дома. Ушкетский люд перебрался повыше, оставив улицы на милость приливных волн. На веревочных путях показывались ранние птички из местных обитателей, кто-то из них вполне мог быть вооружен. Она старалась двигаться незаметно, но морской монах не замедлял ход, а илистая земля была коварна, и по меньшей мере один здешний засек ее с высоты. Она ссутулила плечи и продолжала идти. Сдвинула поклажу так, чтобы не бросалось в глаза, что она несет достойные грабежа ценности.

Из разных переулков стали, шаркая, появляться другие морские монахи. Это настоящая сходка, целое стадо ходячих трупов, волочащих гигантские рыбины.

Все рыбы пучили друг на друга глаза, их носители-зомби мерно топали по грязи. Кари держалась поближе к своему монаху, хотя у нее уже появились сомнения насчет всей этой задумки. Может, она совершенно неверно истолковала намерения существа. Едрить, да у него, может, и нет никаких намерений, и все это сплошная тупость, какой и кажется с виду.

Вереница морских монахов прошествовала под арку, и вот они уже на краю города, на открытом склоне. На стенах Ушкета стоят часовые, но они не заметили Кари, выскользнувшую наружу. Шествие продолжалось до новообразованного побережья, где волны бились об останки затопленных виноградников. Здесь было корабельное кладбище – дюжина ободранных корпусов, обглоданных остовов гнила без хозяев. Носы их были повернуты к дороге, а корму омывало отливом. Многие частично разломаны, без мачт. Их вытаскивали из воды – судя по бороздам, по вывороченной земле, похожей на застывшие рыже-бурые волны вокруг килей. Кто-то огромный – дракон, пришла догадка, раз в городе гребаные гхирданцы, – выдернул корабли из моря и побросал, разбитые, на берегу. Они напоминали выбросившихся китов.

Поочередно морские монахи заходили в воду. В море эти создания неожиданно обретали изящество, их человечески тела обмякали и волочились за резвящейся юркой рыбой. Они взмывали на бурунах и уплывали в это новое море.

Все, кроме ее монаха. Этот забрел в прибой и топтался на месте. Уставился на нее рыбьим глазом, затем с запинкой поднял человеческую руку и указал на корабль, из более-менее целых.

Кари рванула по илистому склону к старой посудине. Когда она оглянулась, монаха не было.

Неподвижность, вот что смутило ее. Она по-прежнему знала на «Розе» каждый дюйм, могла по памяти обойти все отсеки. Это был ее корабль, ее дом, ее спасение. Это «Роза» унесла Кари из Гвердона, прочь от семейной пагубы, прочь от теткиной ругани и мучений, прочь от черных железных грез.

Корабль подарил Кари жизнь.

Но он был совершенно недвижимым. Раньше «Роза» катилась по волнам. Кари чувствовала сквозь палубу каждое дуновение ветра, каждый толчок океана. Теперь же корабль был, как прибитое к берегу мертвое тело, холодным и безмолвным.

Она пролезла через пробоину в корпусе и забралась в носовой трюм. Переднюю часть корабля основательно залило. Она с плеском прошагала по стоячей воде до трапа и выскочила на палубу. «Роза» накренилась набок; палуба образовала уклон, как будто корабль подхватило бесконечной волной. Дверца на корму, в каюту команды, была открыта, и Кари уставилась в проем и долго, долго смотрела. На протяжении пяти лет здесь был ее дом, первый настоящий дом. Никогда тетина усадьба в Вельдакре не была к ней так гостеприимна и не дарила столько любви, как эта тесная каморка под бушпритом. Безотчетно, словно замороженная чарами прошлого, Кари опять вошла туда, кончиками пальцев ощупывая воспоминания.

Вот справа лежак, где спал старший помощник, Адро. А Дол Мартайн – с другой стороны. Она невольно отклонилась правее, избегая пустую койку – Мартайн вломил бы любому, кто его разбудит. О боги, она же его ненавидела, до сих пор ненавидит, но отчего и об этом ей радостно вспоминать.

Она пригнулась, уворачиваясь от лампы, которая прежде висела на этом месте, перешагнула через расставленные в памяти ящики Кока. На переборках ржавели крючья – раньше на них качались гамаки, между холстин было не пройти, команда «Розы» жалась друг к другу теснее обитателей ночлежки. Рундуки и клетки с припасами, разломанные, пустые. На полу грязно, и это до того неправильно, что проняло ее до костей. Кари воровала из церквей, дралась со святыми и даже убила богиню, но вот оно – настоящее богохульство.

Наконец она присела на койку. На минуту вообразила, каково было бы сейчас выйти из времени, шагнуть сквозь года и поговорить с той девчонкой, которая только что поднялась на борт и в тошноте морской болезни свернулась на этой койке. Переодетой в мальчишку и отчаянно пытающейся сообразить, как сходить в туалет, не выдав своей тайны. Единственной тайны, как тогда ей казалось. «Если ты когда-нибудь вернешься в Гвердон, – обратилась Кари к двенадцатилетке, – то охренишься от жути и странностей. У тебя будут друзья, и один из них превратится в царя упырей. А второго убьют. А потом ты станешь мстительной святой, ненадолго, и это будет забавно – но только будет убивать его снова, и ты поплывешь за полмира, чтобы его спасти. И я еще молчу про богов и алхимию».

«Ах да, и ты заново столкнешься со всезнайкой Эладорой».

«Послушай, не возвращайся-ка ты в Гвердон, и все будет хорошо».

Но если она не вернется в Гвердон, то никогда не познакомится со Шпатом.

«И Шпат будет жить», – одернула она себя. Приезд Кари в Гвердон как раз и навлек на город разруху. Немалая доля страданий выпала им по ее вине.

На глаза попало очередное чудо. Вон там, задвинутый в угол, личный ящичек Кари, стоявший у ее лежанки. Она клала в него свои маленькие сокровища, собранные со всего света. Монеты из Лирикса, украденные, как ей сказали, из драконьего клада, намоленные удачей летучего ящера.

Афишка театра в Джашане. Капитан Хоуз сводил ее в театр на восемнадцатый день рождения. Оба разделились по случаю, так настоял Хоуз. Кари надела бальное платье, словно одним глазком заглянула в другую жизнь, ту, для которой она была б рождена, появившись на свет в обычной состоятельной семье, а не у чокнутых бесопоклонников, которые вывели ее как предвестницу кошмарных богов.

Окаменелая драконья чешуйка. Резная китовая кость. Голубой нефрит из Маттаура.

Но нынче коробка пуста. Нет там ничего.

С ней осталось только одно из прежних сокровищ, и оно оказалось не тем, за что она его принимала. Раньше Кари считала, что амулет, кулон у нее на шее, был подарком от мамы – неизвестной, давно ушедшей. Лишь спустя годы, в Гвердоне, вскрылась правда – ее дед изготовил этот амулет, обрядовый талисман для взаимодействия с Черными Железными Богами. Но она все равно берегла кулон, по особым причинам. Как напоминание: что бы мир ни швырнул ей в лицо, она способна это принять и превратить в оружие. Все что угодно будет оружием,

если ты воспользуешься им без колебаний. А теперь еще при ней и второе сокровище – дурацкая книжка. И ее вес подгонял – хватит здесь околачиваться.

Утерев глаза – пыльно тут очень, – она вышла обратно на палубу. Корабельные мачты срубили. Пеньки, что прежде были изящными мачтами «Розы», буквально плевали в душу, и она занесла того, кто изувечил корабль, в свой черный дерьмовый список.

На противоположной стороне палубы располагалась дверь в каюту капитана Хоуза. А у двери – сам капитан Хоуз. Старше, седее и как-то помельче прежнего, но тем не менее это он.

Со шпагой в руке.

– Ты – наваждение? – прикрикнул Хоуз. – Дух, посланный меня терзать?

Одной части Кари захотелось промчаться по палубе и стиснуть старика в объятиях.

Другая часть, которая не раз дралась на гвердонских улицах, наблюдала за шпагой. «На его стороне расстояние, на твоей – скорость», – думала эта часть, противная ей самой.

– Это я. Это Кари.

– Кари, – эхом откликнулся Хоуз. Он заморгал, поднял руку, заслоняясь от восходящего солнца. – Это ты. Ты вернулась.

– Вроде того. – Кари неловко пожала плечами.

– Ты свалила! – воскликнул Хоуз с явным удивлением, как будто только что припомнил обстоятельства их расставания. – Взяла и спрыгнула с корабля. В Северасте это было. Мы стояли в Северасте, а ты умотала, слова не сказав. – Он погрозил ей шпагой: – После всего того, что я для тебя сделал.

– Зато перед этим дохера было слов, – выпалила Кари, не успев себя окоротить. Ей совсем не хотелось раздувать ссору десятилетней давности. – А вы меня не слушали.

– А то, помню-помню. Ты кипела от идей. Выдумала обокрасть Безглазых жрецов! Подбила нас умыкнуть вино поэтов из Джашана. Удрать на всех парусах на Серебряное Взморье! Плюгавая пигалица вздумала учить меня, как распоряжаться кораблем!

Кари обвела взором развалины «Розы», полый, засыхавший на солнце корпус.

– Ну да, без меня-то вы ею успешно распорядились.

Он засмеялся, словно зарычал. Махнул шпагой.

– Кари. Ну и где ты была? Как тебя сюда занесло?

– Везде. В Гвердоне. И... – Она опять пожала плечами: – Сюда меня привел мертвый мужик с рыбой вместо головы.

– Это священный Бифос. Посланец Повелителя Вод, – почтительно произнес Хоуз.

Кари смутно припоминала Повелителя Вод – ильбаринского бога морей.

– До рассвета их тут был целый косяк.

– Знаю. Война, девонька, сломала Повелителя Вод, и его слуги потеряны. Каждую ночь они бродят по улицам. – Хоуз зевнул, и Кари отметила, каким он стал старым, как дрожит его подбородок. Как тяжело дается ему держать шпагу. Она сделала неуверенный шаг навстречу, потом еще и еще. Шпага начала подниматься.

– Что тебе нужно? Здесь тебе нечего взять.

– Я ищу корабль. Мне надо попасть в Кхебеш. – Она едва не добавила «сэр».

– Наша «Роза» разбита. Сама вот видишь.

– Но вы ведь знаете людей в Ильбарине. Наверняка есть кто-нибудь с кораблем, ну же, капитан Хоуз. Я должна попасть в Кхебеш. *Прошу вас.*

Хоуз опустил клинок. Кари снова шагнула вперед, но он отвернулся. Пошарил в кармане, достал трубку. Набил, и руки его тряслись.

– Я тебя взял. Помню, как ты тайком прокралась на борт – гремела так, что мертвого разбудишь! Со своей короткой стрижкой, в штанах, стыренных у какого-то пастуха. А голосок твой! – Хоуз изобразил нелепо низкий, скрипучий бас: – Прошу меня простить, капитан, но я

деревенский мальчик, сбежал на корабль. Я отработаю проезд. Буду драить палубу, выполнять что прикажете.

– А я, поди, хрена с два отработала? – зардевшись, возразила Кари. Конечно, это уже история древних дней, но она искренне считала, что хранила секрет много лет. Кари вспомнила свое взволнованное признание в том, что она девчонка, когда недоумение на лице Хоуза уступило звонкому хохоту. Она-то верила, будто капитан смеялся над собственной недалеко-стью, раз не разглядел правду сам.

– Да, вкалывала ты старательно, упрекнуть не в чем. Лучший верховой матрос, что у меня был. Ты доказала неправоту Адро – он советовал отвезти тебя домой.

– Адро? – Они со старпомом дружили годами; он был ей как брат. Здоровенный буйвол, а не мужик. Вместе они строили планы покорения мира, вместе никакущие выползали из при-портовых таверн. Она улыbnулась мыслям.

– Я запретил Долу Мартайну тебя обижать, – резко произнес Хоуз. – Он бы тебе перерезал горло и выкинул за борт. Но нет. Я дал тебе место на моем корабле. А ты взяла и свалила.

– Послушайте, я тогда совсем взбесилась. Простите, надо было...

– Амулет все еще при тебе? – поворачиваясь к ней, спросил Хоуз. Кари отцепила кулон и подала ему. Хоуз выставил его на свет утреннего солнца. – Помнишь, как в тот раз в Ильбарине ты убежала и заложила эту уродливую побрякушку в лавке? А квиток выкинула к морским чертям в воду. А потом ночью пришла ко мне в слезах и умоляла помочь его вернуть.

– Помню, – сказала Кари. – Я... слушайте, тогда я об этом не знала, но... моя семья, в Гвердоне, они... – Ей не хватало слов. Как донести до него свое небывалое происхождение и страшное предназначение, что ей уготовили? Сны, посещавшие в детстве, безымянный ужас, вынудивший бежать за полмира. Теперь она знала, что это Черные Железные Боги зывали из темниц к своей предвестнице, но тогда понимала лишь то, что ей нигде не было места. Постоянно ощущала опасность, как будто за ней гнался злой рок и, случись где задержаться подольше, непременно на нее бы обрушился. – Об этом я не могу говорить.

Хоуз сердито фыркнул:

– Ты вечно посматривала на дверь. Не сводила глаз с горизонта, ждала следующий порт. Шесть лет на моем корабле, и просто так взять и уйти! – Он бросил ей амулет обратно: – Ну так и уходи. Иди куда шла. В Кхебеш, коли там тебя примут. Или в свой Гвердон, мне дела нет. Тут тебе ловить нечего. – Дверь каюты грохнула, и она одна осталась на палубе.

Глава 4

Бастон Хедансон обсуждал сам с собой, как лучше убить человека, стоявшего у него на пороге.

– Можно войти?

Тиск стоял, нервно ломая ладони, упитанное лицо скрывалось под капюшоном. Больше он не смеялся. Как будто пережил войну – у него был этакий согбенный, вороватый вид человека, страшащегося гнева богов.

Если делать по правилам, то, конечно, стоило вздернуть его на сточной трубе. Так Братство исконно поступало с предателями. Вешало на струне у всех на виду в напоминание, кто хозяин на улицах Гвердона. Заодно и предупреждало политиков и святош – не им одним принадлежит власть в этом городе. После того как Идж, великий вождь Братства, отказался отречься, отказался предать движение, которое возглавлял, правительство возвело ему виселицу на улице Сострадания. Казни по законам сточных канав в каком-нибудь переулке Мойки не порочили мученичество Иджа, а свершались в его честь.

– Мне только поговорить, – заявил Тиск.

Утопить? Мутные воды гавани всего за пару улиц отсюда. Там встречали конец люди получше, чем Тиск. Тело придется нагрузить камнями, тогда его сожрут рыбы, а не упыри. В наши дни стучат и доносят даже пожиратели падали.

– Я ничего плохого не сделаю. Драконы не посылали меня, клянусь.

Сжечь? Заявка на победу. Правда, спорный вопрос, заслуживает ли сожжения Тиск.

Тиск изобразил рукой знак – старый сигнал о крайней нужде, ходивший среди своих. По обычаю, ни один член Воровского Братства не вправе отказать в помощи тому, кто этот знак покажет.

Сейчас этот жест ничего не должен был значить для Бастона.

Впрочем, кое-что он все-таки значил. Самую малость. Хватит Тиску прикупить несколько добавочных минут жизни.

– Заходи.

Пропихнувшись через узкий коридочик, Тиск прошел на кухню. Глянул на обшарпанный дворик за домом.

– Кто там? – окликнула со второго этажа сестра Бастона, Карла.

– Тиск.

– Не убивай его, пока я не оделась.

Бастон тоже двинулся на кухню. Было время, когда Тиск постоянно захаживал в его дом на отшибе. Тиск и другие, из внутреннего круга доверенных Братства. Хейнрейл, Таммур, Пульчар. С ними и отец Бастона, Хедан. Отец вырос в этом домишке и не избавился от него, даже когда стал поднимать серьезные деньги и купил себе большой коттедж на Боровом тупике. За этим кухонным столом сколачивались состояния и пускались в расход людские жизни.

Бастон вспомнил, как снаружи у задней двери стоял Холерный Рыцарь, как звонко плясали дождевые капли на его панцире.

И каждый из них сейчас мертв или пропал навсегда – так же как само Братство.

– Твой батя, – сказал Тиск, – всегда держал бутылочку вина для гостей.

– Нет. Только для друзей.

Лицо Тиска осунулось.

– Я никогда не сделал бы ничего ни тебе, ни твоим близким. Я был с тобой на похоронах, не забыл?

Не на одних, подумал Бастон. Двух, за эти два года. Его жена, Фей, никогда не состояла в Братстве. Она вообще никак не была связана с воровской жизнью. Фей была его вторым шансом, началом с чистого листа, и ее тоже не стало.

– Я вместе с тобой принес бы к сестрам тело твоего отца, – продолжал Тиск, не подозревая, что наступает на мину, – если бы только его останки нашли.

– А потом ты принял пепел. Нарушил клятву Братству и пристал к Гхирдане.

Тиск ошетинился:

– Я не нарушал клятвы. Но и не собирался приковывать себя к трупу, который уже пролетел пол трупной шахты. Когда я ушел, Братства, почитай, уже не было. – Он вскинул руки, словно дарующий благословение священник. – Я знаю, Бастон, ты смотришь на это иначе, но правда есть правда.

«Мы могли бы отстроиться заново, – подумал Бастон. – Если бы ты и другие хранили верность». Безусловно, пришлось бы тяжело, слишком многие в их рядах не пережили этот хаос. Но перед ними открылись бы непроторенные пути. Новый город пророс из развалин – чем не буквальное возрождение надежды? Если бы Братство объединилось, то могло бы завладеть этой божественной благодатью, сделать Новый город своим. Вместо этого он упал драконам в когти, а Братство распалось.

– Тиск, – сказал Бастон, – зачем ты пришел?

– Взять тебя с собой в Новый город.

– Я пепел не приму.

Тиск почесал лоб:

– Я этого и не предлагал. Но... – Снаружи послышался необъяснимый звук, какой-то трескучий шепот.

– Тихо, – шикнул Бастон. Оба мужчины замерли.

Через окно они увидели, как на примыкающие к дому кучи хлама во дворе ступает пау-чья лапа с дерево толщиной. Тонкие волоски на лапе этого божьего отродья извивались, как усики. Бастон высунулся в окно – над домом расставил конечности паукообразный дух. Создание было лишь отчасти реально, его сущность то и дело выскальзывала из смертного мира и возвращалась назад, свет луны отражался от плоти – полосы изменчивого тумана. Восемь глаз уставились сверху на Бастона, словно ощупывали его разум. Он чувствовал или вообразил, что чувствует, как паук ковыряет пласты его мозга. И затолкал мысли подальше. Навязал груз и утопил в темном отстойнике подсознания. Дал рассудочной части заполниться каждодневными мыслями – найдется ли завтра утром работа в порту, остался ли в чулане хлеб, починит ли он наконец разбитое окно наверху.

Ничего не обнаружив, паук двинулся дальше, с неестественной легкостью переступая через ряды однотипных домишек. Бастон услышал с улицы ишмирские распевы – жрецы поспевали за эманацией бога, пока та вела свой ночной розыск.

Тиск выдохнул:

– Клянусь всеми преисподними, Бастон, как ты тут живешь, когда вокруг ползают такие твари?

Справедливый вопрос. Не из тех, на какие у Бастона найдется честный ответ.

– Ты его еще не убил? – На кухню вошла Карла, натягивая на плечи шаль. – Здорово, Тиск. Бастон, если собираешься у нас кого-нибудь убивать, подстели сперва полотенце.

– Здесь был сторож, – поспешно выпалил Тиск. – Только что прошел.

– Я почувствовала. Да ладно, богам Ишмиры пофиг, что мы, неверные, друг с другом творим. Они вынюхивают только, нет ли угрозы Праведному Царству. – Карла засуетилась на кухне: – Хочешь выпить, Тиск?

– Послушайте. Тебя, Карла, это тоже касается, – сказал Тиск. – У Гхирданы новый босс. Молодой парень, Избранник дракона. Ему нужны местные, те, кто знает обстановку на улицах. Он готов платить. Хорошо сиднем сидеть, малыш, давай сходим в Новый город, перетрем с ним.

– Нет, – сказал Бастон.

Карла засмеялась:

– Бастон не примет пепел, Тиск. Он предан Братству до самой смерти.

Тиск раскраснелся от негодования:

– И когда же она наступит? Когда какой-то паукастый придурок решит, что ты грешен? Когда тебя сожрут облака? Когда Верховный Ум...

– Не произноси его имя, – рявкнула Карла. Поминать богов по именам было опасно.

Тиск опомнился. Развел над столом руками, медленно отдышался, улыбнулся грустной, изнуренной улыбкой.

– Помните, каково оно было до сальников?

– Сколько нам, по-твоему, лет? – стоя у окна, молвила Карла. Тиск близко общался с отцом, а их знал с самого детства. И продолжал думать о них как о детях. Поэтому ему сходило с рук называть Бастона Хедансона малышом. Бастону уже перевалило за тридцать.

Им, жившим тогда в Боровом тупике, было девять или десять, когда на Гвердон впервые спустили этих творений алхимии. Восковые страшили получались из приговоренных воров – тех переделывали в охотников за бывшими собратьями. Бастону часто снились кошмары, как он смотрит из окна спальни и видит за стеклом лицо отца, подсвеченное пламенем фетиля.

– Эге, раньше простой человек вроде меня понимал, как устроена жизнь. Никаких богов, кроме Хранимых со Священного холма, и стражники были из плоти и крови. Подмажешь, и они глядят в другую сторону, а после заката – шабаш службе. Потом на нас науськали сальников, и мы накрылись тазом.

– Братство, – возразил Бастон, – накрылось, когда Хейнрейл взял власть.

Голос Тиска зазвучал стыдливо, словно такие речи малость ему не по чину:

– В Гвердоне делами заправлял Дантист, но теперь он уехал. А новый босс Раск – мальчишка, зеленый, как тина в канале. Города он не знает вообще. Я к тебе первому пришел, Бастон. Пришел, потому что вот он, непроторенный путь. У них есть деньги, сила и в Новом городе полная неприкосновенность. – Тиск посмотрел в окно, на отдаленный силуэт сторожа, и пожал плечами: – Договорись с ним сразу, и, когда понадобится, за тебя впишутся драконы.

Когда за Тиском закрылась входная дверь, Бастон сидел за столом. Он не доверял себе, опасаясь совершить над стариком что-нибудь насильственное, поэтому оставался на месте, пока тот не ушел.

Карла со стороны наблюдала за братом, пока дождь и песнопения отдаленных храмов заполняли молчание. Сладкоречивая Карла могла часами болтать с людьми, которых презирает, очаровывать и завораживать их, и никому в голову не придет, что это притворство. Слова для сестры – как наряды, но ее истинная суть была тишиной.

И в доме Бастона стало очень, очень тихо, когда сестра переехала к нему, заботиться об овдовевшем брате. Долгая, неспешная тишина, способная его исцелить.

Карла смотрела, ждала и размышляла. Наконец заговорила:

– Сходи, так будет лучше. Хотя бы просто встретишься с этим Раском.

– С какой стати переться продавать душу Гхирдане, когда отсюда и так доплюнуть до храмов?

– С такой, что только плевать в них ты и способен, – молвила Карла. – Мне надо отбежать по делам. Ужин в кастрюле – или сходишь к Пульчару? – Ресторанчик Пульчара раньше был логовом Братства – пока еще было Братство. Сейчас лишь горстка стариков собиралась там потрещать о былом.

– Сегодня не пойду.

Быстрый чмок в щеку, ободряющий шлепок по плечу:

– Подумай, о чем сказал Тиск. У нас осталось не так много друзей. Наверно, неплохо бы завести несколько новых.

И вышла. Бастон не знал, куда ходит сестра, в каком молится храме и есть ли у нее другие, дополнительные занятия. Неизвестно, вернется ли она затемно, уляжется ли сегодня у себя на чердаке, в комнатухе, отведенной для детской кровати.

Он надеялся, вернется. В этом доме, по ощущениям, должны были обитать призраки, но никаких привидений у них не водилось.

Видать, их выжили боги.

На следующее утро он отправился в доки. Это значило покинуть Ишмирскую Оккупационную Зону, что, в свою очередь, значило около часа топтаться в очереди на пропускном пункте, продвигаясь, пока не придет черед предстать перед караульным храмовником.

– Имя?

– Бастон Хедансон.

– По какому делу?

– Работа в порту.

Церковник с минуту изучал Бастона, будто проникнул душу своими безумными глазками. Потом потянулся к его макушке и помазал пахучим елеем.

– Благословение сие рассеется на закате, – трескуче возвестил храмовник, – а далее душа твоя препоручена будет Уриду Жестокому, ночного часа смотрителю.

Бастон поплелся под горку, втягиваясь в толпу портовых работяг, что ежедневно толклись у верфей в поисках заработка. Рабочие отстранялись от Бастона, давая ему пройти. Помнили, кем он был.

Доки, хоть и являлись нейтральной территорией, все равно были зажаты на манер бутерброда между Лириксианской и Хайитянской Оккупационными Зонами, промеж драконов и безумных богов. Поэтому здесь швартовалось не так много кораблей, как бывало прежде. Никто из капитанов не хотел оставлять свое судно среди противоборствующих сил, уповая на хрупкое Перемирие. Крупные сухогрузы уходили к новым причалам в Прощеный порт за Священным холмом, к длинным пирсам, выступавшим над глубиной. А меньше кораблей значило меньше работы.

Под промозглой весенней моросью он ждал, пока выкликнут его имя. Отстраненно сознавая при этом, что живет куда легче большинства бедолаг, сгрудившихся у порта. Сутки без работы голодом ему не грозили. У других же удачный день от черного отделяла единственная монета.

В толпе к нему присоседился Гуннар Тарсон. Еще один малый из Братства, выброшенный на вольные хлеба. Молодой и настырный Тарсон завел разговор о дельце у него на уме – он задумал ограбить купеческий дом.

Не подходящее нынче время для ограблений. Ничего не получится, покуда паучы сторожа ползают над округой. Прошло много месяцев, а подходящее время так и не пришло. Может быть, никогда не наступит и вовсе.

Он представил себя деталью сломанного механизма. Приводом, пружиной, свернутой туже некуда, но отсоединенной от какого бы то ни было устройства, способного высвободить его или обеспечить рабочей нагрузкой. Он свесил голову, ждал вызова и ощущал, как натяжение в животе передается вверх, выталкивая по глотку желчи за виток.

Бригадир начал называть имена.

– Бастон Хедансон?

Он выступил вперед.

– Складские навесы на Акровой. Начальник велел их вычистить.

Навесы оказались свалкой гнилой древесины. Щели в покрытии набухали дождевыми каплями, будто дюжина порезов на теле истекала кровью. На полу было скользко от пены сточных отходов. Этим местом не пользовались месяцами. Забросили с тех пор, как алхимический грузовоз сел на мель у Колокольной скалы и вечерний прилив принес желтую отраву. Еще один кусочек города выгнил и был отдан ядовитым, враждебным смертной жизни силам. Бастон понюхал воздух – запах алхимических дымоходов знаком жителю Гвердона не хуже звона церковных колоколов. Дегтярная кислота флогистона, шипучая, едкая соль илиаистра, насыщенный смрад растопленного воска.

В воздухе было что-то еще. Слабый цветочный аромат. Духи, что ли?

Он здесь не один. Бастон напрягся, поджал плечи. Ладони свернулись в кулаки. Здесь не оккупационная зона, напомнил он себе. Нет причин подозревать неприятности.

Он начал красться между завалов, углубляясь внутрь склада. Посередине открылось свободное пространство. Когда-то тут был торговый зал – украшенные железные столбы подпирали высокий потолок, застекленная крыша позеленела от мха и слизи. Зеленый свет переливался, будто вся площадка погрузилась под воду.

Там его поджидали двое. Один был пожилым, лысым, с лицом навроде горгульи. Он носил жреческую сутану, но в руке держал пистолет. С ним стояла женщина помоложе, в черном бархатном платье, как у гильдмистрессы, только без гильдейской эмблемы или значка сановника. Волосы зашпилены сзади, к носу она прижимала надушенный платок. Свет очертил ее лицо, и на миг Бастону показалось, что он узнал девушку:

– Кари?

– Не вы первый допускаете эту ошибку, – сказала девушка. – Увы, нет.

Она подняла свободную руку, и вокруг рук, ног и глотки Бастона сомкнулись невидимые оковы. Даже глаза попали в тиски заклятия. Он не мог моргнуть, только мелко дышал.

Эта дама – магичка. У обездвиженного Бастона разум понесся вскачь. На улицах редко столкнешься с чарами, и она, очевидно, не воровка, не наемная убийца – хотя насчет спутника он не был настолько уверен.

Пожилый со знанием дела обыскал парализованного Бастона, отыскал в сапоге припрятанный нож, а в кармане – удавку. Осмотрел руки, проверил обручальное кольцо на скрытую иглу. Ткнул заскорузлым пальцем в то место на голове Бастона, где храмовник его помазал. Принюхался к елею, скривился.

– Он чист.

– Спасибо, – сказала женщина. – Господин Хедансон, прошу прощения. Я немедленно вас отпущу, только, пожалуйста, не делайте ничего, э-э, провокационного.

Пожилый сунул нож Бастона в складку сутаны, затем отступил за пределы досягаемости пленника. Опять показался пистолет, нацеленный Бастону в живот. Пожилой пожилым, а рука у него не дрожала.

Женщина сложила кисть в знак, и заклинание спало. Бастон пригляделся к ней попристальней – колдовство, по идее, требует от практикующих ужасных усилий, – но утомленной она совсем не казалась.

– Меня зовут, – проговорила женщина, – Эладора Даттин. Как я понимаю, вы знали мою кузину, Карильон. – Она достала из кармана черную записную книжку, чиркнула запись.

– Я уже давно не видел Кари. Это все из-за нее?

– Не совсем.

– Тогда кто вы, уважаемые, такие?

– Мы отвечаем, – сказала Даттин, – за продление Перемирия. Если возобновится война, это станет для города гибельным несчастьем. Условия мирного договора предусматривают

меры сдерживания оккупационных сил, но наша роль заключается в том, чтобы, э-э, разобраться с возможными проблемами, пока эти меры сдерживания не пущены в ход.

Бастон молчал. Отец вколотил в него – никогда не говорить с городской стражей. Эти двое не стражники, но приблизительно в этом роде.

– Перемирие основано на противовесе амбициям каждой оккупационной силы остальными двумя – если ишмирцы нападут, то рискуют создать союз между Лириксом и Хайтом. Сложности, э-э, возникают с Гхирданой. Драконы – неотъемлемая часть лириксианской армии. Лириксу трудно было бы выполнить свою часть соглашения без драконов.

Бастон пожал плечами:

– Я всего лишь таскаю бочки в порту. Я не...

– Избавь от своих ужимок, – прорычал священник. – Мы, мать твою, знаем о тебе все. Каждый секретик. Знаем твою команду, говнюка Тарсона и остальных. Все отребье, которое ты выскреб с помоек после вторжения. И, скажем честно, нам плевать. Наш вопрос гораздо важнее.

Даттин продолжила лекцию:

– Гхирдана действует независимо от вооруженных сил Лирикса...

– Одичалые дьяволы, – пробормотал священник, закатывая глаза. – Пади на них анафема!

– Синтер, довольно! У нас нет на это времени, – уняла Даттин жреца. Синтер – это имя Бастон уже слышал. Священник Хранителей, посредник по темным делам. Его репутация грязна, как и подол рясы, проехавшийся по склизкой жиже.

Бастон скрестил руки.

– Мы осведомлены, – продолжала Даттин, – что вам предложили работу. Мы настаиваем, чтобы вы приняли это предложение. Гхирдана – плотный клубок, и нам требуется о-осветить их планы.

– Вы хотите, чтобы я шпионил для вас за гхирданцами?

– Именно! – Даттин просияла. – Разумеется, вас обеспечат вознаграждением.

– А почему я?

– Да не твое дело, – рыкнул священник, но Даттин его утихомирила снова.

– Вы были тесно связаны с Братством, пользовались уважением. Умелый лейтенант, способный привлекать исполнителей и мотивировать их любыми средствами.

– Костолом Хейнрейла, – вклинился Синтер.

– Вы в точности тот человек, который нужен Гхирдане. Ваш бывший соратник Тиск совершенно в этом уверен. Мы знаем, что он приходил к вам вчера вечером. – Она улыбнулась – неожиданно искренне, довольная своей сноровкой.

– Похоже, вы знаете вообще все. – Бастон сплюнул между собой и Даттин сочным комком слюны с мокротой. В нем разгоралась злость. – Значит, знаете и то, что вы, сволота, вытворяете с Мойкой. Сперва нас травили алхимики. Когда восстали веретенщики, вы позволили им нас жрать, чтобы уличные бои не выплеснулись в *престижные* районы, так? Та же хрень была при вторжении – вы окопались на Священном холме, под виадуком, а вовсе не в Мойке. Говорите, что защищаете Гвердон – в смысле, *ваш* Гвердон, на высотах? Церкви, дворцы и гильдейские залы. Не мой Гвердон. Моим Гвердоном завладели сумасшедшие боги. Так что, умники дырявые, сами знаете, куда вам засунуть свой план, понятно?

– Перемирие спасло тысячи жизней, – спокойно ответила Эладора.

– Ну, тем, кто выжил, ватще, блин, ништяк!

– Поуважительней, говнюк! – захрапел Синтер, брызжа слюной. Он шагнул вперед, оружие качнулось...

...и Бастон метнулся, заламывая жрецу запястье, изгибаясь, чтобы уклониться от грохота пистолета. Вздуюсь пальто – пуля прошла полу куртки, но Бастона не задела. Он обхватил

Синтера одной рукой, второй засадил по харе, рывком развернул пожилое тело как щит, а потом бросился на Даттин, надеясь, что новое заклинание зацепит не его, а священника.

Но скорости не хватило самую каплю. Напущенный Даттин паралич опять окутал Бастона, и он, запутавшись в конечностях, тяжело повалился поверх жреца, мордой на грязный пол.

Хер бы побрал ваши чары. Синтер полез из-под него, извиваясь, как полураздавленная гусеница, чертыхался и отплевывался. Тощие ноги лягнули застывшего Бастона, пока жрец выползал на свободу. Теперь он держал нож и уже нащупал на Бастоне воротник, подбираясь к глотке.

– Будет тебе Братство, говно мелкое, – бормотал священник, – перхоть помойная.

– Синтер. *Довольно.* – Уткнувшись в грязь, Бастон не видел лица Даттин, но слышал напряжение в голосе. Удерживать его лежащим давалось нелегко. Он напрягся, сопротивляясь заклятию, пытаясь заставить свои конечности перебороть незримые руки, что сковали каждый мускул. – У бедняги при вторжении погибла жена, – добавила она. – Надо проявить к нему понимание.

Проявить понимание. Да откуда у них понимание, когда он сам ничего не может понять? Разве постижима та ужасная внезапность, с которой умерла Фей? В эту секунду здесь, а в следующую ее нет, смыло навсегда, когда на город рухнули волны Кракена. Будто она была нарисованной на прибрежном песке фигуркой – и ее мимоходом стерли. Что проявлять, если нет никакой твердой яви, ничего долговечного и в мгновение ока меняется целый мир?

– Переверните его, – приказала Даттин. Покряхтывая, священник перекатил парализованное туловище противника на спину. Теперь Бастон смотрел вверх, на квадрат зеленого света.

Над ним возвысилась Даттин. Кисть ее руки все еще сияла потусторонней энергией, кровь с ногтей капала на пол, замешиваясь с грязным песком.

Она вздохнула:

– Учтите три момента. Во-первых, прошу понять, что мы стараемся сохранить очень шаткое равновесие. Я повторно впустила в Гвердон Гхирдану – отнюдь не малой ценой для себя, – чтобы обеспечить этот баланс между силами оккупантов. Нам необходимо, чтобы драконы оставались в Гвердоне. И мы готовы до определенной степени закрывать глаза на, э-э, противоправные действия, пока они не угрожают Перемирию.

Во-вторых, от вас мы требуем лишь информацию, ничего более. Для силовых мер у нас есть собственные ресурсы. От вас не требуется ничего, кроме сведений о планах Гхирданы. И в-третьих... – Она наморщила губы, словно попробовала нечто неприятное на вкус. – Я знаю, что ваша жена погибла в прошлом году, но, э-э...

Вмешался Синтер:

– Мы за тобой следим. Знаем твою милую сестричку. Твою закоренелую грешницу-мать. Твоих дружков из забегаховки Пульчара. Обо всех ваших, кто не съехал в Новый, нам известно. Думаешь, ты такой один со сточной водицей в крови? Я заправлял в Мойке охотниками за святыми, когда твой драный папаша еще бегал в служках при Святом Шторме. Не сделаешь как тебе велят, в нашей власти отсыпать им горя. – Синтер мотнул большим пальцем на Даттин: – Теперь ты работаешь на нее, понял?

Бастону очень хотелось врезать старому святоше. И пришибить Эладору, дамочку, которая выглядит как Кари, а болтает как стряпчий. Как однажды показывал Холерный Рыцарь, если двигаться быстро и успеть сдавить горло, пока чародей не вымолвил слово, ты получишь свой шанс.

Но оно того не стоило. Гхирдана со своими драконами, ишмирцы со своими богами, эта баба со своим кровожадным жрецом – а за ней другие силы, о которых ему можно только

смутно догадываться: деньги, влияние, парламент, – осязаемые и опасные, как и любая власть. Идут они все на хер – равнодушные великаны, топчущие в труху обломки его родного дома.

Парочка отступила от него. Священник вынул из кармана новую обойму, нарочито зарядил пистолет. Когда оружие было приведено в порядок, Даттин сняла заклинание.

Бастон сел, подтянулся, готовясь встать на ноги.

– Одно задание. И пепел принимать я не буду. Одно задание, и после этого вы отстанете от меня и к моим не полезете тоже.

Даттин искоса глянула на Синтера, тот сердито нахмурился.

– С условием того, что вам удастся выяснить суть замыслов Раска, – осторожно проговорила Даттин. – Так будет приемлемо.

– Договорились. Сделаю. – Бастон протянул руку.

Никто из двоих не пошевелился. Не пожал руку, чтобы скрепить уговор. Не рискнул приблизиться на расстояние досягаемости. Ага, возомнили, будто его просят считать.

– На Серотканной улице, на Священном, есть портной, – сказал Синтер. – Зайдешь потом, снимем с тебя мерку, понял?

Бастон кивнул.

– Что стало с Кари? – спросил он. – Она умерла?

– Оу. – Эладора впервые проявила беспокойство. – Жива, но ей пришлось уехать из Гвердона. Я отослала ее отсюда. С ней все хорошо.

Первым в дом на Фонарной улице прибыл Тиск.

Раск смог бы догадаться о том, что Тиск помечен пеплом, даже если б Вир не сказал ему загодя, – в поведении этого эшданца сквозило нечто особое, произвольная почтительность в гхирданском присутствии. Средних лет, кряжистый, лысоватый. Прямо бочка, в том смысле, что набит свиным салом и им можно подпирать дверь, а не потому, что поразил Раска своей глубиной. Один из порученцев Артоло, надеющийся опять заползти под драконье крыло.

Он преклонил колени, поцеловал драконий зуб, подставленный Раском. Ладони у него слегка потрясывались.

– Они идут за мной, сэр, – произнес бандит.

– Я ищу солдат, Тиск, а не быдло из пивной. Лучше бы твоему другу не тратить зря мое время.

– За него я готов поручиться жизнью.

Раск поигрывал кинжалом:

– Да ты и так поручился.

Открылась дверь, и Вир ввел в комнату двоих. Один, заключил Раск, и был тот парень, о котором говорил Тиск, – Бастон Хедансон. Серый костюм обтягивал широкие плечи. При виде лица на ум приходило животное, только какое? Телосложение бычье, но нет – это волкодав. Сильный, яростный, но привыкший быть частью стаи. Он не спеша пересек кабинет, вникая во все. Цепко зыркнул на выходы, отметил охрану у дверей, кинжал на столе.

Второй была сестра Бастона. Крашеная блондинка с неестественно выбеленными волосами.

На ней платье из дешевой материи, но фасон был к лицу. Дома на островах рыболовы в базарный день выводили покрасоваться сыновей и дочерей в надежде привлечь внимание Гхирданы. Раск задумался, не за тем ли Бастон взял ее с собой, но тут она встретила с ним глазами и не отвела взгляд. Ни одна рыбацка никогда не посмела бы так дерзить детям дракона.

К его удивлению, это только усилило ее привлекательность.

Она приторно улыбнулась, словно они обменялись забавными шутками.

– Итак, Тиск рассказал, что намечается большое дело и вам нужны толковые парни. Какая работа нас ждет?

– Я собираюсь сжечь цеха Дредгера.

– Мне казалось, для таких вещей у вас есть драконы.

– Мой Прадедущка улетел, а это внутрисемейное мероприятие, – пояснил Раск.

Бастон нахмурился в замешательстве, тогда Тиск наклонился к нему и прошептал:

– Каждую семью возглавляет дракон. Некоторые вопросы семьи решают сообща, но не все.

Раск продолжал:

– За работу вам хорошо заплатят. А коль проявите себя достойно, то позже дракон, возможно, даже одарит вас своим покровительством. – Дома любой крохотный шанс оказаться в милости у дракона мог толкнуть людей на убийство. Стать Эшданой, помеченным пеплом, означало долю в драконьих богатствах и силу семей за твоими плечами. Раск слегка удивился, когда ни Бастон, ни Карла никак на это не отреагировали. – Пеплом, – добавил он.

Бастон не запрыгал от восторга.

– Почему Дредгера?

– Какая разница? – вмешался Вир. – Вам указали цель, выбранную Гхирданой.

– У Дредгера в Мойке друзья, – сказала Карла. – Он управляет цехами много лет. Причитавшееся Братству платил исправно, как часы.

– Так было раньше, когда порты принадлежали Братству, – сказал Тиск. – Нынче они остались ничьи, – сообщил он возмущенным тоном престарелой тетушки, которая провела пальцем по полке и обнаружила на ней пыль.

– Он давал работу зараженным, когда никто другой не притронулся бы к ним и пальцем, – сказал Бастон.

– Но он трепался с ловцами воров. И со стражей, когда ему было выгодно, – возразила Карла.

Вир грозно на нее посмотрел:

– Он тот, кого выбрал я. Вы в деле? – Тиск сжал плечо Бастона, но у молодого громилы оставались еще оговорки:

– Какова наша оплата?

– Нас интересует лишь раздрай. Мы разрушим цеха. По ходу этого можете прибрать себе все, что приглянется. – Этим он вручал гвердонским бандитам небольшое пожизненное состояние краденой алхимией, но Гхирдану мало беспокоили такие суммы. Ложе из драгоценностей, на котором почивал Прадедущка, стоит дороже в тысячу раз.

– Монет не будет? – забурчал Бастон.

– Все, что нагребите, мы наверняка сможем сбыть через Новый город, – быстро сказал Тиск. – Бастон, малыш, Гхирдана проворачивает сделки по всему свету. Оружие можно будет продать в Кхенте или Уль-Таене, выручить хорошие деньги. Если только вы не хотите... – Он осекся, быстро взглянув на гхирданцев.

– Испытать это оружие здесь, – заключил Раск. – На ишмирских захватчиках.

– Как мы нейтрализуем его людей? Как обезопасимся сами? Дредгер имеет дело с ядами и веществами того хуже.

– Будет устроен маленький взрыв на дальнем конце двора, чтобы отвлечь охрану. Вторая группа захватит головную контору. Риск распространения огня будет сведен к минимуму. Поджигать мы умеем, в этом не сомневайтесь. – Осторожность Бастона оправдана – алхиморужие обладает чрезвычайной мощностью и не разбирает, кого убивать. Утечка из цехов причинила бы много бед.

Карла придвинулась к брату:

– По-моему, попытка не пытка. Позови ребят с набережной. Посмотрим, может, Угрюмый Йон согласится с нами поболтать.

– Малыш, послушай ее, – взмолился Тиск.

Лицо Бастона оставалось непроницаемо.

– Красивый кинжал у тебя, – произнес он, кивая на драконозубый клинок.

– Он из пасти дракона. Знак того, что я – его фаворит. Не прикасайся к этому ножу, иначе честь обяжет убить тебя.

– Про такое я слышал. Умеешь им пользоваться или носишь для красоты?

– Умею.

– Ага, ясно. – Бастон немного понаблюдал за отблесками света на лезвии. – Я вписываюсь – при одном условии. Ты тоже идешь с нами.

– Смысл нанимать вас, – ответил Вир, – как раз в том, чтобы отвести обвинения в нападении от Гхирданы.

– Или же смысл в том, чтобы нас подставить.

– Ты приходишь к нам в дом и смеешь обвинять в вероломстве? – Вир потянулся за собственным кинжалом, но Бастон оказался проворней. Он подскочил, поймал запястье Вира и стиснул.

– Это ведь твой отец попытался в прошлом году залезть на территорию Братства? Артоло, так его звали?

– Бастон, я бы не стал тебе лгать! – закричал Тиск, тоже подпрыгивая с места.

– Ты принял пепел, Бен, – беспечно заметила Карла. Как и Раск, она осталась сидеть.

– Если бы дракон захотел твоей смерти... – начал было Вир, но Раск прервал его:

– Дракон твоей смерти не хочет. – Раск поднял кинжал, перекувырнул в воздухе и задвинул за пояс. – И бой меня не страшит. Я выйду с тобой к цехам Дредгера. И, чтобы развеять твои опасения, Вира мы тоже берем. Справедливо, да, Вир?

Глава 5

Просыпаться всегда хреново. Длинный шрам на животе постоянно ныл, изводил тупой болью. Простонав, Артоло откинул шелковые простыни и потянулся к стеклянной банке с пилюлями.

Тупой слуга опять закрыл крышку. Сколько раз он вдавливал этим ильбаринцам оставлять с утра крышку открытой? Артоло зарычал и стукнул по крышке искалеченными ладонями. Пальцев нет, только обрубки. Каждый раз при взгляде на свое обезображенное тело его до сих пор охватывает ужас.

Увесистую банку он смахнул с прикроватной тумбочки. Банка разбилась о гладкую плитку. Осколки стекла и коричневатые пастилки разлетелись по полу, закатываясь под резную мебель. Физиономия давно умершей ильбаринской драконессы, а может, жрицы, тарасилась на него с позолоченной рамы портрета, выражая недовольство тем, что в ее дворце нынче хозяйничает преступник.

Дверь приоткрылась. В спальню заглянул слуга:

– Мой господин? Кажется, что-то разбилось.

– Где моя ведьма?

– Я не знаю, господин. Пойду посмотрю... – заблеял слуга.

– Нет. Зайди. Помоги мне.

Слуга шмыгнул в комнату тихо как мышка, передернув плечами, когда под ногой хрустнуло стекло.

– Дай лекарство, – приказал Артоло. Слуга кинулся исполнять, отыскал одну пилюлю и протянул на ладони.

– В рот клади. – Он открыл рот, и слуга поместил лекарство на язык кончиками пальцев – отставляя вытянутую руку как можно дальше от себя, словно лез в драконью пасть. Артоло принялся сосать липкую пастилку, чувствуя, как немеют небо и горло.

Цельность этого лакея раздражала донельзя. Слуга был местным, из Ильбарина. Его родной край оказался разрушен и залит водой, его боги сломлены, его предводители скрылись бегством – и он еще смеет стоять весь такой из себя горделивый? Смеет безукоризненно двигаться? Это издевательство, да и только. Нарочное оскорбление.

– Сапоги давай. – Слуга в замешательстве посмотрел на Артоло – гхирданец спал голым. – Тут везде стекло – мне что, босиком идти?

Слуга извлек громоздкие сапоги Артоло из гардероба. Это были сапоги наездника – утолщенные, со стальными мысами. На голених стальные зажимы, смастеренные, чтобы цеплять их за седельную упряжь. Он не поднимался в воздух с тех самых пор, как потерял расположение Прадедушки, но все равно это его сапоги. Слуга помог поочередно их натянуть. Пока ильбаринец возился с застежками, Артоло одобрительно улыбался, сложив бесполезные кисти рук на коленях.

– А ну, приберись. Чтоб ни одной пилюльки не пропустил. Одна штука стоит дороже, чем твоя убогая жизнь.

Слуга кивнул. На коленях он заелозил по полу, подбирая пастилки и кладя их на тумбочку.

Артоло встал. Боль от старой ножевой раны утихла. Он потянулся, ощутил, как утреннее солнышко сквозь окно греет спину.

– Корабль Доски пришел прошлой ночью?

– Да, господин.

– Хорошо. Хорошо. – Артоло посмотрел в окно на крыши города Ушкета, на скопление мачт у причала. Полюбовался, как на воде пляшут солнечные зайчики, как отражаются стены домов с полузатопленных улиц.

А потом двинул слугу сапогом прямо по роже. Наступил на руку, надавил подошвой, вмятая пальцы слуги в битое стекло. Пнул в живот, крутанул каблук так, чтобы крючья надсекли плоть. Про другую лакейскую ручонку тоже грех забывать. Артоло рванул со стены портрет. Хреновина оказалась очень тяжелая, и покалеченными руками за нее толком не взяться, но он сумел поддеть падающее полотно так, чтобы острый край рамы припечатал ладонь слуги. Картина с грохотом развалилась. Слуга завопил, но Артоло стащил с кровати шелковую подушку и пихнул ее в лакейскую харю. Слуга, уткнувшись в подушку, приглушенно скулил и вскрикивал.

– Нижние боги. – В дверях стояла ведьма. Голос ее сочился отвращением, но металлическое забрало шлема не выражало эмоций.

– Опаздываешь, – рявкнул Артоло. Для пущей убедительности он вновь саданул слугу сапогом. – Сама виновата.

– С Доской возникли проблемы, – проговорила ведьма. Ее костюм зажужжал и защелкал, зашипел колдовской механизм, вкалывая ей собственное обезболивающее. Они оба подпорченный товар, побитые войной. Выброшенные за ненадобностью на этот огрызок суши.

– Сперва рукавицы, – приказал он. Ведьма открыла гардероб, достала принадлежащие Артоло тяжелые краги наездника. Стащила свои перчатки с рубиновыми бисеринами, напоминавшими капельки крови. Ее голые руки были будто полупрозрачны, сквозь них вились ветвистые прожилки пламени. Это нервные волокна светятся изнутри колдовством, догадался Артоло, ведь обращение с чарами не заложено в людской природе. Что поделывать, перчатки ей приходилось снимать, иначе рукавицы на нем не приладить.

– От сына новости есть? – спросил Артоло. Его сын Вир уже нанял в Гвердоне докторов и механиков, чтобы те изготовили ему набор искусственных пальцев, по принципу облачения этой ведьмы.

– Я же вам говорила, такая тонкая работа требует много времени.

– И много денег, – кисло заметил Артоло. – За такую цену, как они заламывают, уже должны были все закончить. Был бы там я...

– Их бы вы тоже избили? – пробормотала ведьма. – Готовы? – Артоло утвердительно хрюкнул. Ведьма обхватила его руки в крагах и сосредоточилась. Артоло почувствовал, как невидимые нити заклятия обтекают обрубки пальцев, змеятся вдоль нервов. Краги стали надуваться, распрямляться, уплотняться. По ладоням побежал озноб, ведьмино заклинание схватывалось, обретало устойчивость. Он уже ощущал призрачные фаланги пальцев, осязал потусторонние жилы и мускулы, вросшие, сплетенные с живой плотью. И вот размял свои обновленные, окрепшие руки – чувство силы в кистях помогало лучше любого снадобья.

Ведьма испустила стон, и костюм принялся скорее ее обхаживать. Заклацал, вкалывая лекарства, присосался, откачивая яд. Эфирные энергии костюма шкворчали голубоватыми дугowymi пробоями. Она обессиленно привалилась к гардеробу и с большим трудом натягивала перчатки обратно. С волдырей на пальцах струился дымок.

Артоло же, насвистывая, накинул рубашку и следил, как слуга в изнеможении собирает все до единой пилюли сломанными пальцами. Ну чем не наслаждение застегивать пуговицы? Эти мелочи до того приятны! Ведьмино заклятие продлится около дня, а потом его необходимо будет накладывать снова, но до той поры Артоло – цельный.

Он задумался, как долго она продержится такими темпами? Если умрет, то придется опять нанимать мерзких ползущих, а он не горел желанием сидеть за переговорным столом с этими червистыми страшилами. Каждый раз, как он имел с ними дело, черви запрашивали целое состояние.

– С Доской чего случилось? – спросил он.

– Его остановил катер при попытке подойти к городу Ильбарину.
– Чем это он там собирался заняться? Накачать в бочки рапы?
– Вез на борту пассажира, оплатившего проезд до Ильбарина, – сказала ведьма. – Только и всего. Впредь ему будет наука.
– Что за пассажир?
– Его и след простыл. Наверняка прыгнул в воду еще на подходе. – Ведьма начала заново подсоединять свои перчатки, втыкая в разъемы проводки и трубки.
– Описание есть? Доска рассказал тебе, кто с ним плыл? – Неладно с этой историей. Артоло взялся за обожженные пальцы ведьмы и сжал их – не сильно, но достаточно, чтобы причинить боль, напомнить, кто здесь главный.
– Женщина. Из Гвердона. Имени нет, но команда сказала, у нее темные волосы. Кто-то назвал ее воровкой. – Артоло поднадавил еще немного. – На лице шрамы. Маленькие шрамики! – морщась от боли, выложила ведьма.
– Это ОНА. Святая Карательница. Явилась сюда за мной. – Артоло ринулся к шкафу, выдернул оттуда пистолет, будто Карильон Тай могла прятаться под кроватью или за занавеской.
– Я с ней разберусь, – немедленно отозвалась ведьма. – А вы лучше идите на перегонную, проверьте готовность илиаэтра.
– Нет, – произнес Артоло. – Нет. Я сам ее найду. Найду и отплачу ей той же монетой, как и она мне, только тысячекратно. – Он ринулся назад к тумбочке и оттуда вынул кинжал – свой зуб дракона. Кромка затуплена, но лезвие по-прежнему прочно.
Он лишился пальцев, но держал оружие все так же крепко.
Затупленным клинком Артоло саданул слуге в живот, навалился всем весом на рукоять, вгоняя нож глубже. Слуга завизжал от боли, истошно взревел, замолотил кровавыми ладонями по лицу Артоло, но Артоло был гораздо, гораздо сильнее. Лезвие погрузилось в тело. Горячая кровь окатила голые ноги Артоло, вымазала распахнутую рубашку. Он рванул, вспарывая живот, как мокрый мешок. Внутренности несчастного вывалились на пол.
Лучше любого лекарства.
– Ведьма! – позвал Артоло из кровавой лужи. – Прочитай судьбу! – Он зачерпнул горсть кишок, чувствуя, как они просачиваются между пальцев. – Погадай и поведай, где я найду Карильон Тай!

К середине дня Кари поверила, что может и помереть на этом чертовом Ильбаринском Утесе. Она то и дело отлепляла от тела пропитанную потом одежду. Уже позабыла, каким горячим бывает южное солнце. Огнеморье не зря так называли.

Эта гора коварна и крутобока, а Кари, чтобы ее не заметили, приходилось забирать каменистыми склонами все выше и выше, продираться сквозь клочковатый кустарник и колючие деревца. Над трактом на Ильбарин, уходившим за отрог Утеса, мерцало, колыхалось знойное море. За дорогой к новому побережью сходил илистый скат, море намывало красные наносы, будто гора истекала кровью.

На дорогу нельзя. Ее сторожат вооруженные люди, вероятно, Эшдана. Бойцы, нанятые Гхирданой по цене пепла. К тому же на тракте движение, мулы волокут полные металлических бочек телеги. Она понятия не имела, что на них перевозят, но приближаться к телегам не собиралась. Среди скал укрытий много, но Кари – создание переулков и доков, без стен вокруг она чувствовала себя уязвимой.

Поэтому она двинулась выше, минуя неустойчивые насыпи и шрамы недавних оползней, и обнаружила наверху вспаханные участки. Поля расчищенной серовато-бурой земли. Почва была скудна и полна камней. Кари сомневалась, что пахарей ждут обильные всходы, но разве у них был выбор? Большую часть ильбаринских угодий затопил Кракен – вон они, раскинулись перед ней под блестками волн. Поэтому выжившие выскребают, что могут из этого камени-

стого склона. Она немного понаблюдала за ними украдкой из-за шипастой изгороди: люди скудно трудились на худородном поле, голыми руками ковырялись в земле. Тощие и невзрачные, состарившиеся от тягот и недоедания – общие невзгоды за душой стерли различия пола и возраста. Пашня ходячих скелетов.

За ними надзирали вооруженные стражи. Откормленные эшданцы с пистолетами и дубинками. Это они теперь управляют фермами, управляют, похоже, всем вообще. То же самое она уже видела в Гвердоне, в ранние дни существования Нового города. Подонки и преступные синдикаты быстрее всех приспособились к последствиям катастрофы и подмяли власть под себя. «Тебе бы претило так поступать, – мысленно заметила она Шпату. – Ты бы гнул свое насчет отца, насчет Братства, насчет построения на развалинах нового, справедливого мира. И куда же все эти добрые намерения вкупе с самопожертвованием нас завели? Ты погиб, а я здесь, на этом долбаном Утесе». В Гвердоне она никогда не позволяла себе таких мыслей, но Шпат от нее за полмира и все равно ничего не услышит.

Обогнуть пашни ей удалось единственным маршрутом – подняться выше, взлезть на самые верхние склоны, где воздух стал прохладнее, а поверхность более неровной. Здесь, в вышине, гора превратилась в фантастический лабиринт из расколотых глыб с единственными живыми созданиями – несколькими колючими кустами. По ее догадкам, здесь бились боги. Проплешины на широком откосе, скорее всего, прожгло кислотой из усиков творений Матери Облаков. Три сонаправленные расселины, должно быть, продрали когти Царицы Львов. Разрушения еще свежи, под ногами камни в зазубринах. Рассеченные козы тропки обрывались в никуда. Да и коз что-то не видно. Забурчал пустой желудок. Она слабеет от голода. Выносить тяжесть дурацкой книжки, не говоря о прочем снаряжении, все трудней.

Она заставила себя идти дальше. Вообразила, что опять в Новом городе. Шпат явил чудо и ради нее преобразовал непроходимые скалы в ровную дорожку. Как только она обогнет Утес, начнется спуск. Вниз, к Ильбарину. Даже если от города осталось немного, найдутся места, где укрыться. Она отыщет кого-нибудь на корабле, кого-то, кто возьмет ее за деньги.

Промежуток выше по склону вроде бы не был так разгромлен по сравнению с остальной местностью. Устав поскальзываться на каменных сколах, Кари полезла наверх, подтягиваясь на жестких стеблях бурьяна и выпиравших наружу корнях кустов, пока не достигла неповрежденной области. Впереди виднелась небольшая каменная постройка. Пастуший загон или, может, часовенка для странников.

Тут можно было хоть чуть-чуть просто пройти, а не карабкаться по расколотым скалам. Она допила остатки воды, пнув себя за то, что не набрала перед уходом еще. Виноват Хоуз – выбесил, зараза, решила она, стараясь заполнить нутро злобой на капитана. Лучше злоба, чем голод. Злоба заостряет, не дает раскиснуть.

Она побрела дальше, пересекая склон. К закату обойдет Утес. К завтрашнему полудню доберется до Ильбарина. Пускай с собой не осталось еды, зато имеются деньги. Корабль до Кхебеша отыщется и без Хоуза. Она как-то справлялась без капитана все эти годы. «Меня хотят убить ишмирцы, хочет убить Гхирдана, а мои лучшие друзья – это упырь и город. Ясное дело, без тебя у меня все охерительно».

Поднялся ветер, сыпя пылью в лицо. Она упорно продвигалась вперед, шаг за шагом, наклонив голову. Твердила себе: до Кхебеша она доберется. Избавится от чертовой книжки, обменяет ее на мудрое наставление опытных чародеев запретного города. Она даже не представляла, что говорить, когда к ним прибудет. «Меня создал дедушка, в качестве основы для ритуала по возвращению Черных Железных Богов, а я по случаю спустила всю их силу в труп моего близкого друга. А он вдруг превратился в город. Я слышу его у себя в голове, и вместе мы вышибли дерьмо из Гхирданы и сопротивлялись вторжению, но теперь мой друг угасает. Можете выписать ему какую-нибудь мазь?»

Что будет, если такой подход не сработает?

А что будет, если сработает?

На минуту она почувствовала вокруг себя странное трение, будто путь перегораживала невидимая завеса, сквозь которую необходимо прорваться. Преграда сначала грубо скребла кожу, потом отяжелела внутри черепной коробки, и ее давление нарастало.

Внезапно появилось пугающее ощущение раскачки, как будто сам склон вознамерился ее оттолкнуть. Она повалилась на колени, вцепилась в камни, и пыль жалила ее голую кожу.

Вскоре, так же внезапно, это ощущение прошло. Гора снова стала обычной горой.

– Ну ладно, – пробурчала она.

А потом наяву взлетела в воздух.

Солнце, море, небо и Утес завертелись вокруг, а затем она грохнулась в грязь, удар вышиб воздух из легких. Острые камни впились в лицо и грудь. Под весом книги ранец проехался по спине и огрел ее по затылку. Сука. Она попыталась подняться, перенесла вес на руки – и запястье пронзила боль. Поверхность качнулась, сместилась под ней, и она снова упала. Глаза уловили расплывчатое движение. Не человек, а смазанный вихрь из песка и камней, но он стремительно приближался. Кари неожиданно разглядела в нем черты старой женщины, седой и согбенной, лицо избороздили следы когтей. Камни – это ее зубы, колючки – заостренные ногти.

«Это же горный дух», – сообразила Кари за миг до нового удара прямо в грудь. Затрещали ребра, ее отбросило назад, покатило по склону.

Повсюду ревела и завывала земля. Рядом рушились валуны, обсыпая гравием. Облака пыли заслонили свет. Старуха была везде, со всех сторон и всем вокруг, колошматила, рвала когтями. Ветер оглушительно высвистывал проклятия. Кари могла только свернуться в комок, смертная перед ликом божьего гнева.

В Ильбарине поклонялись Ушарет, богине – покровительнице горы.

И гора повалилась на Кари.

Ставить на это по-крупному Кари бы не стала, но, кажется, была пока что жива. И чувствовала себя мешком с кровавой кашей и осколками костей. Мысли медленно плавали в жидком холодце ее мозга. До нее не сразу дошло, что она не валяется на горном склоне, а куда-то едет. Она лежала в фургоне. Скрипели колеса, шушукались голоса, позвякивали громоздкие металлические бидоны. Ее руки связали веревкой, но по тому, как впивался в спину твердый переплет, становилось понятно – чертову книжку у нее не отняли. Даже не пошарили в ранце. Она попыталась шепотом себя с этим поздравить, но и такое усилие ткнуло ей в бок пикой боли.

Один глаз заплыл начисто. Получилось разглядеть четверых охранников. Все с оружием, но за ней не следят. Оглядывают горную кручу, наблюдают за склонами. Е-мое, да ведь тварь, что на Кари набросилась, богиня или кто, едва ее не убила. Выписала ей люлей с верхотуры до самой дороги.

Солнце заходило слева, закатывалось за Утес – она движется не в ту сторону. Ее везут назад, в Ушкет.

Дерьмово, подумала она, но это самая ничтожная из неприятностей. Она переборола подступившую панику, и от очередного усилия на минуту все опять потемнело.

«Шпат? Я изранена». В Гвердоне Шпат умел принимать ее повреждения на себя, предохранять от увечий, но она от него далеко. Раны выхаживать ей самой, и очень скверные раны. Казалось, все вокруг приобрело неумолимую твердость, мир острого камня и жестоких врагов, а она мала и разбита.

«Думай». Ей слишком плохо, чтобы двигаться быстро, но понемногу шевелиться она способна. Руки и ноги связаны, но, похоже, ею занимались наспех. Той же самой грубой веревкой в фургоне закрепили бидоны и не натягивали слишком туго. Будет возможность, и Кари

сумеет вывернуться из пут. Четверо пленителей, судя по голосам, местные ребята, эшданские новобранцы, напуганы не меньше ее. У них ножи и палки, нормальных доспехов нет. Не солдаты. Временно нанятые громилы. «Вдобавок им невдомек, что ты очнулась. Выжди подходящий момент». Она вообразила, будто это Шпат дает ей наставления. Сама себе она никогда не советовала сидеть тихо. «Жди удачной возможности. До тех пор притворись, что лежишь без сознания».

Эту часть отыграть совсем не сложно. Она опять на секунду вырубилась, когда фургон перекатился через дорожную кочку. В бочках возле нее туда-сюда плескалась какая-то жидкость. Внутри нее туда-сюда плескалась боль, словно не могла выбрать, каким синяком или порезом заняться поосновательней. В итоге засела в запястье, колене и ребрах с левого бока. Во рту стоял привкус крови.

– Старуха будет гнаться за ней, – пробормотал один из охранников. – Надо бы ее бросить.

– Утром пришла весть из Ушкета, – ответил другой. – Ее хочет видеть начальник. Она только вчера сошла с корабля.

Первый охранник зыркнул на Кари. Она заставила себя лежать обмякшей, притворяться бесчувственной.

– Для чего понадобилась? Кто она?

Кари рассмотрела его сквозь красноватую муть липких от крови волос и воздушной пыли. Голос молодой, испуганный. Парень то и дело тревожно поглядывал на гору, вздрагивая при любом порыве ветра. Спокойно держался один только мул, невозмутимо кативший повозку в обход Ильбаринского Утеса.

– Старуху высматривай, – просипел другой голос. – У меня пушка. Если нападет, буду стрелять.

Кем бы ни был начальник, требовавший Кари, его они боялись больше полубогини.

Кари подождала, пока фургон наедет на очередную выбоину и ее голову мотнет так, чтобы взор оказался направлен куда надо. Полуприкрытым здоровым глазом она разглядела мужчину с тяжелой винтовкой. Заряжена флогистоном, крупный калибр – с такими сражаются против святых и божьих отродий. Не изничтожит, но отвадить чудище огневой мощи хватит.

Из похожих стволов по ней работала Гхирдана, когда она была Святой Карательницей.

Когда была в силе.

– Повелитель Вод, сохрани нас, – пробормотал дерганный парень.

Короткий отголосок ощущения, возникшего на горе, опять пронесся над Кари. Как будто надавливаешь на болячку. Задул горячий песчаный ветер.

– Идиот! – гневно выбранился стрелок на молодого спутника. – Не науськивай ее на нас! Не называй имен.

«Я – нарушитель, – осознала Кари. – Наверху наверняка священное место. Горная богиня, Ушарет, почуяла во мне святую иной силы и ударила в ответ». Кари вдруг затряслась и не могла унять дрожь. Несмотря на дневную жару, ее колотил озноб.

Долгое время Кари избегала церквей и храмов. В последний раз она ступала на освященную землю будучи в Гвердоне, годы тому назад, и то была церковь Хранимых богов, в ту пору слабых и чахлах. «Но они вернулись, – с горечью подумала она. – Так почему же не возвращается Шпат?» В своем путешествии на юг она придерживалась земель без богов – хайитянских застав или ничейных пустошей, а в основном плыла по морю. Все равно, время от времени, появлялось сходное чувство – жжение, напряженность, будто она стоит под полуденным солнцем в пустыне. Или болезненное предвкушение насилия, вроде того что будоражит толпу, перед тем как разразится бунт.

«Меня хотят убить ишмирцы. Хочет убить Гхирдана. И боги хотят меня убить за то, что я ступила на их территорию».

Замечательно. Оно-то ей и послужит. Все на свете – оружие. Этому она давным-давно научилась.

– Нищий Праведник, – неслышно забормотала она. – Мать Цветов. Вещий Кузнец. Святой Шторм. – Слабые гвердонские божества. Горячий ветер усилился. Вскрапнул мул. – Ткач Судеб. Дымный Искусник. – Боги Праведного Царства. – Верховный Умур. Мать Облаков.

Больно, точно голову засунули в тиски. Охраннички услышали ее молитвы. Схватили ее, дернули за ноги, вытаскивая из фургона, но она продолжала взывать, захлебываясь именами в кровавом кашле. Плюясь ими, как оскорблениями.

– Мразота Кракен. – По лицу забарабанили горячие комья. – Сучка Пеш, Царица Львов! – Она вспомнила картину, как Пеш наступала на Гвердон, ростом выше гор, о ее золотистые бедра разбивались волны. Пеш, осиянная славой, ее слова – снаряды из гаубиц, ее взор – огонь и раздор. Пеш, столь прекрасная и грозная, что Кари невольно выдавила тогда молитву, даже нажимая на спуск божьей бомбы, которая и убила богиню войны...

Гора вновь взревела глубинным громом, широкий склон изогнулся и затрещал. Кари жмурила глаза, но образ старухи, бросившейся навстречу, впечатался в мозг.

Кари завопила с надрывом, выкрикивая имена Черных Железных Богов, которые никогда не слыхала и не догадывалась, что знает, но где-то внутри нее они хранились, и теперь она называла имена вслух. Голосила ими навзрыд, и их повторяло горное эхо.

Ружье выпало со вспышкой флогистона и лающим раскатом, от которого Кари наполовину оглохла. А потом бахнуло еще и еще, и на третий раз раздалось шипение – не боли, а сердитого непонимания, изумления наглым высокомерием смертных.

А потом их ударило оползнем – фургон, охранников и мула враз смело с дороги. Кари уже была в движении, уже скатывалась с фургона, перед тем как тот опрокинулся. Кругом сумятица – пыль и дым, треск и камнепад. Вопли гхирданских прихвостней тонули в грохоте низвергающейся горы, в гневе богини Ушарет.

Слева мучительно визжал мул с переломанными ногами. Рядом перевернутый фургон, бидоны раскидало по склону. Один вскрыло ударом, светлая жидкость брызнула бриллиантовыми струйками с кристалликами, наподобие морской соли.

Пленителей отнесло вправо. Один, наполовину занесенный гравием, откапывался, пытаясь освободиться. Другой был завален и недвижим, лишь вытянутая рука отмечала место его погребения. Где-то поодаль, среди клубов пыли, промелькнула красная вспышка – это винтовка пальнула опять, на этот раз вслепую.

Кари изогнулась, нащупала нож – запястье прострелило болью. Ее саму закидало камнями, захваченными волной оползня. Она распахала камни, вывернулась из завала, подтянула ноги к связанным рукам и полоснула по веревке: раз, два, пока та не поддалась.

Кто-то из охранников таки вцепился в нее, но тут его самого сцапала Ушарет. Пальцы-шипы порвали горло, песчаные руки ухватили мужчину и отшвырнули подальше.

«Надо скорее вниз, – подумала она. – Убирайся с этой поехавшей горы».

В клубах пыли проступил охранник с винтовкой. Он выстрелил в упор, Кари даже слышала, как треснула под бойком ампула флогистона. Ушарет взвилась вихрем, вспрыгнула стрелку на плечи и принялась кромсать колючками его лицо. И все время выла, навзрыд и безумно.

Кари побежала. Съезжала вниз. Она падала, подскакивала на камнях, поскальзывалась на щебне, а после в грязи. Снова грохнулась на колени – руки провалились в чудесный соленый прибрежный ил. Раздирала боль – сломанные ребра, растянутые мышцы. Под кожей, как снаряды, взрывались кровоподтеки. Она боялась, что вот-вот переломится или лопнет, но продолжала ползти.

Позади, с подъема, разносился рев богини. Кругом тряслась земля, поверхность трескалась и расползалась, громадные пласты почвы съезжали в море; бурые, как застарелая кровь, пятна растекались по волнам. В воздухе пыхало пылью, давило, будто огромный железный колокол бил прямо над ухом. Невидяще она ковыляла сквозь эту бурю, пока не набрела на дорогу.

Она хромала, спотыкалась, падала, ползла, но не останавливалась, все время двигалась прочь от гнева оскорбленной сумасшедшей богини. Стирала с лица и рук налипшую пыль, только тщетно. Должно быть, с виду сама как богиня, отстраненно подумала она: тощая и изломанная, обсыпанная грязью, песком и колючками.

Впереди слышались крики, и воровские рефлексy сработали без промедления. Она бросилась в канаву, подавляя охи боли, а вооруженные люди проносились мимо и пропадали в клубящемся хаосе пыльной бури. Загремели новые выстрелы, с воем разорвалась вспышка-призрак.

Шатаясь, она побрела дальше. Ходьба стала машинальным процессом, навязчивой мантрой, которую повторяли заплетающиеся ноги и измученные плечи. Лишь инерция влачила ее вперед. Как будто, прекрати она двигаться, дорога, огибавшая гору, вздыбится и ее сомнет. В вышине по небу катилось солнце, над головой кружили облака – белые и серые, пылевые. Стервятники небось тоже кружили, подумалось ей.

В какой-то момент она потянулась поправить ранец, подвинуть, чтобы чертова книжка так не резала спину, и когда убрала руку обратно, ладонь была вся в крови. В растерянности она выхватила нож, не отдавая себе в этом отчета.

Но не похоже, что смерть можно порезать сталью. Пальцы обессилели, рукоять выскользнула из захвата. Упав посреди дороги, гладкое лезвие заблестало, незапятнанное окутавшей все вокруг пылью. Она долго, долго глядела на нож, боясь, что если нагнется за ним, то упадет сама и распадется на части. Боясь нарушить тонкое равновесие между весом книги и собственной инерцией, прервать слаженность рывков избитых конечностей, позволявшую пока что идти.

Сображать не получалось никак. Она надышалась пылью, мозг покрылся толстой земляной коркой. Череп готов лопнуть. Не разобрать, кто боится – она или Шпат. Тот вечно переживал насчет падений.

Пока был жив.

«Нет, – осекла себя Кари. – Он жив и сейчас. – И добавила: – Я тоже еще жива. И все поправлю. Доеду до Кхебеша и поправлю».

Она переступила через нож. И пошла дальше. Шла дальше. Шла дальше.

Пока не заползла в дыру на корпусе «Розы». Вслепую отыскала трап наверх.

И упала на свою койку.

Дома.

Глава 6

Трое воров бегут по улице. Неудачное ограбление. Взрыв.

Ведь так все начиналось, верно? Это воспоминание или нечто, что происходит сейчас? Топот воров будоражит мысли, встряска живого камня высвобождает разум. На минуту эта улица в Новом городе, эти воры притягивают внимание Шпата. Его сознание собирается воедино, уже достаточно, чтобы пробудиться и самому это осознать.

Город, которым он стал, слишком вместителен для смертного ума – Шпат как будто расплывался, стекал вместе с каплями дождя по окнам, ускользал с упырями по сточным канavam. Зыбкое сочетание рассудка и памяти, бывшее прежде человеком по имени Шпат Иджсон, рассеивалось по лабиринту улочек Нового города. Растворялось в камне, как разлагается тело утопленника.

Соберись. Соберись через силу. Смотри, внимай. Не засыпай. Держись, пока она опять тебя не отыщет.

Трое воров бегут по улице. Это извилистый спуск к окраине Нового города, к порту, где черная вода плещет о белый камень. Здесь улицы разделяет обрыв, они пересекают его по мосту. Мост выполнен в виде ангела, и воры бегут по его распростертым крыльям. У ангела лицо мамы Шпата. Вода оmyвает памятник ей, несется и ниспадает в нижние части города.

Внизу канал.

Разум не слушается, мчит вслед за памятью. О драке с Холерным Рыцарем. О том, как Шпат набросился на бронированного врага и вместе с ним рухнул в затхлый канал. Не в этот, другой. Телохранителя Хейнрейла в бою было не одолеть, и Шпат тогда попытался пожертвовать собой. Когда живешь с неизлечимой болезнью, смерть перестает быть немислимым вариантом. Если протянешь подольше, привыкнешь обходиться с ней запросто.

Нехорошо. Он опять падает. Трое воров не пропали из восприятия – по булыжникам, его нынешней коже, стучат их шаги. Их фигуры видны из каждого окна. Все трое в темных дождевиках от ливня. Дождь смывает рассудок, подумал он. Как соотносить, когда каждая капля шумит, грохочет, отвлекает внимание? В чем разница между дождевой каплей и человеком? И то и другое в основном из воды. И то и другое лопнет при ударе о камень.

Так, при ударе, лопнул и он. Под просторными бульварами и кручеными переулками его мыслей таится подземелье воспоминаний, засасывающий водосток, где он застрял и его тянет вниз. В своей памяти он падает из-под купола Морского Привоза, неподъемные конечности и забитые известью суставы подводят его. Такой сильный, а земное притяжение ему не побить. Не пройти последнего испытания. У Кари глаза полнит ужас. Он гибнет, а она понимает, что тоже обречена, обречен Гвердон, и владычество Черных Железных Богов воцарится навеки...

Это воспоминание. Настройся на данный момент. Следи за ворами. Ты смотришь на них неспроста. Двое – иноземцы, в городе новички. Носят дождевики, но и под них проникает взор Шпата. Можно попробовать на вкус их оружие. У предводителя кинжал, драконий зуб, клинок горит пламенем – так воспринимает его чудесное зрение. Сам парень из Гхирданы, родом из драконьей семьи. Шпат вспоминает – точно такой же кинжал вбивается Карильон в горло. И, по велению чуда, режет его каменную плоть – но это еще один выход в память, еще один спуск в подземелье. Затвори его, живо. Соберись.

Гхирданец идет вперед с важным видом. Волосы острижены под летный шлем, носит тонкие усики – показать, что мужчина. Бронзовая кожа в отметилах дюжины застарелых шрамов, ножевые порезы на предплечьях, но без серьезных ран. Мальчишка, который дрался множество раз, но никогда не был бит. С шеи свисает поношенная дыхательная маска, под плащом характерная кожанка драконьего всадника, толстые перчатки и меховой воротник. Он что, дурак – так одеваться на дело или специально показывает свой высокий ранг тем, кто разбирается

в этом? Гордыня или безрассудство? Различие между ними в равновесии: перебери чуток с гордыней – и ты поскользнешься и упадешь. Упадешь из-под купола Морского Привоза и размажешься о плиты внизу.

Парень для чего-то важен. Шпат не понимал, откуда об этом знает и почему; благодаря неназванному чутью – особому восприятию, неподвластному смертным.

Раск. Вот как его зовут. Шпат не раз слышал, как это имя шепотом произносили на улицах.

Второй гхирданец тоже мужчина примерно тех же лет, только в обычной уличной одежде. Его ладони потеют, сжимая пистолет. Драконьего ножа ему не досталось, дракон не одарил его своей благосклонностью. К его боку пристегнут сверток, содержимое тщательно замотано в ткань, чтоб не рассыпалось. Воровской инструмент, отмычки, кусачки. И подрывные заряды, стеклянные шарики с флогистоном. Второй гхирданец щерится на Раска, когда драконий всадник поворачивается спиной – со смесью злобы и страха. В его горле копится желчь, как дождевая вода в закупоренной трубе водостока.

Третьего человека Шпат знал. Знакомые – это ловушка, с ними так легко потерять нить времени, соскочить в воспоминания о былом, вместо того чтобы следовать за их настоящим. Карильон, как якорь, крепила его к настоящему, давала сосредоточиться, но подумать о ней – все равно что упасть. Из-под купола Морского Привоза, переворачиваясь раз за разом, и размазаться по камням. Воспоминание, как щупальце веретенщика, алчно рванулось к нему, отдирая очередной кусок его осознания себя.

Соберись! Напряги внимание! Третий... Третьим был Бастон Хедансон. Человек из Братства. Выученик Холерного Рыцаря. Шпат приятельствовал с Бастоном: они околачивались вместе, когда были помладше, до того как каменная хворь отняла у Шпата молодость, друзей и место в воровской гильдии. В том, что осталось у Шпата взамен рассудка, друг другу противостояли две версии Бастона. В настоящем Бастон всматривается в тени, выискивает опасность. Годы обошлись с ним неласково – он износился, высох. А в памяти Бастон был на пятнадцать лет моложе. Почти мужчина, парой годков старше мальчишки-Шпата. Он сидел на заборе в Боровом тупике, смотрел, как Шпат носится с Карлой и другими детьми. Бастон держался в стороне, но его так и подмывало вступить в игру.

Боров тупик. Воспоминания о собственной молодости встали на дыбы, могучие, неугомонные. Он попытался их побороть, внимательно следить за настоящим, но не смог удержаться. Почувствовал, как сознание вновь раскалывается на части, растаскивается вширь по Новому городу. Он вырос слишком большим, чтобы охватить самого себя. А разум, маленький паучок, тщетно старается оплести тонкой паутинкой целый город.

Разламываясь на куски в миллионный раз, Шпат гадал, есть ли где-то еще другие осколки его сознания, стянутые вместе на достаточно долгое время, чтобы у них зародились те же мысли. Шпат ли он вообще или один из многих Шпатовых призраков?

Он падал. Его рассудок, подобно капелькам дождя, струился по стенам, рассыпаясь, сливаясь и снова дробясь на части серебристой дорожкой мыслей, что стекались в самые глубины Нового города, в самые глубины его души. Он больше не разделял прошлое и настоящее, не отличал своих воспоминаний от игры теней на стенах Нового города.

Падал.

В Боровом тупике Шпат, прячась по переулкам, играл в стражники-разбойники с Карлой и прочей детворой. Он был самым высоким в их компашке и самым шустрым. Никто не мог его поймать. Карла орала вслед, угрожая накликать на него гнев старшего брата, в духе воззвания святого к богам. Шпат перелез садовую изгородь на рубеже гильдии алхимиков, притворился, будто набирает пригоршни золотых монет и швыряет их через забор, а потом рванул улепетывать, пока не поймала стража. Помчался по мостовой впереди погони.

На улице показалась группка немолодых мужчин. Все из Братства.

– Нижние боги, это ж его сын, – произнес один из них. – Разыщите мать, надо рассказать ей первой.

– Нет, – негромко возразил другой. Пожилой мужчина склонил колени, положил руку на плечо Шпата и посмотрел ему прямо в глаза. От него несло табаком.

– Городской дозор арестовал твоего отца. Он обречен. Братство, такие дела, позаботится о тебе, но для него нам ничего не сделать. Нам нечем ему помочь.

– Его повесят?

Его повесят. Иджа повесили.

Это было двадцать лет назад и происходит сейчас. Постоянно.

Перед Шпатам сады Палаты Закона. Колокол отбивает полдень, и под отцом откидывается виселечный люк. Идж падает, и при воспоминании об этом кажется, что его падение длится вечно, несравнимо дольше, чем хватило бы длины любой веревки. Шпат цепляется за руку матери, вообразив, будто отец сейчас провалится сквозь землю, выпадет в некое нижнее, упыриное царство и скроется в бесчисленных туннелях под городом. Останется жить, обретя какой-нибудь новый облик. Останется жить хотя бы в своих рукописях, если на то пошло.

Падение – это побег, чудесное избавление, победа на самом краю гибели.

Но падение перебивает рывок веревки.

В туннеле под Новым городом, у каменной стены, присел упырь. Темно, но темнота внизу ничем им обоим – и Шпат, и упырь давно не нуждались в таких мелких условностях, как глаза, чтобы видеть во тьме.

Упырь ему знаком. Это Крыс. Когда Шпат подцепил загадочное каменное поветрие, медленно поедавшее его, замещая плоть камнем, то друзья с Борова тупика один за другим его побросали. Вот отец Карлы выталкивает ее из комнаты Шпата, а Бастон торчит на пороге – уходит неохота, а подойти слишком боязно.

Одни поняли, что ему не видать отцовского места главаря Братства. Других он отвадил сам. Однако Крыс остался. Упырей эта подлая хворь не берет. Упырей не донимает горечь, самопрезрение или отчаяние. Про всех Шпат знал, чем их зацепить, давил на слабые места, но Крыс сам определил Шпата в друзья, и на этом точка.

Крыс, да не Крыс. Крыс претерпел почти столь же законченное изменение, как сам Шпат. Прежний друг был уличным упыришкой, рыскал по подворотням и воровал туши на бойнях, чтобы приглушить голод по мертвечине. Но Крыс оказался одержим – избран? поглощен? – одним из гвердонских упырих старейшин, некротических полубогов, обитавших в подземных глубинах. Никого из прочих старейшин уже не осталось – все погибли в войне с ползущими. Все, кроме этого существа, именовавшегося «владыка Крыс».

Крыс поскреб стену туннеля мощными лапами, постучал по камню. Огромные челюсти раздвинулись, и длинный лиловый язык облизнул зубы. Острые клыки, чтобы отрывать от костей трупную плоть, плоские коренные, чтобы крошить сами кости и добираться до мозга, до остаточного духовного вещества. Крыс с запинкой заговорил. Он хотел донести до Шпата что-то важное. Упырь, помогая жестами, произнес что-то про Черное Железо. Потом про алхимию.

Отголоски речи бессвязно звенели в разуме Шпата. Он старался вновь сосредоточить свое внимание, слепить фрагменты сознания воедино, но было очень трудно собраться... ступить...

Голос Крыса становился эхом, лишенным всякого смысла. Слова вливались в хор других, произнесенных в Новом городе слов, растворялись в шумном гомоне. Шпат силился вычленивать их суть из бурлящей круговерти жизни. Он пробыл городом не так уж и долго, но хватка уже соскальзывала с поручня смертного мира. В общей массе проходящего сквозь него уже не различить отдельных слов, отдельных дней, отдельных жизней – он четко воспринимал их

только вкупе, вроде того как множество ног, что шлифовали нахоженные ступени, как множество рук, что на счастье до блеска натирали облюбванное изваяние.

С досады Крыс снова шоркнул когтями по камню.

Глаза Шпата – это стены туннеля, потолок и все камни вокруг. Его уши на каждой поверхности. Он видит Крыса под сотней разных углов, и каждая из обзорных точек есть часть рассеянного, грозящего ускользнуть внимания. Его мысли – стайка детишек в переполненном городе. Легче легкого потерять их в запутанных переулках воспоминаний.

Скрежет увлек его на три года назад.

Скрежет по двери. Пришел Крыс. Шпат отложил бумаги и начал выгружаться с кресла. Если ухватиться за край полки, можно подтянуться без лишнего давления на левый бок. На коже каменные пластины, под нагрузкой они впиваются острыми краями в мышцы, и каждый раз при этом чувствуется, как холодок онемения прихватывает новые ткани.

Полка заскрипела под его весом. Вмятины на доске совпадают с каменными пальцами. Он встал, но зацепилась и оцепенела левая нога.словно он балансирует на непрочном каменном столбе. Его охватил ужас, дыхание остановилось.

Падение всегда угрожало опасностью – если рухнуть на пол, удар может причинить незаметные внутренние повреждения, такие повреждения не отследить, пока не будет уже слишком поздно. Он представил, как тяжело бьется о невымытый пол. Может, ударяется головой или в глаза попадает грязь, царапает тоненький хрусталик, ослепляя его каменной катарактой.

Он уверял себя, что не настолько хрупкий. Сам видел, как такие, как он, каменные люди отбивают пули, проламывают кирпичные стены, выдерживают страшные побои. Если под удар подставлены уже окаменелые части тела, то ничего страшного. Предохранять надо лишь убывающий запас живых тканей. Его жизнь отмерена квадратными дюймами плоти, пятнами еще не покрытой известью кожи шириной с ноготь.

– Дай минутку.

– Пошевеливайся, – прошуршал Крыс. – Тут ливня льет.

На полке есть сосуд с алкагестом, как раз можно отсюда достать. Шпат наклонился, уперев для равновесия другую руку в стену. Подцепил пузырек, отыскал щель между каменных бугров на ноге и вогнал иголку. Огненное ощущение, в равной доле возбуждающее и мучительное, пронеслось по ноге. Паралич отпустил колено, конечность вновь свободно зашевелилась. Первый раз за эти дни он почувствовал пальцы. Алкагест бурлил в кровотоке пламенной рекой. Как будто бы камень таял и становился обратно податливой плотью. Шпат знал, что облегчение временно, но пока этого хватит.

Он бодро пересек комнату, отомкнул задвижку. Снаружи был Крыс, а еще на упыря опиралась, чтоб не упасть, какая-то человеческая девушка. Мертвенно-бледная, тряслась, на рукаве и губах сгустки рвоты. Первый Шпатов порыв – отнести ее и уложить на кровать, но каменная хворь передается прикосновением.

– Размести ее на моей кровати, – сказал он Крысу. На двери висели старые бинты. Шпат начал обертывать руки.

– Наткнулся у порта, – проворковал Крыс. – Пыталась шарить по карманам. Сообразил, что неплохо бы подержать ее здесь. Если ей полегчает, будет наша должница. Если умрет, сволоку тушку вниз. – Упырь облизнул острые резцы.

– К чертям иди, – слабо выдавила девушка. Она ощупала горло. – Ты что, уже?.. – Крыс отпихнул ее руку и выудил из разреза блузки кулон. Поднес к свету – на цепочке покачивался черный камень, амулет в оправе. Девушка потянулась за ним. Застонала. – Нет, это мое.

Шпат накинул одеяло на ее тощее тельце. Девушка закрыла глаза – похоже, проваливаясь в сон.

Крыс принялся к ней:

– С корабля. Не здешняя. – Обнюхал снова, морща рыло, будто в попытке определить какой-то неуловимый запах.

– На вот. – Шпат отсыпал упырю несколько монет. – Сбегай на Агнцеву площадь, принеси поесть. Полегче для желудка. Из «Химической Пищи» Рэнсона, например. – Алхимическую пасту, сладкую и липкую. Каменные люди с закальцинированными желудками то и дело на нее налегают; Шпат пока до этого не дошел. – И одежду почище. Спроси, может, у Барсетки.

Крыс юркнул за порог. Шпат вернулся в кресло, осторожно опуская себя, словно кран ставил на место сошедший с рельсов тягач.

Там он и ждал, читая старые отцовские записи. Вертел туда-сюда кулон девушки, проверяя, сохранила ли кожа на ладони какую-то чувствительность. Почитай, нет – чтобы хоть что-то почувствовать, пришлось бы сильно вдавить металлический край амулетика, а это могло повредить драгоценность.

Еще через пару минут ему стало ясно, что она очнулась, но притворяется спящей, наблюдает за ним из-под полусомкнутых век. Выжидает, когда он отойдет, чтобы удрать за дверь и помереть где-нибудь в канаве. Шпат вытянул руку и уронил амулет ей на кровать.

– Здесь тебя не тронут, – снова произнес он. – Я – Шпат Иджсон. – С ударением на второе имя, на свое отчество. В Гвердоне Иджа помнили все – великого вождя, вора-философа, того, кто собирался искоренить все гильдейские беспорядки и сделать город справедливым. Имя Иджа произносили в знак ответственности и полного доверия. Всяк в Гвердоне понимал, что сын Иджа – человек чести.

Но для нее имя Иджа вообще ничего не значило. Она таращила пустыми глазами, затем повторила:

– Шпат. – Голос царапал. – Есть вода?

– Хочешь, чтобы я принес?

– Ничего. – Она села – с какой легкостью она это проделала, не задумываясь, без хруста каменных складок, без прострелов в нервах, – и свесила ноги с кровати. Два шага босиком, потом ее колени разъехались, и она едва не упала, но удержалась за кресло Шпата.

– Поможешь чуток? – попросила она, протягивая руку.

Шпат принял руку, удостоверившись, что между ее кожей и его камнем плотно намотанные бинты. Уперев другую руку, поднял себя из кресла. Комната тесная, а он куда крупнее девушки, поэтому пришлось осторожно маневрировать, чтобы ее не задеть. Будто с нею танцует.

Рука об руку они прошли пару шагов к маленькой раковине. Девушка нашла чашку с водой, стала пить медленными глотками.

– Боги, отпускает. Спасибо.

– До сих пор не знаю твоего имени, – сказал Шпат.

– Кари. Мое имя – Кари.

Кари смотрит с высоты, как он падает. Валится кувырком из-под крыши Морского Привоза навстречу каменному полу. До низа триста футов.

Переворачиваясь в воздухе, он видит все.

Под ним объятые ужасом толпы жителей. Горожане, согнанные в древний храм ради жертв Черным Железным Богам. Простонародье, которое его отец надеялся вдохновить, надеялся возглавить и защитить.

Над ним черный железный колокол. Чудовищное божество, перекованное и стиснутое в звонкую форму.

Под ним город. Сквозь высокие стрельчатые окна Привоза он видит шпили Гвердона лишь на миг, но и мига хватает ему, чтобы узнать свой город. Соборы Победы на вершине Священного Холма, макушка церкви Нищего Праведника, Святой Шторм неподалеку от моря.

Замковый холм, спящий дракон, на спине зубчатый гребень крыш и башен. За бухтой могучие бастионы Мыса Королевы. Новые вышки алхимиков, трубы и охладительные башни. Его город, его Гвердон.

Сей город вечен, так гласит старый напев; и все же городу не миновать конца.

Над ним Кари. Скована заклинанием, обездвижена, не способна до него дотянуться. На миг он осмелился вообразить себе чудо, помилование в последнюю минуту. Представил, что она примет ужасную сделку, предложенную Черными Железными Богами, станет их верховной священницей. Разделит с ними божественность. Она могла бы тогда подхватить его в воздухе, безопасно поставить на землю. Вылечить каменную хворь одной мыслью. Повергнуть алхимиков и торговцев оружием, политиков и жрецов. Расколошматить мир и отстроить заново.

Но нет. Под собой он видит черную, копошащуюся волну веретенщиков, других проводников воли Черных Железных Богов. Мерзкие кляксы, живые лезвия из тени, из одного лишь воплощенного голода и ненависти. От таких существ ничему хорошему не родиться.

Над ним раскинулся купол. Великолепная гробница для простого бандита с улицы.

Под ним...

Падение вечно. Все же падению не миновать конца.

Шпат падал во тьму.

Темнота.

А затем вдали вспыхнул свет.

Глава 7

Вдали вспыхнул свет. Вспыхнул и пропал за темными водами залива.

Пора выдвигаться.

– Веди, – шикнул Раск. Бастон повел их через безмолвные доки, под прикрытием грузовых клетей и швартовочных тумб. Цель совсем близко. Широкий мол, отгороженный от других проволоочной сеткой. Раск разглядел длинное приземистое здание, а за ним палатки и временные хранилища – рабочие цеха Дредгера. Прежде торговец оружием размещал часть своего производства в заливе на острове Сорокопутов, но прошлогоднее вторжение опустошило остров, поэтому теперь все теснилось на этой площадке.

Они подошли к ограде. Ветерок вяло трепал красные флажки, вывешенные в ряд. Красный цвет предупреждал: в цеху обрабатывали крайне летучий флогистон. Вир вздрогнул, увидев предостережение.

Бедный робкий Вир. Ему пора выучиться драться, уметь идти до конца. Усвоить отрицательный отцовский пример – дядя Артоло приехал в Гвердон и по своей слабости все потерял. Раск не наступит на те же грабли. Он покажет Виру, как быть смелым, покажет, как ведут себя истинные сыны Гхирданы.

Он перевел взгляд на Бастона. Местный парень посмурнел лицом, осунулся. Сомневается в успехе? Или что-то еще – Тиск упоминал его печальную предысторию, но свои горести есть вообще у всех. Вцепись покрепче в былое горе – и пойдешь с ним на дно. Пора этим недоносам ожить, почуять в своих душах драконье пламя.

На дальнем конце мола бахнул взрыв. Синяя вспышка полыхнула так ярко, что осветила нависшие над Гвердоном тучи, а фонари алхимиков на секунду поблекли. Работа Тиска – Вир назначил ему самое опасное задание, и тот храбро с ним справился. Взвились сирены и крики. У Дредгера занимаются переработкой и перепродажей алхимических боеприпасов. Пожар в цехах способен окутать Гвердон токсичным облаком или привести к подрыву других веществ – например, флогистонных зарядов. Поэтому все прекращают работать, бросают дела и всем миром борются с крепнущим огнем. Рабочие выбегают с мастерских и складов, подхватывая ведра с водой и баки с противопожарной пеной. Раск смотрел, как каменные люди, нескладные верзилы, оттаскивают повозки с сырьем подальше от зоны воспламенения.

– Ждем, – бормотнул Бастон.

Распахнулась служебная дверь в главном здании. Пламя отразилось от гладкого шлема.

– Вот и Дредгер, – прошептал Бастон. Продавец боевых веществ в броне защитного костюма тяжело протопал в огненный шторм, оставляя без присмотра контору.

А что важнее, Дредгер оставил ангар, где складировался запас илиаэтра. Теперь дело за Карлой – вспороть фляги и вылить илиаэтр в воду – в назидание прочим поставщикам этого вещества.

Вдруг черноту залива озарил багрянец. Второй, более мощный взрыв грохнул неподалеку от первого, обдавая мол горящими обломками. Теперь занялась вся территория, небо осветили красные языки пламени, со вспышками синего, зеленого и едко-фиолетового от горящей алхимии. Похоже, Тиск ошибся с установкой второй мины и поплатился за это жизнью. Ни богу, ни упырю уже не отыскать его останки – силы такого взрыва хватит разметать пепел по всей гавани.

При виде разрушений Вир затрепетал и встревоженно поглядел на небо – ожидал, что ли, увидеть, как над Новым городом пикирует в атаке дракон? Бастон не дрогнул, только глянул на гхирданцев, призывая решать. Врываться или отступать? Отказаться от задачи или кинуться в пламя?

– Вперед! – выкрикнул Раск. Он бросился первым, плечом тараня калитку. Следом Бастон и братец Вир. Воздух загустел от дыма; не предполагалось подпаливать это здание, однако, что ж, нельзя взорвать мол, полный опасного летучего алхимсырья, и рассчитывать, что все пойдет строго по плану. Придется просто ускориться. Бастон завел их в контору Дредгера.

– Вир, к полкам. Бастон, ищи сейф, – скомандовал Раск. Сам он обыскивал письменный стол. На столешнице были разложены части механизмов – алхимические принадлежности или составные Дредгеровой брони, так или иначе бесполезные. Раск выдвинул ящики, нашел бутылку нектара, а также хлам, снова хлам и...

– Ты смотри! Ну, хреновина! – пробормотал он, вынимая установленное под крышкой стола оружие. Громадина выглядела так, будто ее создатель подсознательно вынашивал тягу к самоубийству и постарался смастерить орудие, которое непременно взорвется при пробной стрельбе. Учитывая ее расположение под столом с дулом, направленным на кресло напротив, Раск резко проникся уважением к предпринимательским способностям Дредгера. И порадовался, что избрал показательным примером именно его, а не поджег другого барыгу, а потом уселся бы на это гибельное сиденье вымогать сделку.

Бастон сорвал со стены картину горящего корабля, открывая массивный сейф. Присмотрелся к механизму, кашляя, поскольку комнату начинал заволакивать жгучий дым.

– На это уйдут лишние минуты, босс. – Вир поглядел в окно. – Боюсь, больше, чем у нас есть.

Снаружи ревело и плясало пламя.

Раск поднял убойную громадину:

– Отойдите.

– Спят? – Вир отшатнулся в сторону от дула. Раск швырнул тяжелую пушку родственнику, и тот, ойкнув, ее поймал. Сам же избранник двинулся к сейфу, вынимая драконозубый кинжал. Лезвие прошло через сталь как сквозь сено. Хлопок – пыхнуло облачко серного дыма от оберегающих чар. Дохленькие смертные заклинания не преграда силе дракона.

Дверца поддалась собственному весу и выпала на пол. Раск сгреб тяжелые учетные журналы, папки, полные секретов и тайных контрактов. Маловажной налички тоже от души понабрал.

– Пора, давай...

Необъяснимое ощущение овладело им. Зрение раздвоилось: он смотрел на цеховое подворье с большой высоты, и там, на молу, бушевало пламя, а Карла со своей командой протыкала бочки с илиастром. Она словно танцевала в огне, глаза сверкали за защитными стеклами. Он видел, как под причал стекает пенная жижа, насыщенная алхимотходами. И было ощущение, будто у него под черепом есть пустые полости и по ним снуют быстрые прожорливые тени – прямо внутри него самого. Упыри. Упыри приближаются.

Раск знал это наверняка, как знал бы о камешке, попавшем в ботинок, или затылком бы чувствовал солнце. Но каким образом? Откуда пришло это знание? Он покачнулся, придерживаясь за стену. Чувствовался жар огня по ту сторону стены, за домом. В таком дыму все труднее дышать. Вот оно в чем дело – от недостатка хорошего воздуха сознание сыграло с ним шутку. Его предки, когда летали на спине Прадедушки до изобретения дыхательных масок, тоже мучились фантомами в разреженном воздухе.

Вот в чем дело.

– Тебе не худо? – спросил Вир, разглядывая его лицо. Раск ухмыльнулся и попытался заговорить, но его окатила новая волна головокружения – другое здание, огромный каменный коридор, запах горелой бумаги, неистовый звон далекого колокола. Взор опять раздвоился. На Бастона падали тени, а Вир при свете пожара казался пораженным болезнью, на его лице гнилая упырья плоть. Упыри. Упыри в туннелях. Откуда же он об этом узнал?

Раск схватил дыхательную маску, прижал к носу и рту. Наверняка дело в этих испарениях. Он открыл окно и бросил журналы с документами в огонь на дворе.

– Уходим! – приказал он. – Живо, погнались!

Снаружи Раск оглянулся на полыхающие цеха. С этого расстояния он различил фигуру Дредгера, черневшую на фоне огненной геенны. Торговец оружием уже не руководил спасением своего двора. Он просто стоял, глядя в пламя, пока пожар пожирал дело всей его жизни. Барыга дураком не был: догадывался ли он про причастность Гхирданы к своему разорению?

Раск почтил поверженного врага уважительным кивком. Увы, но Раск побеждает всегда.

Вдалеке послышался свист. Городской дозор спешил на происшествие.

Трое воров побежали мимо доков. Впереди них над гаванью возвышалась неземная твердыня – Новый город. Этой ночью, по мнению Раска, он выглядел иначе, вроде бы ярче. Но между ними и Новым городом еще тянулась длинная темная полоса старого Гвердона, водораздел из подворотен и многоэтажек. Как только они ступят в Новый город, сразу окажутся в Лириксианской Оккупационной Зоне. Там у стражи не будет полномочий их трогать.

Из темноты и клубящегося пепла проступили встречные силуэты. Не упыри – это команда Карлы. В основном здешние, гвердонцы, но есть и пара лириксиан, прикрепленных Раском для нужной численности. Все они кряхтели под грузом награбленного алхиморужия – ящиков с патронами, баллонов с дымолезвиями, линз жгучего света.

Карла стянула маску и попыталась заговорить, давась в смрадном чаду. Ее лицо блестело от жара, зеленые глаза окаймляли красные прожилки.

– Бежим! – выкрикнула она. – Сюда!

Нет. Упыри уже вышли из канализации. Этот путь перекрыт. Так им не выбраться. Раск знал об этом с неумолимой ясностью.

Он повернулся к Бастону:

– Далеко от нас Ишмирская зона?

– Через три улицы, наверху Райской Кишки, – ответил Бастон, – но зачем...

– Мы не выйдем в Новый город намеченным маршрутом. Там упыри.

Вир пробормотал проклятие.

– Как... – начал вопрос Бастон, потом мотнул головой и сменил первоначальную фразу: – Барахло можно занывать у Тарсона.

– Тогда, будь добр, проводи нас, – распорядился Раск. – А вы, ребята, готовьтесь стать законопослушными гражданами, как только пересечем границу. Вир, тебя мы, наверно, принесем в жертву ишмирским богам – на всякий случай, ради нашей сохранности.

Они ринулись по крутым ступеням Райской Кишки. По бокам подъема просыпались многоэтажки, беспокойный сон жителей потревожила суматоха у Дредгера. Народ выглядывал из окон, недоумевая, какой еще новый ужас пожаловал в Гвердон.

Наверху лестницы начиналась Ишмирская Оккупационная Зона. В конце Райской Кишки стояли два звероголовых истукана – Саммет и Жестокий Урид. Даже издали Раск уловил в обоих идолах божественное присутствие. Позади идолов узкие гвердонские улочки впадали в зачарованную область. Лиловый туман с ароматом курительниц змеился вдоль храмовых оград. В небе парило святилище Дымного Искусника, его поддерживали иллюзорные колонны. Подле бывшей церкви Хранителей щупальца баламутили воду – нынче здесь храм Кракена. Несмотря на поздний час, верные поклонники Матери Облаков собрались на рыночной площади читать знамения в облаках, подсвеченных пожаром в порту.

Как отпрыску Гхирданы Раску не разрешалось входить в Ишмирскую Оккупационную Зону. Обратное действовало и для Лириксианской Зоны в Новом городе. Если какой чокнутый ишмирский жрец незвано заявится на территорию Гхирданы, то расплатится жизнью. А заодно

и душой – ни тебе похоронных обрядов, ни последнего подношения богам. В драконьем пламени сгорят все улики.

Упырям пересекать границы тоже не позволялось.

– Сюда, – шикнула Карла. Она повела их к дому в сторонке от Райской Кишки, скромно стоящему в трех шагах от границы. Через заваленную рухлядью прихожую, вверх по новой лестнице, почти до самой крыши. Вдоль узкого коридора со стенами в рисунках и воровских пометках – в смежное здание. Отсюда они прошли через чердак, спустились по очередным ступенькам, затем по канатной дорожке, натянутой над переулком, – воспользовались дюжиной секретных путей. Для гвердонского вора граница – пористая губка.

Карла свела их вниз по еще одной лестнице и остановилась у нужных дверей. Прodelала рукой ряд любопытных жестов. Звякнула цепочка, дверь открылась, и воры оказались внутри – дюжина груженных добром громил в коридорчике небольшой квартиры.

У Карлы и Бастона, как заправских волшебников, все «палево» мигом исчезло по тайникам. Буфет с фальшивой задней стенкой проглотил краденые алхимвещества и конторские книги. Прокопченные плащи и противогазы рассовали в мешки на будущее. Огнестрел увязали в сверток и засунули в дымоход. Раск неохотно расставался с громобойкой. Бахнуть бы и впрямь из этой штуки. Драконий зуб он, естественно, оставил, и никто не сказал слова против.

Карла передала по кругу мокрую тряпку, утереть пепел с лиц. Ее брат Бастон пустил по рукам фляжку с бренди. Потом здоровенный моряк с резаной рожей выпроводил их обратно за дверь, и налетчики отбыли по незапланированному маршруту, углубляясь дальше в Мойку, в пределы ИОЗ.

Родственничек Вир таращился на храмы ишмирских богов.

– Надо скорее добраться до нашей зоны. Валишь отсюда. – Сила присутствия богов в этих храмах – во всех, кроме одного, – осязалась, как жар от духовки.

– На улицах еще торчат упыри, – заметил Бастон.

– Под ними тоже, – добавила Карла, с опаской глядя на канализационный люк у обочины.

Раск отдышался. Воздух ИОЗ пах благовониями с озоновым привкусом волшебства, зато голова перестала кружиться. Странный приступ, охвативший его у Дредгера, прошел. Больше никаких необъяснимых наитий. Что бы ни коснулось его в порту, сюда оно не доставало.

– Переждем пару часиков. – Раск хлопнул Бастона по спине: – По воле богов драконы палят как грешников, так и честный люд, без разбору. – Старая лириксийская поговорка, означавшая «судьба есть судьба, приходится принимать то, что нам выпало». – Подыщи нам какое-нибудь сугубо мирское местечко, лады?

Этот ресторан, как шепнул Бастон, прежде был частью театра. Они зашли через черный ход. Вислоусый старик поприветствовал Бастона точно своего запропавшего племянника и скрытно переправил шайку в отдельную комнату наверху. Через приоткрытую дверь Раск выглянул в барный зал. Стены бара были темно-багровыми, закопченными дымом. На обитом потолке резной орнамент, рисунок терялся в полумраке. Здешние посетители – ишмирцы. Солдаты в расстегнутых мундирах, жрецы в ниспадающих мантиях грудились вокруг кальянов. Жрецы накуривались, чтобы обрести богов, а солдаты, догадываясь Раск, чтобы отгородиться от воспоминаний о них. Последние полгода война складывалась не в пользу Ишмиры.

Раск присоединился к остальным на верхнем этаже. В их комнате тоже роскошно, хотя затхловатый запах говорил о том, что ей не пользовались несколько месяцев. Раск погрузился в гостеприимные объятия пухлого кожаного кресла; вокруг расселась его банда. Бастон и Карла устроились на диване, их люди примостились на подлокотниках и подтащили стулья. Старик вернулся с выпивкой на подносе. Бренди и химический джин для местных, бутылка аракса для лириксиян. Воры посмеивались, перешучивались, травили байки о пережитых опасностях и

алхимических тварях. Отношения между группировками налаживались. «Скоро они примут пепел», – подумал Раск.

Лишь двоюродный братец Вир оставался стоять в стороне, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

– Присядь, – велел Раск.

– Надо скорей уходить в Новый город.

– Вир, доверься мне. Засядем пока тут, немножко выпьем, обождем, когда стихнет шум.

– Мы в Ишмирской Оккупационной Зоне. Это безумие. Ты накличешь...

Раск вынул нож и наставил на родича.

Смех оборвался.

– Присядь, – повторно приказал он.

Этот кинжал – знак положения Раска среди семей Гхирданы, его признания Прадедушкой. Виру пришлось уступить. Он сел.

Чтобы развеять напряжение, Раск грохнул кинжалом об стол и раскрутил его плашмя. Драконозубое лезвие, проворачиваясь, указало на Бастона.

– С тебя тост, мой новый друг, – сказал Раск.

Бастон замялся, но вмешалась Карла.

– За Тиска, – произнесла она. Опрокинула в себя остатки бренди, затем наполнила стакан араксом. Достала зажигалку и подпалила напиток. Подняла горящий бокал, и пламя отразилось в ее зеленых глазах.

Раск взял зажигалку.

Тиск, дошло до него, стал первым погибшим под его началом. Тому, кто носит кинжал, не пристало носить тяжести, ни к чему лишний груз. Все сожаления – выжечь.

Раск поджег свое питье. Подходящие поминки по злосчастному Тиску.

– За Тиска.

Новые бутылки аракса. Теперь его пили и гвердонские бандиты, гримасничали от деручего, с оттенком золы, напитка. Как пепельницу облизать, заметила Карла. Вир рассказал, как в прошлом аракс делали из иссохших ягод лириксианских виноградников после того, как их опаляло разбойное драконье пламя. Ныне фермеры сами поджигают лозы каждый сезон, а потом перегоняют и продают Гхирдане. Хороший аракс недешев.

– Надо говорить Мойка, – негромко посоветовал Виру Бастон, – а не Ишмирская Зона.

– Называй как хочешь, – ответил Вир. – Того факта, что мы окружены врагами, это не изменит.

– Мы окружены друзьями, Вир, – поправил Раск. – Но надо признать, что наши друзья сами сейчас в окружении врагов.

– Зачем... – Бастон кашлянул, прочищая глотку от копоты. – Зачем было разорять Дредгера? Он всегда исправно засылал долю Братству.

– О да, пресловутой воровской гильдии Гвердона!

– Никакой не гильдии, – отрубил Бастон. – В том-то и дело, что мы дрались против гильдий и отнимали у них добро, так же как вы.

– Значит, у вас было Братство революционеров? Поклявшихся свергнуть продажных политиков и бесчестных хозяев гильдий?

– Таким оно и было, – заявил Бастон.

Раск ухмыльнулся:

– Убить смертных дракону проще простого. Но дракон прозревает грядущее.

– Дредгера знают все, – добавил Вир. – Это послание все примут к сведению.

Он цедил аракс, перебросив ногу через подлокотник кресла.

– Илиастр! Следующим по списку – «Крэддок и сыновья». Господин Крэддок проявит благоразумие или недосчитается сыновей, и я не предвижу здесь затруднений.

– Я знаю, как у Крэддока все обустроено, – сказал Бастон, подвигаясь ближе. – Захаживал туда с прежним мастером Братства. – Деловые вопросы подводили к нужному разговору. – Когда?

– Крэддока – через несколько дней. Но я мечу выше. Обмозгуй, пожалуйста, тему про других поставщиков илиаистра.

– Около трети из них получают груз морем, – сказал Бастон. – Держат конторы у порта. Остальные возят по рельсам или караванами. Эти работают в основном на Маревых Подворьях. На дальнем конце города. – Он снова выпрямился на диване. – Теперь, когда город нарезан на оккупационные зоны, до них, считай, не добраться.

– Вот он, неоценимый взгляд изнутри, – рассмеялся Раск. – Видишь, Вир, как уже полезны наши новые друзья!

Вира, казалось, одолела дурнота, его аракс едва убавлялся.

– Не стоило б здесь обсуждать дела.

– Но мы их тем не менее уже обсуждаем. Бастон, если я захочу врезать противнику на Маревых Подворьях, так же как Дредгеру, как бы мне это сделать?

Бастон прикинул объемы задачи.

– Не зная подробностей... В целом тебе понадобится намного больше людей, чем сегодня. И надо будет доставить их туда через весь Гвердон, так, чтобы не попасть под облаву. Пожалуй, можно по туннелям. Пройти по штольням.

– А разве там не хозяйничают упыри?

– Хозяйничают. Придется договариваться.

– С Крысом? – спросил Раск, вернее – попытался спросить, так как стоило произнести это имя, как мир вокруг него словно бы зашатался. Ненадолго комната превратилась из частного зальчика при ресторане в какую-то квартиру на Мойке. Исчезли все, то есть почти – остались только Бастон и Карла, и те тоже преобразились. Бастон сгорбился, приобрел упырий вид, лицо вытянулось в волчью морду. Карла сменилась другой женщиной, пониже и потоньше, с мальчишескими чертами лица и темными волосами. Ее пальцы теребили цепочку на шее. Раск хотел заговорить, но горло перехватило, будто он проглотил камень.

Это видение длилось всего ничего, но, когда резко вернулась реальность, оказалось, что разговор ушел дальше и Раск потерял его нить. Они спорили о какой-то банде с Пяти Ножей. Карла посмотрела на Раска, очевидно ожидая ответа на свой вопрос. Он прикрылся кашлем.

– Вообще-то мой кузен прав. Сегодня о делах больше не стоит.

Над столом нависла неловкая тишина. Бастон и Карла переглянулись, просигналив друг другу без слов. Вир потянулся и понюхал горлышко пустой бутылки из-под аракса.

– Скажу за старого Дредгера, – проговорил один вор, прерывая молчание, – что он с каменными людьми обходился по-человечески. Мой родственник подхватил заразу и проработал у него в цехах десять лет, пока не отъехал на остров.

– Слыхал я, что Дредгер сам с этой хворью, – высказался другой, – поэтому-то и ходит вечно в своих доспехах.

– Нет у него хвори, – не раздумывая бросил Раск. Откуда, блин, ему-то об этом знать? Адреналин выветрился. Аракс тяжело булькал в брюхе – и заодно шарахнул по голове, пропуская стадию веселья ради того, чтобы сразу застучать болью в висках. Гхирданец выдвинулся из-за стола, бросая гвалт людной комнаты ради тихой лестницы.

На лестничной площадке желтели наклеенные афиши давно сгинувшего театра. «Дети подвалов». «Трагедия Гетис». «Барсук и соловушка». Последнюю поперек перечеркивал штамп: ЗАКРЫТО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ПАРЛАМЕНТА. ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ВОСПРЕЩЕНЫ. УГРОЗА ЗАРАЖЕНИЯ. Он разглядывал плакаты в свете, как сперва показалось, луны в высоком окне, но после осознал, что это не луна, а ночное сияние Нового города. Волшебные лучи подсвечивали полночную темноту.

По не совсем понятной причине его потянуло отсалютовать этому сиянию бокалом.

– Моя мама. – Голос Карлы.

Он повернулся. Карла пошла за ним следом и сейчас стояла напротив одной афиши. Она постучала ноготком по плакату. На нем изображалось женское лицо, и теперь Раск разглядел сходство.

– Она играла соловушку.

– А-а. – При упоминании о матери Карлы ему снова сделалось нехорошо. Стоя наверху лестницы, он покачнулся. Перед взором открылась картина бьющегося стакана, зашумела истошная перебранка, мужчина и женщина орали друг на друга. Это была будто память, однако на самом деле нет. Он понятия не имел, откуда взялись эти образы.

– С тобой все хорошо?

– Немножко продышаться хочу, – сказал он. – В этом городе душно. Сколько тут труб, да фабрики выкидывают в небо отраву.

– Со временем привыкнешь.

Он сел на верхнюю ступеньку, стараясь больше не выказывать слабости. Прадедущка будет недоволен.

– Она еще играет, твоя мать?

Карла присела рядом. Дома, на островах, было бы неслыханной дерзостью кому-то вроде нее усесться возле наследника Гхирданы. Такое невольное нахальство и правда забавно.

– Профессионально – уже нет. После того как повстречалась с отцом. Она меня учила актерству. Может, в другой жизни я тоже была бы наклеена на стене. Но я – папина дочка.

– Папа был из воров?

– Он был в команде Хейнрейла с самого начала. С ним вместе поднялся. – Она подняла фужер в безмолвном тосте и сделала глоток.

– Тиск сказал, что твой брат на Хейнрейла тоже работал.

– Охранял. В драке Бастону равных нет.

Раск рассмеялся. Эти гвердонские бандюки такая захолюстная темнота!

– Seriously? Простой смертный забарывает вепря-оборотня или встает против Ночной Тени! Невиданное было бы зрелище!

– Я бы поставила на него, – тихо произнесла Карла.

Раск с малых лет был приучен превосходить остальных, чтобы выделиться перед Прадедущкой. Бастон крупнее его, несомненно сильнее – но Раск был уверен, что сумеет одолеть в поединке громилу из Братства. Он побеждает всегда.

– А ты? Каково твое место в Братстве?

Она улыбнулась:

– Я руки не пачкаю.

– Тиск рассказал, что ваш отец погиб. В этой войне?

– До нее. В Кризис. Он сошел в склепы на Могильном холме, и больше мы его не видели. Его заполучили упыри. – Она глотнула аракса, безуспешно пытаясь скрыть угрюмую гримасу. – А твои родители?

– Мать, само собой, жива-здоровая...

– Само собой?

– На островах Гхирданы дочерей дракона считают принцессами и относятся к ним соответственно. Они редко покидают семейные владения.

Карла усмехнулась:

– Как-то скучновато. А отец?

– Его повесили. – Слова вырвались из уст Раска, но это были не его слова. Он выхватил у Карлы ее аракс, прополоскал рот, проглотил, давясь пеплом. – Ух-х! Нет же. С чего я так ска-

зал? Нет, отец жив, но совсем ослабел. Чересчур много ран, больше он не летает. Как говорят у нас – сломанный нож. А, не важно.

– С тобой точно все хорошо?

– Дыхнул испарений, наверно.

Она поднялась.

– Пойдем обратно.

– Через минуту приду.

Плавной походкой она вернулась в комнату. Надо бы тоже идти, но на секунду он будто бы прирос к каменным ступеням. Уединиться тоже приятно – он привык проводить дни напролет пристегнутым к Прадедушкиной спине, в обществе одного лишь дракона да собственных мыслей. Недолгое затишье как бальзам, и он медленно допивал аракс.

Было слышно, как внизу, в баре, ишмирцы выпевают знакомый траурный гимн, этот напев звучал в Гвердоне не единожды на дню. В нем говорилось о смерти их богини войны, поверженной низким коварством. Гибель Пеш являлась бóльшим, чем поражением Праведного Царства. Она пробила дыру в их душах, в их понимании боя и способности воевать. Империя терпела крах – и в образовавшемся хаосе благоденствовала Гхирдана.

Отворилась дверь у подножия лестницы. К отзвукам песнопений примешались отзвуки ругани.

– Кто там лакает этот вонючий аракс? Кого ты сюда притащил? – Ишмирский солдат прижал к стене официанта, на трясущемся подносе клацали увесистые бутылки.

– Никто, – оправдывался половой. – Несу в кладовку.

– Кракен побери твой лживый язык, – пьяно разорвался солдат. Он ухватился за бутылку, замахнулся ей, как дубиной. Здоровый детина, плечи оплетены мускулами. Откованный Божьей войной убийца. Такой вышибет мозги официанту бутылкой и не почешется.

Официанта, неожиданно вспомнил Раск, зовут Пульчар.

Еще один бывший член Братства. Он прожил в Мойке всю жизнь, наблюдая, как вокруг меняется город. В мозгу замелькали воспоминания. Пульчар подает ему выпить, крича на тех посетителей, кто отказывается сидеть в одном баре с каменным человеком. Пульчар во время вторжения укрывается здесь, на лестнице, а бар наполняется водой, и снаружи по улице проплывают чудовищные кракены.

Это вспоминает не Раск. С ним такого не было. Прежде он в глаза не видел Пульчара. Воспоминания идут из того же источника, что и видение, предупредившее об упырях. Но пока речь не об этом. Пульчар не заслуживает того, что с ним сейчас сделают.

А солдат, принял решение Раск, заслуживает.

Раск перепрыгнул через перила.

Доля секунды в воздухе подарила свободу, будто снова в полете. На миг он полностью обрел себя.

И приземлился точнехонько на ишмирца. Солдат скомкался под ударом, треснули ребра. Раск как следует ухватил урода за волосы и саданул его башкой о ступеньку – ишмирец обмяк.

Официант глазел в ужасе. Раск и не замечал старика. Разум его унесся отсюда. В воспоминании о том, как Пульчар прятался на лестнице, и в видении на площадке у Дредгера оба раза все происходило будто бы вдали, словно он глядел вниз с какой-то обзорной точки наверху Нового города. Он достаточно часто озирает город со спины Прадедушки, чтобы представлять себе углы и перспективы. Что-то дотронулось до его сознания. Что-то неестественное.

Что-то связанное с Новым городом.

– Бастон! Вир! – позвал Раск. На лестнице показались недоуменные лица. – Уходим.

Он присел к напуганному официанту:

– Запомни! Нас тут никогда не было, ясно? – Раск вложил Пульчару в руку кошелек с золотом. – Возьми, за выпивку. И за постой. И за ущерб от пожара.

– Какой ущерб от пожара? – безвольно пролепетал Пульчар.

В отличие от солдата, бутылка с араком осталась цела.

Раск оторвал лоскут от Пульчарова фартука, воткнул в горлышко бутылки. Гвердонские воры славно потрудились сегодня, мелькнула мысль, справедливо будет дополнительно возместить им старания.

– Мы пройдем через главный вход, – объявил Раск.

– В баре полно ишмирских вояк, – предупредил Вир.

– Дракон гуляет где пожелает.

Подожженная бутылка аракса по зрелищности не дотягивала до громобойки и вполувину, но все равно великолепно сгодились для затравки скорой и кровавой стычки, когда воры налетели на бар, расшвыривая солдат Праведного Царства.

К радости Раска, Бастон живо вписался в драку. Бился он с жестокой целесообразностью, двигаясь по бару как не знающий жалости механизм. Оружием ему служила ножка стола, снова и снова она опускалась на головы ишмирских военных. Впустую не прошло ни взмаха.

– Пора уходить, – прокричала Карла. От пореза на щеке по лицу бежала кровь, но девушка широко улыбалась. Раск похлопал ее по спине:

– Выводи нас!

Девушка схватила его за руку, сплетая пальцы. Воры высыпали на улицу, гхирданцы и гвердонцы плечом к плечу, и на темных аллеях скрылись с глаз этого города и множества его зорких богов.

Глава 8

Проснулась Карильон на заре. Сквозь завесу ноющей боли слышался плеск волн о корабельный остов. И отдаленный грубый голос капитана Хоуза. Сперва подумалось, что она видит морского монаха – Бифоса – на пороге каюты, но это, должно быть, было во сне. Она опять видит сон...

Проснулась в стылой панике – не понимая, где она? Рванулась за кинжалом – пришла неожиданная, незнакомая боль, откуда на теле раны? – и разумом потянулась к Шпату. Она же Святая Карательница, в Гвердоне у нее тысяча врагов. Только бы не подвести своего сторожа. «Шпат? Кто там? Покажи», – мысленно попросила она, уже падая с койки. Грохнулась на доски тесной каюты. Вывалилась за дверь, в черноту. В еще один сон наяву.

Часами позже, во мраке ночи, она проснулась опять. Во рту горький лекарственный привкус, на губах отек. Кто-то – Хоуз? – накрыл ее одеялом, уже пропитанным потом. Она с трудом откинула одеяло, конечности отяжелели, не слушались. Поглядела за дверь – в вышине полно странных звезд и никакого смога, обычно застилавшего небеса над Гвердоном. «Я в Ильбарине. Я должна попасть в Кхебеш». На полу к постели приткнулся ранец, она подцепила его, пытаясь поднять, но на это не хватило сил. С чертовой книжкой не справиться. Кари повалилась обратно в постель. Спать. Выздоровливать.

Она проснулась в заботливых руках Хоуза – дородный капитан утирал ей лоб прохладной тряпицей.

– Почивай, – сказал он. – Повелитель Вод на руках понесет тебя. – Почему-то, исходя от него, эти слова навевали спокойствие. Он оставил у койки тарелку с жареной рыбой и фляжку воды. Она прихлебнула воды и съела столько рыбы, сколько влезло. Желудок скрутило, и она скрутилась на постели сама, уткнувшись в койку лицом, словно это помогло бы удержать пищу внутри. И снова провалилась в сон.

Наполовину проснувшись, она пустилась в странствие по своим сбивчивым воспоминаниям. Так тяжело она не болела несколько лет, с поры возвращения в Гвердон, когда ее, дрожащую в лихорадке, Крыс подобрал в переулке и отвел к Шпату. «Как близко к смерти я должна оказаться, чтобы позвать на помощь?» – задумалась она. Она села, немного отпила, потом легла обратно и расслабилась, слушая прибрежный птичий гвалт. Занятная мешанина криков – чаек и других морских птиц, а вместе с ними и островных видов – эти каркают угрозы покусившемуся на их угодыя морю. Под такой скрежет не очень-то отдохнешь, но она все равно вскоре заснула.

Когда она снова проснулась, с ней на койке сидел мужчина.

– Здравствуй, Кари.

Дол Мартайн.

Она отпрянула, попыталась отползти от Мартайна, как будто от скорпиона. Снова вжалась в стену, потянулась за ножом, которого не было. Это образ ее кошмаров, тень из прошлого. Не убежать. Ноги по-прежнему какие-то бескостные.

– Вот уж не думал снова с тобой повидаться, – проговорил Дол Мартайн. Долговязый, весь поджарый, с узкими ладонями. Бритая голова, тонкая черная борода. Рубашка со стоячим воротником, похоже, прикрывала его любимую защитную жилетку из кожи, настолько

выдубленной алхимическими настоями, что остановит пулю. – Девчушка Кари, совсем большая. – Он пробежался по ней плотоядным взглядом. – Что ты тут делаешь, Кари?

Она хотела заговорить, но горло заложило страхом. Она отваживала куда худших созданий, чем Дол Мартайн, сражалась с ползущими, веретенщиками и бешеными святыми, порешила целую богиню, но то было, пока с ней пребывала сила. А Мартайн – ужас иного порядка. Ублюдок годами изводил ее на «Розе», забавлялся, как кот играет с мышью. Адро – и, по обыкновению, Хоуз – кое-как ее защищали, но «Роза» – судно небольшое, и с Мартайном приходилось пересекаться. Он научил ее прятаться и двигаться скрытно. И ненавидеть.

– Ну-ка посмотрим. – Он взялся за ее ранец. Кари инстинктивно попыталась вырвать свое добро, но он был сильнее и проворнее. Пошарил в содержимом. – Да у нее есть денюжки, – проворковал он, просыпая сквозь пальцы монеты из ранца. – Ну, я-то об этом догадывался сразу, когда она к нам прибилась. Наглая мелкая беглянка. А это еще что?

Он разорвал подкладку ранца и вытянул оттуда короткоствольный пистолетик, а также несколько хайтианских верительных писем. Все это в Гвердоне дала ей кузина Эладора. На всякий нередвиденный случай в пути, вдруг она столкнется с трудностями, от которых не сможет сбежать. Пистолет он прикаrmанил. Раскидал по постели хайтианские письма.

– Ты кто такая? – спросил он с ноткой удивления, даже почтения в голосе. – Шпионка? Служишь Хайту?

– Украла я их, идиот, – соврала она. Книгу он пока не вытаскивал. Как это он ее пропустил? Она ж огромная, толстая, очевидно ценная. Почему он не задает вопросов о гримуаре Рамигос?

Потому, с внезапным ужасом осознала Кари, что книги там нет.

Ее уже вытащили из сумки.

Вокруг потемнело – это Хоуз появился в дверях. Мартайн наскоро сложил рекомендательные письма и сунул за пазуху. Капитан принес две дымящиеся чашки чая, одну передал Мартайну.

– Ну что? – громыхнул он.

Кари старалась не паниковать. Хоуз ее выхаживал. И всегда защищал ее от Дола Мартайна. Всегда был надежным другом – «пока ты не сбежала», напомнила она себе. Но и с Мартайном он тоже дружил. И нуждался в Мартайне куда сильнее, чем в Кари. Прежде Мартайн был правой рукой капитана, его советчиком и кнутом. Адро было не занимать силы мышц, но, когда требовалось решать вопросы, на море или на берегу, капитан полагался на Мартайна. Она вспоминала, как Мартайн возвращался на корабль с окровавленными руками, как ей приходилось помогать выбрасывать за борт трупы в мешках. «Роза» крутилась на кромке Божьей войны, выживала за счет контрабанды; опасная, грязная работа, и Мартайн справлялся с самой крутой ее частью.

Кари проглотила подкатившую к горлу желчь и сидела совершенно молча, пока двое мужчин говорили о ней.

– Есть закавыка, капитан, – сказал Мартайн. – Гхирдана ищет девушку, только что прибывшую на Ильбарин. Темноволосую, как наша Кари. Скрытную, как наша Кари. Со шрамами на мордашке. – Мартайн потянулся и провел большим пальцем по щеке Кари. – А наша Кари обзавелась шрамами, с тех пор как оставила нас. Не сказано, что их разыскиваемая, при всем при этом, высокомерная и подловатая, но, положим, так оно и есть...

– Награду обещали? – спросил Хоуз, потягивая чаек.

– Выезд с Утеса. Большого и не надо. Каждый бедолага на Ильбарине ринется и так ее искать.

Хоуз закричал, усаживаясь на лежанку напротив.

– Кари, почему тебя разыскивает Гхирдана?

Кари, как могла, отодвинулась от Мартайна.

– В Гвердоне случалось всякое. – Оба мужчины недоуменно нахмурились. – Слушайте, до вас обоих за эти два года доходили новости про Гвердон?

Голос Мартайна обрадовал своей неуверенностью:

– Вторглись ишмирцы. Вроде Гвердон применил какое-то алхимическое оружие по их Царице Львов. Я слышал, ее убили.

– Не может быть, – хрипло возразил Хоуз. – Боги не умирают.

Мартайн закатил глаза:

– Ишмира подписала мирный договор, подкрепленный Хайтом и Лириксом. Все три стороны частично оккупировали Гвердон и условились не воевать в самом городе.

– И в Гвердоне снова король, – добавил Хоуз. – Какой-то бог его избрал, кажется.

– Ну так чего? – медленно начал Мартайн. – Что-нибудь из этого имеет к тебе отношение?

Кари подмывало похвастаться убийством Царицы Львов, показать, где она, а где место этих олухов, но вместо этого она осторожно выбирала слова. Не хотелось выдавать им слишком много.

– Я гоняла с Братством – гвердонской гильдией воров, слышали? Мы вышибли гхирданцев из Гвердона. Порешили кучу народу. Видать, поэтому-то они меня и ищут.

Мартайн наклонился к ней:

– Но ведь гхирданцы снова в Гвердоне. По мирному договору их пустили обратно.

– Ага. Поэтому я тут, а не там.

– Почему тут?

– Мне нужно попасть в Кхебеш.

– Кхебеш запечатал врата. Никто не пройдет за Призрачные стены. – Мартайн выпрямил спину. – Ты брешешь.

– Веришь или нет, мне пофиг. Слушайте, мне всего-то нужно уплыть с Ильбарина. Я не хочу никому доставлять неудобств, не ищу расплаты и все такое. Не рассказывай гхирданцам, что видел меня, Дол, и заberi себе деньги.

– Деньги-то я заберу. – Дол Мартайн засмеялся. – А насчет гхирданцев... капитан уже сказал мне, что ты здесь.

Вот срань.

Мартайн вступил в Эшдану. Надо было догадаться, что он примет пепел.

Карильон бросилась на Мартайна, выцарапывая свой пистолетик, но ее руки были как склизкие водоросли против твердой скалы его плеча. Запястье опять пронзила боль. Горячий чай пролился Мартайну на ногу, заставив дернуться, но Кари, совсем разбитая, этой возможностью не воспользовалась. Он прижал ее к койке, приставил к голове пистолет.

– Я знаю босса, Кари! У него на тебя лютая ненависть – такого из-за дел не бывает! – шипел он ей на ухо. – Почему Артоло так отчаянно хочет тебя достать?

– Дол. – Капитан не насупил брови, не двинулся с места, но одно его слово рухнуло, подобно железной балке. Мартайн извернулся, оборачиваясь, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Мы должны все узнать! Должны узнать, чем она ему так важна!

– Дол. Не надо так. Слезь с нее.

Мартайн зарычал, но подчинился приказу капитана, разжав хватку. Потом встал, снова сунул ее пистолет в карман, расправил рубашку. И быстро попятился к выходу, не сводя с Кари глаз. Кулаки его то и дело сжимались, торс отклонялся, подстраиваясь под тесноту каюты.

– Не отпускай ее, – обронил он Хоузу у порога, – пока не вернусь. Никому ни слова – а если придут ребята Артоло, утопи ее, как я советовал.

– Дол, – тем же свинцовым тоном произнес капитан. – *Он* ничего не забыл.

– Умер твой бог, капитан, – сплюнул Дол Мартайн и был таков. Кари услышала, как он съезжает с борта «Розы», с сырым шлепком приземляется в ил.

– Ты еще очень слабая, – сказал Хоуз. Он выплеснул остатки чая, потом встал, кряхтя под скрип старых костей. – Принесу тебе еще еды.

– Ты, мать твою, настучал про меня Гхирдане?

Хоуз раздражительно буркнул:

– Я тебя подобрал на берегу, а этим утром появились гхирданцы, пришли по твоим следам. Если б они тебя поймали, ты сейчас сидела бы в их крепости в Ушкете, а мне за то, что я тебя приютил, перерезали б глотку. Так что верно, я ходил к Мартайну. Он принял пепел после того, как «Розу» вытащили на берег. Он может убедить их здесь не искать.

– Ты имеешь в виду, не даст меня забрать никому другому. Сдаст меня сам.

– Если до этого дойдет. Но ему не так-то легко нарушить данное мне обещание.

Кари бессильно злобилась. Кружилась голова.

– Обнадежил, нечего сказать.

– Со мной моя вера. Я тебе обязательно все покажу, когда окрепнешь.

– Хоуз, а моя книга? Где она, Дол ее взял?

Хоуз опять тяжело опустился на койку.

– Утром я беседовал с Бифосом.

Секунду она соображала, о чем он: об этих монахах, выходящих из океана.

– Я многого насчет тебя не понимаю, Кари. Но книга твоя в безопасности. Я спрятал ее от Мартайна. И ты в безопасности здесь и сейчас. Клянусь в этом Повелителем Вод.

К вечеру следующего дня Кари смогла немного пройтись. Левый бок посинел от ушибов, спасибо доброй богине горы. Она дотащилась до палубы, сама теперь как старуха, как Шпат в неудачные дни. Ребра, по ощущениям, стеклянные: хрупкие, трещат, осколки вминаются в плоть, но сил немного прибавилось.

Она немного проковыляла, держась за поручни, и взглянула на берег, шурясь поверх бинтов на разодранном лице. В гаснущем свете Утес нависал над ней черной пустотой, закрасившей звезды к югу, хотя на дальней стороне острова тлело угрюмое зарево, лучи неопознанного цвета восходили потоком от развалин, должно быть, Ильбарина. На ум пришла недавняя Храмовая Четверть, Ишмирская Оккупационная Зона в Гвердоне.

Справа виднелись огоньки жилищ Ушкета. И другие огни – костры лагерей и ферм на склонах выше улиц. Бухту, место ее высадки, освещали прожекторы, и в разрывах рядов построек на горизонте удавалось рассмотреть отдельные части крепости, стоящей на том конце городка, – здесь башню, там бастион. Будто огромный зверь затаился в подлеске, выслеживает ее, ждет, когда она покажется из норы. А на берегу, между «Розой» и Ушкетом, она разглядела несколько тощих фигур, что бродили туда-сюда по илистому полю, ковырялись в водорослях и разном мусоре.

Искали ее.

Ради права выехать с острова. Хоуз рассказал, что после прибытия, после затопления города Ильбарина, гхирданцы первым делом взяли под контроль все пути отплытия с острова. Драконы крушили все не принадлежавшие Гхирдане корабли. В основном сжигали, а некоторые, как «Розу», вытаскивали гнить на песке. В городе Ильбарине погибли десятки тысяч жителей, однако другие десятки тысяч спаслись. Временно – остров умирал, она, как упырь, чувала это в воздухе. Не хватало еды, не хватало питьевой воды. Фермы на склонах Утеса с виду не слишком-то урожайны, и она не представляла, откуда Хоуз берет рыбу ей на пропитание, потому как не видела никакой другой рыбы, кроме кучами разлагавшейся у воды падали. Море тоже изгадили в битве Кракена с Повелителем Вод. Она отчаянно стремилась уплыть с этой скалы, но того же хотели и все остальные.

А Дол Мартайн? Хоуз утверждает, что бывшему соратнику по команде доверять можно, что Мартайн не нарушит данное капитану слово, – но Кари необходимо понять причину такой уверенности. Она покинула мостик и медленно сошла в темное корабельное чрево.

Передний трюм зиял чернотой, не считая тусклого света, что просачивался в пробоины корпуса. Приходилось ориентироваться на ошупь, по памяти искать проход в кормовой отсек. Надвигался прилив, сквозь израненную корму лилась вода. Кари полезла вниз, вздрагивая каждый раз, когда холодные слизистые струи плескали на щиколотки и лодыжки. Ссадины на коленях защищало от соли.

Ощущала она и другое, будто бы продираясь сквозь невидимые покровы. Приходилось проталкиваться сквозь пустоту, пропускать через себя нечто незримое и безымянное. Оно щекотало ей кожу, кости, рассудок – похожее чувство она испытала на скалах, как раз перед тем, как горная богиня отколошматилась до полусмерти. Но здесь не чувствовалась враждебность. Лишь чужое присутствие. Однажды в Северасте Кари обворовала жилье мертвеца. Богатый купец скоропостижно скончался, и его семья со слугами пришли на похоронную службу в храм Танцора. Кари слиняла с обряда, сменила рясу послушницы на более практичный наряд домошницы и мощеными улочками Севераста прокралась к пустому дому.

Хотя хозяйина больше не было, она помнила, как все равно ощущала его повсюду, обходя комнаты. Бумаги на столе, недопитая бутылка вина, приставучий попугай в клетке – купец вроде как вышел всего на минуту. Дом был безлюдным, но не пустым.

Таким же был и кормовой трюм.

Капитан Хоуз стоял по пояс в воде перед самодельным плавающим алтарем, на котором он разложил священные образки Повелителя Вод. Когда капитан дотрагивался до них, из воды били лучи синего света. Как только Кари вошла, раздался всплеск и в дальнем углу побежали круги. Наверно, это один из Бифосов исчез под водой.

Такого лица у Хоуза она еще не видела никогда. Глаза капитана были закрыты – в молитве? в страдании? – но он почуял ее приближение.

– Я же обещал тебе рассказать, разве нет?

– Что это, капитан? – спросила Кари. Очевидно, что это такое – миниатюрный храм Повелителя Вод, и Хоуз в нем жрец. Но за все время их знакомства отношение Хоуза к религии было сплошь деловым. Он жертвовал Повелителю Вод, но точно так же и прочим морским владыкам – Кракену, Святому Шторму и Вазу, китовому богу. Моряки исповедуют многобожие: никогда не знаешь, какого бога при случае угораздит повлиять на изменчивые течения и бури открытого океана, поэтому грамотно распределяй молитвы. – Вы чего тут, святошей заделались?

– Человек, которого ты знала, мертв, Кари, – произнес Хоуз.

– Насколько иносказательно вы сейчас говорите?

Хоуз заговорил, не слушая ее и не размыкая глаз. Он скорее декламировал, чем отвечал, как если бы зачитывал древнюю проповедь.

– Когда Праведное Царство Ишмиры обрушилось войной на землю благодатного Ильбарина, то причинило много несчастий. Из Ишмиры явился Кракен, неся храмовый флот, войска безумных богов. Небеса затмили бесовские отродья Матери Облаков. Отважные сердца смутили ужасы, навеянные Дымным Искусником, а рассудок мужчин и женщин отравил шепот Ткача Судеб. Горе и муки пришли из Ишмиры. Анафема на ишмирских богов!

Добрые боги послали воинство святых оборонять берега Ильбарина. Их боевой клич сотрясал нашу гору. Клинки были громом и пламенем. Взглянуть на них означало сойти с ума от переполнявшей радости.

Она ни разу не слышала от него подобных речей. Ни разу он не говорил так пространно. Хоуз всегда был немногословным мужчиной.

– «Роза» попала в клещи меж ними. Мы возвращались из Паравоса, и я привел нас прямо... прямо в... – Капитан открыл глаза и упер взгляд в Карильон. Облизал губы. – Кракены сковали море, и мы не могли плыть. Я видел, как облако тумана поедает мою команду. Видел, как рушится все. И они проникли в меня. Я был их полем сражения. Все мы. Они командовали нами, и мы подчинялись. Боги посылали нас и туда и сюда. Заставляли прыгать в воду. Или в небо, все было едино. Все пошло прахом. Пеш велела мне убивать, и я убивал. Но даже смерть не освобождала от их приказов. Даже те, кого я убил, продолжали сражаться. Это было безумие.

Она вспомнила нашествие на Гвердон, кракеновы волны, что несли на себе храмы, полные святых и чудовищ, тварей в облаках, испускавших вниз свои щупальца. Чувство, что все ломается, навсегда гибнет. Она видела, как сотни людей сходили с ума при появлении богов. С ней был Шпат, надежный якорь, но увиденное в тот день до сих пор поджидает ее во снах.

Тогда при ней была сила. Она могла сделать хоть что-нибудь. Насколько хуже быть полностью беспомощным перед гневом спятивших богов? Понимать, что, как ты ни старайся, любые твои усилия вмиг станут никчемны. Понимать, что в сравнении с ними ты щепотка пыли, капля в бурном потоке.

Будто целый мир в их руках, и они перекраивают его как угодно, а тебя считают ничем.

Капитан Хоуз окунул ладони в воду, и голубое свечение усилилось. Он опять закрыл глаза.

– Все было потеряно. Потерян корабль. Моя команда... Я должен был их спасать. И Повелитель Вод услышал мои молитвы. Я поклялся, что буду служить ему всей душой, и своей великой дланью Он вытащил «Розу» из бури и вынес нас в безопасное место.

Капитан Хоуз сложил ладони чашечкой, зачерпывая воду. И плеснул светящейся голубизной на образ Повелителя Вод на алтаре.

– Но еще я видел, как потом ненавистные ишмирские боги напали на моего Повелителя. Я видел, как Кракен обвинил его щупальцами, чтобы затянуть в самые темные пучины океана, в обитель проклятых и обреченных. Дымный Искусник травил его ядом. А Царица Львов вспорола живот, и вода изливалась из раны. Я видел, как мой бог пожертвовал собой, чтобы спасти меня и команду. – По щекам Хоуза побежали слезы, и слезы тоже светились голубым светом, оставляя на лице мерцающие дорожки. – Вот какие узы лежат на Доле Мартайне, Кари. Его жизнь, как и моя, принадлежит Повелителю Вод.

Кари оставила Хоуза молиться, общаться с Бифосами, или чем там он занимался, и взобралась обратно на палубу. Хотелось поскорей на простор. С моря дул прохладный ночной бриз, и она продрогла.

Тянуло ползти. Ей всегда нравилась высота, будь то корабельные снасти либо городские шпили и крыши. Нравилось забираться в такие места, куда за ней никто не полезет, а внизу взгляду откроется мир. В Гвердоне, когда у нее был выбор, где жить, она обустроила себе гнездо наверху одной из высочайших башен Нового города. «Не затевай глупостей, – сказала она себе, – даже без синяков и хромоты, даже будь у «Розы» ее изящные мачты, высовываться не следует».

Поэтому она прогулялась по палубе, пошастала по пустым каютам.

Отзвуки молений Хоуза смешивались с бесконечным шелестом волн, но не навевали спокойствия. Не совсем понятно, по душе ли ей эта новая сторона капитана. Вере в богов она ни в коем случае не доверяла – полагаться на такие вещи определенно разновидность безумия. Да и вообще, полагаться нельзя ни на что. Она верит Шпату. В какой-то мере верит Крысу. И раньше ответила бы, что верит Хоузу.

Она верила тому, прежнему капитану. А не нынешнему жрецу. Вскипело желание бежать. Хромая – ну так что, двигаться-то она может. В каюте у Хоуза точно есть еда, а то и

деньги. На худой конец, шпага, может, даже другое оружие. Она могла бы снова попробовать обогнуть гору. Дол Мартайн сказал, что гхирданцы контролируют все отплывающие с Ильбарина суда, но это значит, что кто-то все-таки отплывает! Почему бы не прокрасться на борт. Только бы добраться до материка, а там она найдет дорогу на юг, в Кхебеш. «Может, поэтому Хоуз и забрал чертову книжку – чтобы не дать мне уехать. А если он заодно с Долем Мартайном и Мартайн уже пошел звать Гхирдану?»

Скрипнула лестница. Кари дернулась и нырнула в укрытие, рука тут же потянулась за ножом, которого не было, но это был всего лишь Хоуз, поднимавшийся наверх. Он выжимал рубашку, натянув плащ поверх мокрой одежды. Потом пошарил по карманам, сперва по ошибке сунувшись в тот, который у бедра. Как обычно.

Движения, ставшие привычными за много лет.

Вот он, тот Хоуз, каким она ждала его встретить.

– Дол Мартайн, сказал, что ваш бог мертв, – заговорила она.

Он зажег трубку, неспешно оборачиваясь к ней:

– Боги не умирают. Они всегда возвращаются в том или ином виде. Они существуют по ту сторону смерти.

– Я убила Пеш.

Его лицо осталось бесстрастным.

– В Гвердоне. Алхимики изготовили бомбу, божью бомбу. Она уничтожает богов насовсем. Никаких возвращений. Вот почему ишмирцы покинули Ильбарин. Я убила их богиню, капитан.

Он долго молчал, прежде чем заговорить снова:

– Бифосы уже поведали мне об этом. А иначе они бы не направили тебя сюда. И Мартайн наполовину прав – при вторжении Повелитель Вод пал. Но ничто не пропадает насовсем. Повелитель вернется вновь, быть может, не таким, каким был. Ничто не остается неизменным. Но он еще вернется. – Капитан вздохнул: – Из меня плохой жрец, Кари. Я никогда не учил священных писаний и мало разбираюсь в трактовке знамений. Но я верю – Повелитель Вод уготовил тебе особенную судьбу. Если тебе обязательно нужно в Кхебеш, то я помогу. Но наберись терпения: сначала тебе надо поправиться.

Глава 9

Артоло провел призрачными пальцами по ружейному стволу. Поработал кистью, чтобы удостовериться, хватит ли в пальцах скорости и силы, когда придет момент спустить тугой курок. Взглянул на безжизненный склон и представил, как из-за какого-нибудь валуна выскакивает Карильон Тай. Хватит ли ей пули? Ружье было расточено под увеличенные флогистонные заряды, и ведьма оплела заклятиями каждый патрон, чтобы усилить их пробивную мощь.

Нет. Застрелить – выйдет чересчур быстро и безболезненно. Надо что-то помедленней.

В любом случае сегодня его добыча не Тай.

Ведьма указала на подъем.

– Часовня вон там, – сказала она, показывая рукой в металлической перчатке. Она запыхалась от усилий по наводке вокруг Артоло защитных заклятий, но работа предстояла опасная – охота на бога.

Часовня на отроге Ильбаринского Утеса была неказистой – приземистой и грубо вырубленной из составлявшей гору породы. Раньше здесь было много молелен и храмов, посвященных горной богине, но сейчас от них ничего не осталось. Большинство затопило море, остальные осквернили ишмирцы. Похоже, эта часовенка на высоком склоне последняя.

Он помедлил.

– Ты сказала, снос часовни рассердит богиню.

Ведьма пожала плечами:

– Богиня уже рассержена. Уже взбудоражена. С разрушенной часовней ей будет труднее восстановиться как надо. И вернется она в еще более сумбурном виде.

Артоло поднял ружье, приложил глаз к прицелу. На этой часовне и пристреляет. Вон там статуя, изваяние богини Ушарет. Красивая работа преданного поклонника. Каждый бережный скол резцом – акт посвящения, молитва. Фигура молодой женщины, высокой, атлетически сложенной, непокорной, как сама гора. Ушарет до войны.

– Лучше заканчивать побыстрее, пока она кого-нибудь не освятит, – проговорила ведьма. Несомненно, среди выживших ильбаринцев есть много душ, которые знают угодные, привлекающие внимание богини обряды. Если образ Ушарет воронкой смерча снизойдет на какую-нибудь совместимую душу, то возникнут неприятности, совсем не нужные Артоло.

Особенно при Прадедушке, летящем с юга, чтобы ознакомиться с выработкой илиаэстра.

Он поводит прицелом влево и вправо, вверх по склону и вниз. Кроме пары пылевых завихрений, никакого движения на этом запустелом пейзаже.

– Ничего, – пробормотал он. – Стерва небось на западной стороне Утеса.

– Вы рассуждаете как смертный, – возразила ведьма. Ее костюм жужжал, пока она обзревала ландшафт. – Ушарет являет себя во всей этой горе. Она и есть гора. Нам надо заставить ее сконцентрировать свою сущность. Добиться ее зримого воплощения. И тогда вы ее застрелите.

Двое других стрелков по бокам от Артоло знаками подтвердили боеготовность. Когда богиня Ушарет была на вершине могущества, она б отмахнулась от таких жалких пищалок. Но, как и прочие боги Ильбарина, она была сломлена Праведным Царством. Ныне это всего лишь безмозглая оболочка богини. Несоизмеримо умаленная, и скоро умалится еще.

Артоло утвердительно буркнул. Еще раз проверил оружие, проверил пальцы. Было время, когда бы он расхохотался в лицо такой задохлой богиньке, как Ушарет. А потом в это лицо бы и выстрелил. Но теперь ему не до смеха.

– Мартайн! – позвал он. Дол Мартайн обернулся и поспешил к Артоло:

– Слушаю, сэр?

– Возьми четверых бойцов. Взорвите ту часовню. Будь начеку – это призовет Ее, так ведьма сказала.

– Я установила спусковые обереги, – добавила ведьма. – Они сработают, когда Она воплотится. Хотя как-то вам ее обозначат.

– Насколько точно?

– Лучше, чем никак. Но не слишком.

– Моя жизнь в ваших руках, босс, – сказал Мартайн, бросая косой взгляд на задрапированные пальцы Артоло. Это граничило с дерзостью, а Мартайн всего лишь Эшдана. Ему не по чину высказывать свое мнение.

– Двигай, – рявкнул Артоло.

Мартайн отобрал четверых из кучки загонщиков и караульных, которых привели на охоту в эти не совсем богом забытые скалы, и они приступили к медленному восхождению, неся с собой упаковки алхимической взрывчатки. Робко ступали по неустойчивым камням. Избегали сухих колючих кустов. Вздрагивали при каждой перемене ветра.

Кто-то оглядывался назад, будто волновался, как бы их не принесли в жертву Ушарет на этом проклятом склоне. Мартайн, к его чести, не оглянулся ни разу.

Артоло до сих пор сомневался в Мартайне, но было очевидно, что амбиции подручного простираются куда дальше полуразрушенного острова. Большинство выживших здесь слонялись в прострации, растерянные, выхолащенные, неспособные отделить память о том, каким Ильбарин был, от того, каким стал. Они нянчились с пережитками прошлого, словно эту разруху можно было просто переждать. Артоло сам видел, как жители города Ильбарина, спасаясь, волокли с собой мебель, как будто бы наводнение скоро спадет и они вернутся по домам. Некоторые все пытались обратиться с жалобами к правительству, хотя действующего правительства на Ильбарине нет уже много месяцев. Переводили еду на детей, хотя нет никакой надежды, что те увидят следующую весну. Придурки, все как один.

А Мартайн не такой, размышлял Артоло. Может, это признак бывалого путешественника – повидаешь мир и обретишь широту взглядов, необходимую, чтобы успешно выживать. Уяснишь, что возможности есть везде и бессмысленно привязываться к бесплодной почве, к мертвому прошлому. Всегда есть новые, еще не завоеванные края.

– Ты-то поездила по миру, до того как я тебя нашел? – негромко спросил он ведьму.

– Поездила. По всему югу, потом была в торговых городах. Чуть не доехала до Архипелага. Вместо этого попала в Гвердон. – Она занята, творит волшебство. Он сам должен смотреть в оба. Богиня может воплотиться в любую секунду. Сияние охранных рун, нанесенных ведьмой, не изменилось. Мартайн и его люди почти достигли часовни.

Его мысли вернулись к Карильон. Гади́на заслужила медленную смерть в его руках. Да, от его рук, буквально. Это она отрезала ему пальцы – наказание вынес Прадедушка, но изначальная вина на ней. Будь прокляты боги и их долбаная раздача даров. Наделять силой из прихоти или по каким-то вычурным философским принципам, ничего в реальной жизни не значащим, – как же это отвратительно. Сила должна доставаться тем, у кого хватит твердости ее взять, хватит смелости ею пользоваться. Когда Прадедушка его наказал, в этом была справедливость. Он подвел дракона, за это вот принял страдания. А не из-за какого-то там зачуханного греха, совершенно случайной жестокости свыше или занебесной войны. Нет, драконам известно, как на самом деле устроен мир, если отбросить напускное притворство, священные тексты и божественные повеления.

Будь сильным, или тебе будет худо.

Ильбарин был тому доказательством. Край сломленных, разбитых богов, у которых не осталось ни сил, ни воли порождать святых. Беззаконная, безбожная земля, слишком много народу, и на всех недостаточно пищи. С Ильбарина ведет только один путь, и этот путь в рас-

поряжении Артоло. В его власти награждать достойных, тех, кто, обладая отвагой, разумом и стойкостью, вступает в Эшдану, а остальным – худо.

Уж Карильон придется несладко. Он... он закопает ее на этой горе. Наверняка в недрах Утеса есть нехоженные пещеры, где он погребет ее заживо, в темноте, в каменной утробе, и корни колючек проникнут в питательную липкую слизь в глазницах, упиваясь ее душой...

Это не моя мысль, спохватился он.

Вспыхнули охранные руны. Земля сотряслась.

Она прямо под ними.

Ведьма тоже это почувствовала, но, неуклюжая в броне, реагировала очень медленно. Артоло подхватил ее и бросился вперед, одновременно со взрывом склона за плечами. Вокруг сталкивались валуны. Заклубилась пыль, и сквозь удушливое облако он увидел богиню. Попытался вскинуть длинное ружье, но она была слишком близко.

Неразумная, битая, но хитрая как лиса. Богиня распознавала длинные стволы и понимала, что они опасны.

Как дерево без листвы, ободранное и голое, богиня будто сгибалась под незримой бурей, но при каждом наклоне, каждый раз, опуская ветвистые руки, она поднимала их вновь – скользящие от внутренностей бойцов Артоло. Она потрясала руками, рассыпая кровь как росу, и на горном скате начинали пробиваться зеленые ростки. Перед Артоло упали скрученные вместе куски ружья и стрелка.

Призрачный палец лег на курок. Отдача молотом стукнула по телу, вцепляясь в каждую прежнюю рану. Пронзила обрубки пальцев, резаный живот, позвоночник. Вспышка ослепила, в нос проникла едкая вонь серы и флогистона.

Ушарет взревела от боли. Заряд попал ей в грудь и почти оторвал одну руку. Она вскользь устремилась к Артоло – ставшему, считай, на пути оползня. Шипастые пальцы дотянулись... и замерли. Ушарет застыла, парализованная на месте чарами ведьмы. Вокруг богини замигала решетка эбонитовых молний, их зигзаги мелькали, драли составленное из камней и грязи воплощение Ушарет.

– Не могу. Держать, – простонала ведьма. Из каждого сочленения ее доспеха забил неземной свет. С ведьминых запястий закапала черная жидкость, шкворча в пыли. Все шприцы костюма до одного защелкнулись в пазах, накачивая наркотиком истощенное чарами тело. Не будь на ней неподатливой брони, ведьма корчилась бы в агонии, оглушенная колдовством.

Артоло обнажил свой драконий кинжал. Клинок затуплен, но по-прежнему хранит мощь. Он прыгнул за спину неподвижной богини и, как зубило, вогнал клинок в рану, откалывая руку от тела. Рука отлетела, распадаясь дождем из щебня, корней и гнили.

Нож также прервал действие заклинания, освободив Ушарет. Она начала крошиться, сжиматься, вереща, как раненый зверь. И, повернувшись, помчалась вскачь от Артоло, размашисто вспрыгивая все выше и выше. Неестественно длинными шагами она уносилась на гребень. Если богиня удерет, то сможет вытянуть силу из часовни и исцелиться. Возможно, вернется и будет преследовать их за осквернение ее горы или уйдет отыскивать вероятного святого.

– Хватай ее снова, – приказал он ведьме.

– Наверно, не получится, – прошептала ведьма, но тем не менее попыталась. Она вытянула руку, вновь пропела чары, и богиня опять оказалась схвачена на полушаге, обездвижена заклинанием. Стрелы потусторонней энергии слетали с ведьмы, уходя в почву. Завоняло паленой плотью.

Артоло не обращал на это внимания. Он сложил руки рупором, выкрикнув приказ:

– Мартайн! Взрывай быстрее!

Он не разглядел Мартайна среди пыли и неразберихи, но через несколько секунд вспыхнуло зарево, прокатился гром, посыпался шквал камней. Ведьма облегченно сложила у его

ног, сипло втягивая воздух. Когда рассеялся дым, стали видны остатки богини. Обугленная глыба, немного напоминавшая женщину, лежала на дне свежей расселины в теле горы.

Артоло двинулся поперек склона, переступая через останки своих солдат. За спиной осталась скупающая ведьма.

Сперва неотложное. Он полез в жаркую яму, сдерживая дыхание, чтобы меньше наглотаться едких паров. Чахлая божья развалина шевельнула обрубок, прежде бывшим ее головой, и на мгновение пред ним предстала статуя, девушка из часовни – ее формы наложились на обезображенную оболочку Ушарет. Она не изменилась в лице – ни страха, ни мольбы о пощаде. Чистое сопротивление.

Кинжал у него тупой, поэтому потребовалось несколько долгих, одышливых минут, чтобы перепилить корневища жил на шее, прорезать плоть из грязи и разъять каменные позвонки.

Ну их на хер – и святых, и богов.

А вот чтобы собрать разбежавшуюся Эшдану, найти все брошенное оружие и неиспользованную взрывчатку, потребовался почти час. К тому времени склон оброс живым саваном, слоем травы, как растекающимся кровавым пятном. Артоло потянул за травинку, выдирая ее из песчаной почвы. Чудотворная поросль стала единственным участком зелени на всей горе. Уродливые растения, причудливый сплав из видов, некогда произраставших здесь, на Утесе, на его поглощенных новым морем подножиях. Наверно, трава ядовита или заражена, есть эти порождения чуда – запредельная дурость. Впустить бога в себя... чокнуться надо.

– Убрать с горы трупы, – распорядился Артоло. Если этого не сделать, то верующие в сломленных ильбаринских богов смогут пожертвовать останки своим покровителям, извлечь духовный осадок через похоронный обряд. – А когда закончите, обыщите верхние склоны. Может, там и прячется эта гвердонская баба.

Мартайн задержался:

– Если мы ее найдем, чего от нее ждать? Что я должен знать о ней?

– Ее нельзя убивать.

– И все? Она вооружена? Алхимией?

– Она одна. Может, вооружена. Возьми побольше людей.

Мартайн посмотрел на скат, усыпанный телами. Засада на Ушарет стоила жизни полудюжине эшданцев.

– У нас заканчиваются принявшие пепел.

– Набери сколько надо в рабочем лагере. Доведи дело до конца, Мартайн. – Артоло харкнул в яму, прислушался, как слюна шкворчит на тлеющем трупе богини. Затем развернулся и пошел прочь.

Ведьма ждала его у обочины.

– Набери сколько надо в рабочем лагере, – эхом повторила она. – А как же нормы выработки? Что вам на этот раз отрежут во искупление?

– Попридержи язык, – рявкнул Артоло. – С Прадедушкой я сам разберусь.

– Это не мне отвечать за задержку, – бросила ведьма.

– Прадедушка меня поймет.

Прибыла карета везти их назад в Ушкет. Артоло предпочел бы верхом – порой если быстро скакать, то почти как снова летишь на Прадедушкиной спине. Но ведьма вымоталась, а о ней нельзя не заботиться, уж больно полезна.

Карета добралась до Ушкета к закату. Уже действовал комендантский час, и по пустым улицам они резво домчали до цитадели.

Цитадель Ушкета прежде была провинциальным фортом, пристанищем немногочисленного гарнизона. Здесь размещался местный префект. На несколько недель раздрая после паде-

ния города Ильбарина цитадель стала резиденцией правительства – тогда сенаторы и префекты карабкались на Утес, повыше и подальше от Божьей войны. Правительство в изгнании по-прежнему существует, но оно в Паравосе, и отныне в Ушкеде один закон – слово Артоло.

– Я беспокоюсь совсем не о драконе. На нем прилетает Дантист. – Ведьма сняла перчатку и расчесывала шелушащуюся кожу. Пальцы обмазаны кровью. – Не люблю я его. Не слыхала о таких, кто покинул бы гвердонскую гильдию алхимиков, иначе как нахимичив себе на гроб. Их тайны хранятся за *восковыми* печатями, понимаете?

– Ворц отмечен пеплом, как и ты. Ворц верно служит Гхирдане. Как подобает и тебе.

– Вы думаете, клятва да шепотка золы для него что-то значат?

– Для тебя же значат. Или нет?

Она умолкла. Подвинулась назад, скрипнув костюмом, и уставилась на обесцвеченное море. Горная почва добавляла воде ржавый оттенок. Ведьма подняла ладони, обследуя их на свету. На руках не было мест, где бы кожа не отсыхала, не отваливалась после ожогов, обнажая мясо и синие вены. Но узорчатые наколки на запястьях странным образом оставались в первоизданном виде. Она напоминала Артоло недавно убитую богиню. Если стукнуть ведьму покрепче, не раскрошится ли в прах и она? И останется только шелуха татуированной кожи.

Колдовство – быстрый путь к власти, если, конечно, у тебя есть к нему способности. Если согласен обжечь свою душу в огне. Артоло размял призрачные пальцы. Он мог бы прикончить ведьму с одного удара в нужное место. За секунду вогнать эти наколдованные пальцы ей в глотку. Даже если ободранная волшебной дыхалкой и не переломится, она не сможет говорить, не сумеет бросить заклятие. Не с ее телесной слабостью владеть такой мощью. Смысл иметь силу, раз нет выносливости? Она каждый раз вынуждена отдыхать в надежном укрытии. Как длинноствольная винтовка – крайне мощная и точная. Замечательный образец алхимии и инженерного искусства, но ломается с легкостью.

Он прочистил горло:

– Почему ты боишься Ворца?

– Не боюсь. Но либо он не настолько умен, как о себе возомнил... – Она растерла подошвой кусочек мертвой богини. – Либо таки умен, и тогда еще хуже. Он опасен, босс. Я не хочу с ним пересекаться.

– Найди мне Тай, и я буду тебя защищать.

– Стараюсь. Гадальные вызывания занимают много времени. Взять и прочитать по кучке кишок не получится. – В голосе слышалась досада. – Было б легче, не подыми вы целый остров на ее поиски. Эфир взбудоражен, звенит всеми отголосками эха. Лучше бы вам ограничиться мной. Мартайн и остальные нужны в лагере.

– Тогда не растрчивайся на заклинания, отдохни. Накопи силы. Уличные ищейки ее и так найдут.

– Нет. Я сумею сама. Я справлюсь.

Глава 10

Всю неделю в порту работали в двойную смену, днем и ночью чистили склады от загрязнений, вызванных пожаром у Дредгера. Бастон принес противогазы, оставшиеся с налета, и раздал их уборщикам самых пострадавших участков. Рискованно, но лучше он ответит на неудобные вопросы, чем будет смотреть, как какой-нибудь бедняга проблюется остатками разложившихся легких. Бастон хорошо разбирался в необходимом зле, как и в оправдании насилия перед самим собой. Когда он работал на Братство, то в скверные дни не раз старался отскрести совесть от грязи. Объяснял себе, что Братство, несмотря ни на что, по-прежнему справедливая сила, доступный способ дать ответку на угнетение городскими властями. Объяснял, что пострадавшие заслужили свою участь; они нарушали правила улиц и сами навлекли на себя кару. Мог бы и сейчас объяснить сожжение цехов Дредгера случайной ошибкой, в которой нет его вины.

Но в итоге все оправдания ушли впустую, и на целую неделю он взвалил на себя самую тяжелую работу – в разлитой поверх ядовитой дряни воде сгребал руками в перчатках гущу алхимических смесей. Сегодня проработал всю ночь, пока его не погнали домой.

Почерневшие руины цехов гильдия алхимиков обнесла защитным экраном из серебристой ткани, которая на заре светилась так, будто Новый город породил себе новый район. Усталый, Бастон брел по улицам Мойки под сенью храмов. В парящем храме Матери Облаков рассвет встречали факелами, их огонь воспламенял горизонт. При подходе к храму зрение Бастона исказилось – на миг это символическое действие стало реальным, и жрецы по-настоящему зажгли утреннее солнце. Он подпал под влияние богини. Пришлось срочно переходить улицу, и реальность тут же вернулась обратно.

Он попытался срезать путь по потертой лестнице, посередине разделенной ржавыми перилами, но дорогу преградило огромное существо, полубык-полускорпион. Умуршикс, так их называли. Священное животное бога-отца, Верховного Умура. Бастон не разобрал, спит чудовище, или медитирует, или просто сидит не шевелясь. Да и вообще это не создание природы, а божье отродье. Может, оно движется только по воле своего бога.

«Бомба под брюхо – и скорпиону крышка», – подумал он, вспоминая похищенное из цехов Дредгера оружие. И поспешил пошустрее убраться. Неподалеку вполне могут бродить сторожевые пауки, вычитывать в мыслях богохульные и бунтарские настроения. Тиск сказал правду – в старые времена жилось проще. Прежде вору было достаточно не попадаться на глаза. Теперь же приходится еще и стеречь мысли.

Он задумался о том, сколько соседей опустили руки и склонились перед Праведным Царством. Ишмирский оккупационный корпус поощрял перешедших в их веру. Но куда значимее было благоволение богов. Поклонись Благословенному Болу, покровителю торговли, и твои дела будут процветать. Поклонись Дымному Искуснику, занебесному вдохновителю, и твои сновидения проникнут в мир яви. Покорись – и неплохо так приподымешься.

Завтраком Бастон подкрепился в забегаловке напротив заведения Пульчара. Он не ходил туда с налета на Дредгера, с тех пор как Раск втянул их в дурацкую потасовку с ишмирцами. Глупое высокомерие гхирданцев – светиться ни за что ни про что. Бастон дни напролет прячется от психопауков, осмотрительно таит все в себе, ждет подходящего момента целую вечность – и тут приходит Раск и устраивает мордобой.

Но, будь оно проклято, приятно было врезать ублюдкам!

За эти недели у Бастона вошло в привычку приходить к церкви Нищего Праведника и наблюдать, как из дверей вытекает паства. И с каждой неделей толпа прихожан редела. Хранители уже забросили одну из крупнейших церквей на Мойке – Святого Шторма на побережье. Как скоро и в ризнице Нищего поселится какой-нибудь чужой бог?

Этим утром Бастон обводил взглядом прихожан, отмечая их лица. На некоторых читалось сопротивление, но большинство вороватых или, того хуже, пустых – топают по наклонной, как заводные автоматы. Они цеплялись за старые обычаи и привычки и тем отрицали чужеродность окружавшего города. В этом сборище не хватало одного лица – лица матери.

Скрепя сердце Бастон побрел на горку к Борову тупику. С вонючей и чумазой нижней Мойкой было не сладить никакому чуду. Перед дверьми храма Благословенного Бола стояли два идола из чистого золота, двое святых, настолько преданных, что после гибели превратились в драгоценный металл. За день после установки изваяния покрылись сальным налетом копоти и алхимических отходов. (А за ночь одна статуя потеряла уши, нос и три пальца, другая же исчезла совсем.) Боров тупик, напротив, граничил с респектабельностью – буквально. Он примыкал с той стороны к высокой стене, отделявшей Мойку от более благородных частей города. Эта стена стала рубежом ИОЗ, поверху ее патрулировал другой умуршикс – недреманный страж, зверь из легенд, рыскал под садом родительского дома.

Бастон впустил себя сам, отперев тяжелую дверь. Отметил неприятный запах воскурений из кадиланицы.

– Если вы пришли меня грабить, – окликнула сверху мать, – то шкатулка с драгоценностями на столе в передней. Первая дверь справа. Если попытаете взойти наверх, закидаю вас башмаками.

– Это я, – крикнул Бастон.

– Тогда про шкатулку забудь. Там остались только запонки и контактный яд.

– А про башмаки?

– Я еще не решила.

Он рискнул подняться по лестнице. Кое-где отклеились обои, и на панели сырело пятно, которого в том месяце не было. На стене висел портрет Карлы, в полный рост, возле ее бывшего суженого. Карла навсегда перестала о нем говорить. Их связь была не по любви. Парень происходил из семьи алхимиков, сказочно богатой. Помолвку утрясли, когда Хейнрейл заключил с гильдией тайный союз. Теперь все накрылось, и деньги, и связи. Не видать Карле домика на Брин Аване.

Он обнаружил мать на коленях возле маленького алтаря ишмирского бога Дымного Искусника. Благовония из двух кадиланиц завивались вокруг нее сизыми кольцами. Разноцветные струйки испарений переплетались в переливчатой пляске. Бастон кашлянул.

– Почти готово, – с закрытыми глазами произнесла мать – то ли сосредоточенно молилась, то ли хотела заставить его подождать. Дым забирался ей в ноздри, вуалью обтекал лицо.

– Сегодня утром ты не ходила к Нищему Праведнику.

– Зато ты ходил к Дредгеру на прошлой неделе.

Бастон тщательно обдумал ответ. Эльшара Терис тридцать лет прожила замужем за Хеданом, тридцать лет в браке с Братством. Пусть Хедан уже два года в земле, такие узы сами собой не отпадут. Она по-прежнему кое с кем общалась, прислушивалась к шепоткам из подполья. В то же время частью Братства она так и не стала, в отличие от Хедана. В отличие от детей. И она преклоняла колени перед ишмирским алтарем. Было бы крайне недальновидно прятаться от пауков и соглядатаев и оказаться застуканным собственной матерью. Если она уже слишком далеко зашла и подпала под божественное влияние, то...

– Ну, хорошо, – сдался он. – Перестану тебя проверять, раз ты против.

– Да я-то не против, делай что хочешь, главное, чтобы делал ты сам, а не отец. – Мать развернулась к нему: – Ну как?

Она выглядела лет на тридцать моложе и вся сияла. Смотрелась как Карла. Он тихонько подул матери на лицо, и иллюзия развеялась, как прах на ветру. Эльшара зло выругалась:

– Проклятие, никак зафиксировать не выходит!

– Иллюзия...

– Чудо Дымного Искусника, Повелителя-под-вуалью, Бога Откровений и Вдохновения, Владыки Поэзии, Обитателя Комнаты Без Стен, Творца... – Перечисляя имена, она малость остекленела глазами, и он тихонько ткнул ее в руку. Мать встряхнулась и продолжала, будто бы и не проваливалась в транс. – Я годами мерзла в церкви Праведника, и Хранимые боги ни разу не ответили мне ни на одну молитву. Вот и решила пойти по-другому.

– А то ты без них не обойдешься, – сказал Бастон. Этот дом в Боровом тупике был одним из самых больших во всей Мойке. Не таким роскошным, как у Гхирданы, но бесспорно богатым, спасибо Братству. Однако каждый раз заходя сюда, он замечал на какой-нибудь стене или полке очередное пустое место – хранимая прежде ценность отправлялась в ломбард. Сколько же она тратит на необходимое, а сколько отдает богам? – И, к слову, деньги нужны?

– Ого, портовые грузчики стали получать больше пяти медяков в день? – фыркнула Эльшара. – Нет, перед тобой приходила сестра, поэтому ничего мне не надо. Разве только чтобы дети пореже у меня тут маячили. Я-то думала, Карле есть чем заняться, приглядывая за тобой. Кстати, она просила тебе передать, если объявишься: встретить ее в семь под аркой Привоза.

– Небось обо мне тут судачили.

– А как же. Волнуемся, Бас. Эти годы нам дались нелегко, но о тебе мы заботиться не перестанем.

– Мне пора идти. – У лестницы Бастон помедлил: – Не нужен тебе этот дым.

– Считаешь, я хожу в храм Дымного Искусника покрасоваться? – обиженно произнесла Эльшара. Но, как всегда, Бастон не понял – она неподдельно задета или играет драму напускных невзгод. – В дыму содержится истина. Жрецы вызывали передо мной разные видения.

– Причуды сумасшедшего бога.

– Мне тебе глаза не открыть, Бас. Ты сам должен взглядеться в дым. Пошли сходим в храм вместе.

– Мне некогда.

Она усмехнулась:

– Что, бочкам с ящиками невтерпеж подождать?

– У меня другие дела.

Эльшара отвернулась к алтарю, подкинула смесей в кадила. Дым опять оплел ее лицо кружевами, и Бастон задумался, скоро ли перестанет совсем ее узнавать? Она становилась столь же непривычной, чуждой ему, как и Мойка, – боги Ишмиры отнимают у него все больше и больше. Эльшара помахала ладонью в дыму, рассматривая сложившиеся узоры.

– Я не шучу. Твоему отцу я постоянно твердила: чтобы удержать власть, надо быть безжалостной сволочью. Не всякий на такое способен. Отец, прими Утешительницы его душу, так не мог. Поэтому я и втемняшивала ему держаться поближе к самому хитроумному и жестокому подлецу, какого удастся найти. Если ты, Бас, уйдешь в Новый город, непременно поступай точно так же.

– Я сам о себе позабочусь.

Эльшара цокнула языком:

– Я из-за вас совсем поседела. Из-за вас с Карлой.

Когда Бастон покидал Боров тупик, в голову закралось воспоминание. Это было до Перемирия и до Кризиса. Новый город еще не возвышался на гвердонском окоеме, чужие боги не насаждали на пепелище свои кошмарные храмы. Он тогда не узнал каменного человека, поджидавшего на улице в сумерках. Каменные люди не смели показываться на Боровом тупике.

– Бастон, есть разговор. – Слова скрежетали, словно в горле крутились жернова.

– Нижние боги... Иджсон? – Знакомое лицо затерялось под чешуйками, пупырышками какой-то гальки, наплывами камня. Только прежние глаза в упор смотрели из-под этой маски. – Хейнрейл ищет тебя.

– Хейнрейл хочет меня убить. Он меня отравил. Я этого с рук ему не спущу.

– Здесь его нет, если ты пришел по его душу. – В глубине сознания Бастон гадал, готов ли он убить друга, и молил, чтобы Шпат до этого не довел.

– Я вызываю его на сходку. По поводу звания мастера. – Шпату приходилось одышливо проталкивать слова, легкие сдавливали каменные пластины. Он с силой топнул ногой, встряска пробежала по всему его телу, и на Боровом тупике задрожали оконные стекла. Вибрация прочистила какую-то закупорку, и речь его стала посвободнее. – Вытащу Хейнрейла на воровское судилище. Я знаю, твой отец в прошлом его поддерживал и немало с этого получил, но я спрашиваю лично тебя, Бастон. Теперь это наше Братство. Мы можем изменить его к лучшему. Пришло время решать по-новому.

– Ты ни за что не наберешь голосов. Хейнрейл недосыгаем. – Он пытался убедить в этом самого себя, растоптать тлеющие угольки надежды. Мысли о том, что Хейнрейл, возможно, уйдет, что Братство удастся возродить...

– Завтра меня будет поддерживать Таммур, – сказал Шпат. – И Тиск. Кафстаны пойдут за мной. И у меня есть кое-что, чего у Хейнрейла нет, – у меня есть святая.

– Какая еще святая?

– Кари. С ней случаются видения – о настоящем. Она видит насквозь любые секреты. Скоро узнает все о Хейнрейле. Ему от меня ничего не утаить. Я готов его свергнуть. Сейчас подходящий момент провернуть колесо. – Цитирует отцовские записки. – Вы со мной? Вы оба?

Бастон зыркнул через плечо. Карла вышла следом и стояла тихо, как тень, слушала Шпатову речь.

– Хедан наверху, – шепнула она. – Если он тебя увидит, то скажет Хейнрейлу, спустит на тебя Холерного Рыцаря. Лучше уходи.

– Увидимся на сходке. – Шпат натянул на чешуйчатую голову капюшон и шагнул в тень. Хоть и каменный, двинулся он шустро.

– Шпат, – окликнул Бастон. – Я с тобой. – Он так и не узнал, услышал ли его Шпат.

Две ночи спустя Шпат соперничал с Хейнрейлом на воровском судилище – и выиграл. Но у Хейнрейла имелась страховка – договоренность с ползущими. Той ночью под градом смертельных заклятий погиб весь цвет Братства.

Бастона там не было. Карла уломала его не ходить.

С вторжения подземка в Мойке не работала, Кракены затопили туннели. Поэтому Бастон шел пешком, твердо ступая по своему району на длинных ногах. Начался дождь, яростный ливень, по переулкам понеслись мутные потоки. Крысы сбегали из сточных труб – к дождевой воде подмешивалась кислотная дрянь испарений, от нее щипало глаза.

Серотканная улица проходила возле Священного холма, за пределом ишмирских владений, ближе к хайитянам. По условиям Перемирия при входе и выходе с любой оккупационной зоны требовалось предъявлять документы. Вооруженным силам каждой зоны воспрещался доступ на две остальные, а для выхода в нейтральную часть города необходимо было иметь разрешение. Теоретически гвердонским гражданам позволялось посещать оккупационные зоны, но подозрительные перемещения были чреваты досмотром. Один из стражников на пропускном пункте щеголял сломанным носом – возможно, после той драки в баре. Бастон не поднимал головы, стараясь не светить физиономию, пока стоит в очереди. У ворот стоял не жрец-смотритель – то был сам Жестокий Урид, воплощенный полубог. Девяти футов, птичье-головый, с клювом, готовым вырывать сердца недостойным. Урид что-то прокаркал на неизвестном Бастону языке.

– Какие дела у неверного? – перевел священнослужитель.

Бастон приподнял полу своего пальто, показал:

– Хочу поискать, где мне пальто залатают.

Урид закурлыкал, а затем помазал Бастона священным елеем и разрешил проходить. Елей пах иначе – наверно, на пропускном пункте внизу они используют другое вещество, а может, дело в каком-то особом ритуале, либо присутствие Урида меняет состав. Бастон представил, как Урид станет отслеживать его в переулочках, как изогнутый клюв пробьет грудину и вырвет сердце.

Отчего-то его сердце представало на этой картине уже безжизненным, оно не билось. Полая, чахлая скорлупа, деталь механизма.

Он шел по одному из опустошенных участков города. Здесь поврежденные дома не подлежали ремонту и ждали сноса, а пораженные чудесами – еще и процедур экзорцизма. Если бы он повернул отсюда налево, а не направо, то улица Состраданий вывела бы его мимо ХОЗ на пяточок, прозванный Мирной Могилой. На этом месте была уничтожена Пеш, ишмирская богиня войны. Сам клочок земли опечатали, заключили в герметичную оболочку – пустую гробницу. Алхимики до сих пор его изучают и говорят, что те, кто был рядом, когда умирала богиня, навсегда повредились душой.

«Рядом был целый город», – удрученно шепнул ему внутренний голос.

Вопреки тяжелым последствиям, здешний коммерческий район оживленно гудел. Посредники и перекупщики, игнорируя царящий погром, толклись среди разрухи. Из рук в руки переходили паевые доли в перевозках оружия, в поставках алхимии, в заморских предприятиях и компаниях. Здесь за день меняло владельцев больше капитала, чем светит вору накрасть за всю жизнь, – если вор живет в Мойке, уж точно.

Он поднялся на Священный холм и отыскал нужную лавку портного. Торговали в ней в основном рясами для священников и студентов, куда ни глянь – висят накидки из серой и черной ткани. Лавка напомнила ему старый рельсовый туннель возле Виадука, пристанище тысяч летучих мышей. Они все свисали рядами, сложив аккуратно крылья. Таились, послушные недоброй воле.

Девушка-продащица, похоже, его узнала. Помогла снять пальто, сложила, повесив на руку, словно дорогой наряд, а не грязные обноски, и пригласила в примерочную. Там она выудила ключ, отперла шкаф. Вспыхнули начертанные на доске волшебные печати, а потом опять потускнели, стали невидимы. Запирающее заклятие массового выпуска, одна из последних разработок алхимиков. Обережные сигиллы, нанесенные машинным способом.

Внутри скрывалось еще одно творение алхимиков. Причудливый механизм, пишущая машинка, кое-как спаянная со стеклянным баком, где была налита святящаяся жидкость. Толстый серебряный шнур уходил от основания машины в отверстие, просверленное в задней стенке шкафа.

– Вы уже пользовались эфирографом?

Не пользовался. Девушка показала ему, как класть руки на клавиши приемного устройства, потом включила рубильник, и машина ожила. Бастон думал, что прибор заговорит или покажет ему собеседника, но вышло еще необычнее. Пока эфирограф работал, ему казалось, что Синтер находится рядом с ним в комнате, заглядывает через плечо, обдает затылок дыханием. Коснувшись клавиш, он чуял запах жреца, шершавая сутана касалась запястья. Пальцы Бастона двигались сами собой, выстукивая сообщение.

ДОКЛАДЫВАЙ.

Он немного выждал.

Бастон печатать не умел, но машина сама помогала ему, и слова вылетали из-под пальцев сразу, как только возникали в уме. Опасный прибор – любая шальная мысль могла ускользнуть и передаться. Придется сторожить свои думы не менее тщательно, чем при пауках в Мойке.

ГХИРДАНА СОЖГЛА ЦЕХА ДРЕДГЕРА.

НАПАДАЮТ НА ПОСТАВЩИКОВ ИЛИАСТРА.

ВЕРОЯТНО, СЛЕДУЮЩИЕ КРЭДДОК И СЫНОВЬЯ. СПЕРВА ТЕ, КТО ПОБЛИЖЕ.

ЗАТЕМ МАРЕВЫЕ ПОДВОРЬЯ.

Он практически слышал, как Синтер облизывает сухие губы. Костяшки пальцев Бастона скрутило призрачное онемение, когда священник сам задвигал руками по клавиатуре.

ВОЗВРАЩАЙСЯ СЮДА ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ, ответил Синтер.

Бастон снова запечатал, пальцы жалили клавиши.

ОДНО ЗАДАНИЕ.

Ответ пришел незамедлительно и нес на себе эхо издевательской улыбочки.

ЗНАЕШЬ, КАК ГХИРДАНА ПОСТУПАЕТ С ДОНОСЧИКАМИ?

А затем свет машины потух, и чувство присутствия жреца выветрилось. Тут же вернулась девушка. Она деловито вручила Бастону зашитое пальто, закрыла шкаф с секретным устройством. А Бастон сидел и восторгался простотой и четкостью ловушки. Прежде никто бы не посмел с ним так обойтись. Братство за своими приглядывало. Городской дозор мучился годами, искал стукачей на Хейнрейла и так и не преуспел. Все знали, что защита Братства означает на Мойке куда больше, чем могла бы предложить стража, и угрозы его гораздо страшнее. Но нынче все изменилось. Братство ушло, оставив Бастона без крыши, без щита против промышлявших в городе сил.

Расчет был точен. Но Синтеру не предусмотреть все на свете. У жреца наверняка есть шпионы и наблюдатели, но всего ему не узнать. В душу Бастону не залезть. Это его последний оплот, единственное место, куда им не дотянуться.

– Увидимся через неделю, – бросил Бастон девице, уходя из швейной лавки, и невольно задумался: солгал или нет?

Карла ждала его на углу возле Морского Привоза.

– Раск хочет нас видеть, – прошептала сестра, – новое задание.

– У Крэддока.

– Ага. Нас зовут на Фонарную улицу. Тиск оказался прав – вот шанс, которого мы ждали. Будем вместе с этим парнем-гхирданцем и снова наберем вес. Впереди удачные дни. – Карлу будоражило будущее, глаза горели при взгляде на яркую цитадель Нового города. Бастон, напротив, ощущал, что к нему пристала и молча взывает знакомая грязь Мойки. Там, между Замковым холмом и портом, переплетались родные улицы, старые спуски, аллеи и переходы. Он создан для этих закоулков, а не для мертвенной белизны сияющего лабиринта. И, подходя к его рубежу, еле волочил ноги, однако Карла уверенно подталкивала вперед.

Они вступили в Новый город. Эшданцы-проверяющие их узнали, и до резиденции Раска отсюда было подать рукой. Подать рукой по меркам Нового города, вечно запутанного и мудреного – но это и к лучшему. Извилистый маршрут по зеркальным галереям обескуражит любую слежку.

У дома Бастон остановился и присмотрелся. Дом был необъяснимо похож на родительский, на все постройки по Борову тупику. Казался призраком жилья, блеклой каменной тенью.

Карла задерживаться не стала и сразу вошла.

Интерлюдия 1

Эфирограф на столе Эладоры Даттин отрыгнул короткое сообщение, окутанное характерным плесневым ароматом и злобой Синтера.

ХЕДАНСОН НАШ.

Эладора откинулась в кресле и позволила глазам закрыться на блаженную минуту покоя. Ситуация с Гхирданой не вовремя отвлекала от других, более важных обязанностей, и стало облегчением узнать, что их комбинация работает. Еще была некая приятная справедливость в том, чтобы натравить одного закоренелого бандита на другого.

Надо работать дальше. Официально Эладора – специальный городской волхвователь, заведует регулированием волшебства. Она взяла стопку заявок на разрешение колдовать. Несколько утвержденных продлений. Существенно больше отказов – волшебство легко не дается. Она бегло с ними ознакомилась и нацарапала согласование на каждом листе.

Намного интереснее новые прошения. Все от новоприбывших – беженцев с Божьей войны либо представителей оккупационных сил. Эти бумаги отправятся на проверку министру безопасности.

В целом заявок набралось меньше дюжины. Келкин хочет провести парламентский закон об отмене права гильдии алхимиков распоряжаться своими чародеями и отдать их обратно в ведение специального волхвователя.

Эладора не знала, будет ли еще занимать свою должность, когда это произойдет. Она обернула пачку прошений пурпурной лентой и вышла в приемную к ассистенту.

– Риадо? Я схожу в управление министра Нимона.

– Простите, мисс, но к вам посетитель.

Ее ожидал круглолицый, розовощекий человечек, на черной мантии пестрели пятна от кислоты или отбеливателя. Церемониальная цепь его поста с золотым глазом на фляжке была инкрустирована драгоценными камнями.

Разумеется, им пришлось изготовить новую цепь. Старая сгинула в Кризис, вместе с Рошей.

– Гильдмастер Хельмонт, – любезно проговорила Эладора. – Простите, я и не знала, что вы удостоите меня визитом.

– О, да никакого визита. Просто зашел поболтать. Можно? – Он указал на кабинет Эладоры.

– Конечно.

Она сунула заявления в выдвижной ящик и проверила, отключен ли эфирограф, прежде чем села в кресло. Хельмонт – мастер гильдии алхимиков – терпеливо ждал, пока она закончит.

– Вы не рассматривали карьеру алхимика? – спросил он.

– Нет.

– Жаль. Уверен, в Горниле вы бы превосходно себя показали. – Гильдия алхимиков устраивала испытания для школьников с четырнадцати лет; набравшим проходной балл оплачивали дальнейшее образование. Тем, кто достоин, – учеба и пожизненная карьера в гильдии.

– Моя м-мать не разрешала мне участвовать в Горниле.

– Что ж, вы тем не менее достигли высот. И все-таки представьте, кем бы вы могли стать.

Расчищая стол, Эладора перебирала в уме известное ей об этом человеке. Насколько она понимала, Хельмонт был компромиссным кандидатом на исполнение обязанностей главы гильдии. Осмотрительный, усердный научный сотрудник, отнюдь не блистательный ум или признанный старейшина отрасли, как его предшественники. По сведениям осведомителей, самый слабый мастер со времен основания гильдии.

– Чем я могу вам служить, гильдмастер?

– Ничем. Я предпочел бы, чтобы вы ровным счетом ничего не делали. Простейшее дело на свете.

– В связи с...

– Гильдия намеревается возратить некоторые ценности, что были похоронены под Новым городом при разрушении Квартала Алхимиков. Значимые результаты экспериментов, памятное достояние и тому подобное. – Он махнул рукой, будто вел речь о сущих пустяках, а не о божьих бомбах, раке гильдмистрессы Роши и прочих погребенных там ужасах. – Я вынесу предложение в комитет по безопасности. И хочу лишь, чтобы вы воздержались ему препятствовать.

Эладора колко улыбнулась:

– Гильдмастер, вы понимаете, что прежняя попытка открыть это хранилище привела к катастрофе. И в любом случае захоронение находится под Лириксианской Оккупационной Зоной – и любое вмешательство будет угрозой заключенному миру.

Его лицо наигранно осунулось.

– Ах, ясно, ясно. Угроза миру, само собой, вызывает нашу крайнюю озабоченность. – Он потер подбородок. – Знаете, я слышал чудную сплетню. Бредовейший слух. Говорят, *вы* уже совершили то, что нацелился сделать *я*. Взломали хранилище под Новым городом и захватили себе всю добычу.

– Я... – начала Эладора, но Хельмонт жал дальше.

– Естественно, вздор. В том смысле, что вам ведь понадобилась бы помощь упырей, иначе как пройти сквозь их владения и открыть подземные склепы? – Он посопел, как бы принюхиваясь. – Кстати, вы не видели Владыку Крыса? Или он больше не показывается лично? Не встречались ли на днях с каким-нибудь его говорильным посредником? Как я понимаю, вы тесно сотрудничали с вожаком упырей во время вторжения.

– Владыка Крыс, – сказала Эладора, – служит городу. Как и я. Словом, прошу прощения, гильдмастер. – Она встала.

– Словом, если останки нашего достояния попали к вам, – рассуждал будто сам с собою Хельмонт, – вам бы понадобилось их где-то содержать и чинить. А не похоже, что алхимический завод стоит у вас под столом. – Он побарабанил костяшками по столешнице. – Или в вашей карманной тюрьме на Мойке.

Эладора мысленно потянулась к нему, призывая легкое волшебство. Само собой, в церемониальную цепь были вплетены противочары. У ее заклинания нет шансов пронзить такую защиту. Она села обратно, положив ладонь на ручку выдвижного ящика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.